

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА

МБУК "ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ"

Маргиналии-2025:

границы культуры и текста

Тезисы конференции

Тотьма, 4-7 сентября 2025 г.

Москва 2025

УДК 80 / 101

ББК 6 / 8

М 25

Составители

М.Ю. Михеев, А.Г. Кравецкий, Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко

М 25

Маргиналии-2025: границы культуры и текста. Тезисы конференции (Тотьма, 4–7 сентября 2025 г.). / сост.: М.Ю. Михеев, А.Г. Кравецкий, Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко. М.: ИРЯ РАН, Сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН, Тотемское музейное объединение, 2025. 152 с.

© Коллектив авторов, 2025

© Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2025

© Сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН, 2025

© Тотемское музейное объединение, 2025

«О МАРГИНАЛИЯХ» Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях. При этом целые пласти явлений оказываются *маргинальны*, попадая на «ничейную» территорию, находясь между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением, культурологией и т. д. Анализ конкретных проблем внутри подобных явлений с обращением к еще не охваченному традиционными дисциплинами материалу кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний посвящена данная конференция.

МЕСТО И ИСТОРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ

Наши конференции традиционно проводятся в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры. Это уже десятая подобная конференция.

Первая проходила в 2008 году в *Юрьеве-Польском*, городе Владимира-Сузdalской Руси, создавшем архитектуру мирового значения, но всегда остававшемся окраиной.

Вторая – в 2010 году на севере, в *Каргополе*, на водоразделе Беломорского и Балтийского бассейнов.

Третья – в 2012 году в *Касимове*, городе, через всю историю которого проходила идея границы.

Четвертая – в 2014 году в *Ельце*, одном из самых древних пограничных городов России, возникшем на Юго-восточной окраине Киевской Руси еще в XI веке.

Пятая – в 2015 году в *Полоцке*, самом древнем городе Беларуси, долгое время стоявшем на пересечении с культурными традициями Западной Европы.

Шестая – в 2017 году в *Торжке*, старшем ровеснике Москвы, пограничном форпосте Новгородской республики.

Седьмая – 2019 году в *Осташкове*, уездном городе Тверской области.

Восьмая (зимняя) – в 2020 году в *Поленове* Тульской области.

Девятая – в 2021 году в *Сольвычегодске* Архангельской области, столице Строгоновских солеварен, лесами и рекой отделенной от остального мира.

Десятая – в 2023 году в *Арзамасе* Нижегородской области, в трактирах которого, согласно литературному мифу, вершились судьбы российской словесности.

Одннадцатая – в 2025 г. в *Тотьме* (Вологодская область), городе, чье географическое положение локализуется достаточно сложно. Герб Тотьмы украшает черная лисица, которая распространена на Алеутских островах, а на территории России никогда не встречалась. Тотемские промышленники умудрялись доплыть до Северной Америки (посмотрите на карту) и между делом основали Порт Рок в Калифорнии. Ну а храмы-корабли (без кораблей в Тотьме никак) рифмуются скорее с сибирским барокко, чем с архитектурой Центральной России. Город, вся

история которого демонстрирует, что границ на самом деле не существует, станет в этом году местом проведения «Маргиналий»

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН

Тотемское музейное объединение (Тотьма

ОРГКОМИТЕТ

М.Ю. Мухеев, доктор филологических наук, в.н.с. отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института Русского языка им. Виноградова РАН (председатель оргкомитета и программного комитета)

А.Г. Кравецкий, кандидат филологических наук, в.н.с. отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (зам. председателя оргкомитета)

Ф.Н. Блюхер, кандидат философских наук, зав. сектором философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН

А.М. Новоселов, директор Тотемского музейного объединения

Осьминоги на деревьях и другие странности античного естествознания в поэме Оппиана «О рыбной ловле»

Античное естествознание началось в эллинистическую эпоху с трудов Аристотеля и Феофраста, которые и остаются его высшими достижениями. В последующие века исследовательский интерес к окружающему миру уступил место книжным, антикварным и парадоксографическим изысканиям. Тем не менее, общее любопытство к животному и растительному миру сохранялось, стимулируя создание множества сочинений, как в прозе, так и в стихах. Среди популярных тем естествознания заметное место занимала морская тематика, включавшая рассказы о жизни и повадках рыб, а также способах их ловли.

Большинство сочинений на эти темы не сохранилось. До нас дошел лишь отрывок из поэмы «О рыбной ловле», приписываемой Овидию, а также обширная поэма с тем же названием, принадлежащая перу поэта Оппиана из Аназарба (II в. н.э.).

Тот факт, что авторы черпали сведения не столько из личных наблюдений, сколько из ранее написанных книг, порой приводил к курьезам, подобным эффекту «испорченного телефона». Несмотря на то, что современные исследователи считают Оппиана относительно компетентным, отмечая его умение избегать откровенных нелепостей, он также не свободен от ошибок. В некоторых случаях происхождение этих ошибок можно проследить, в других – это затруднительно.

Так, например, рассказывая в первой книге своей поэмы (*Halieutica*, 1, 767–797) о самозарождении мелких рыбешек «афий» (*ἀφύαι*) из морской пены, Оппиан повторяет распространенную ошибку, восходящую к Аристотелю, который утверждал, что они рождаются из песчаной земли и пены (*Historia animalium*, 569b).

В 3-й книге поэмы, посвященной различным хитростям рыбаков, использующих повадки морских животных для их ловли, Оппиан пишет о "странной любви" (*ξεῖνός ἔρως*), существующей между различными видами животных или даже между животными и растениями. Сюда попадают примеры симбиоза, в том числе и реально существующие, но некоторые вызывают недоумение. Например, рассказ о "любви" осьминогов к маслинам (*Halieutica*, 3, 264–307), якобы заставляющей их покидать море и взбираться на деревья. Вероятно, этот рассказ основан на неправильном понимании слова *πολυπόδιον*, которое означает как «осьминог», так и «папоротник». Именно в последнем значении его использует Феофраст, говоря о растениях-паразитах (*De causis plantarum* 2, 17, 4). Вряд ли Оппиан опирался непосредственно на Феофраста, скорее он следовал за каким-то посредником-парадоксографом.

В другом случае Оппиан описывает необычный способ ловли морских карасей, саргов (*Diplodus sargus*), испытывающих «странную любовь» к козам (*Halieutica*, 3, 308–374). Якобы эти рыбы подплывают к козам во время их купания. Рыболовы же для ловли саргов якобы надевают козьи шкуры и маски, тем самым привлекая рыб. Этому рассказу давались различные объяснения. Одно из них исходит из того, что рассказ фантастичен, а название *τράγος* («козел») применялось к некоторым рыбам того же семейства, что и сарги; другое основано на гипотетическом уподоблении саргов козам на основании их повадок; третье считает рассказ небезосновательным и объясняет этот способ с известными поэту местными обрядами, как направленными на повышение плодовитости коз, так и связанными с поклонением богу Пану.

Источники

Aristote. *Histoire des animaux* // ed. P. Louis. Vol. 1–3, Paris: Les Belles Lettres, 1964–1969.

Lytle E. The Strange Love of the Fish and the Goat: Regional Context and Rough Cilician religion in Oppian's Halieutika 4.308–73 // Transactions of the Americal Philological Association. 2011. Vol. 141, № 2. P. 333–386.

Mayr E. The growth of biological thought: diversity, evolution, and inheritance. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1982.

Oppianus. Halieutica. Sammlung Wissenschaftlicher Commentare / ed. F. Fajen. Stuttgart and Leipzig: B.G. Teubner, 1999.

Theophrastus. De causis plantarum, book one / ed. R.E. Dengler. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1927.

Татьяна Львовна Александрова,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН

* * *

O.B. Антонова, A.B. Занадворова (Москва)

Способы представления информации в словаре для школьников: справочные таблицы

Доклад посвящен способам представления дополнительной информации, не только лингвистической, но и энциклопедической, в двух современных школьных толковых словарях: «Толковом словаре русского языка. 5–9 классы», (М., Грамота, 2025) и «Толковом словаре русского языка. 10–11 классы», (М., Грамота, в печати) авторов О.В. Антоновой, А.В. Занадворовой, Е.Г. Жидковой, Е.В. Какориной и Е.А. Никишиной.

Одной из важных задач словарей, по мысли авторов, была задача обеспечить учащимся возможность не только пользоваться словарем для определения значения или особенностей употребления слова, но и обучаться самостоятельно, расширяя знания в определенных предметных областях. С этой же целью внутри словарных статей были помещены, наряду с иллюстрациями-речениями, примеры из художественной литературы, при этом предпочтение отдавалось произведениям, которые изучаются с 5 по 9 или с 10 по 11 классы соответственно. Связь с текстами художественной литературы и актуальность их в определенном образовательном периоде повлияла и на состав словарника. Также авторы стремились включить в словарь слова, вызывающие у школьников затруднения. Как правило, речь идет об историзмах и архаизмах (таковы обозначения старинных предметов одежды, профессий, должностных чинов, денежных единиц и пр.), однако есть и иные случаи – слова, бытующие в современном языке и обозначающие существующие реалии, но снизившие частотность употребления. Так, вся лексика, относившаяся к гужевому транспорту, как и названия мастей лошадей, исчезла из активного употребления (не всякий взрослый сможет объяснить, какая окраска у буланой, гнедой или саврасой лошади), и многие произведения, включенные в школьную программу, оказываются сложными для восприятия еще и потому, что в них встречаются редкие слова.

Обилие таких сведений, их сложность для восприятия, отсутствие в современном мире реалий, позволяющих закрепить новый материал на основании опыта, подтолкнули авторов к мысли о необходимости включения в словари справочных таблиц и материалов инфографики, в которых сведения, изложенные в словаре на своих алфавитных местах, были бы представлены системно. Были выбраны области, признанные удачными для системного представления, и определены способы такого представления. В результате словарь для 5–9 классов вошли справочные таблицы о названиях терминов родства, мерах длины и веса до введения метрической системы (с инфографическими иллюстрациями), старинных денежных единицах (с иллюстрациями), таблицы о рангах, названиях старинных профессий и территориальных единиц на Руси и нек. др. В словарь 10–11 класса будут

включены таблицы с буквами старой кириллицы, основными размерами силлабо-тонической стихотворной системы, строением лошадиной упряжи, буквами греческого алфавита и обозначаемых ими реалиях и нек. др. При этом таблицы не дублируют, а дополняют описание слова на его алфавитном месте. Например, при слове *вершок* будет дана фразема *От горшка два вершка*, а в таблице представлено соотношение с другими мерами длины, а также сведения о том, что рост человека и крупных животных измерялся в вершках сверх двух аршинов, что позволит школьникам понять, почему Герасим, о которым говорилось, что он имел богатырское телосложение, был всего «12 *вериков* росту».

Все перечисленное поможет учащимся сформировать более полное представление о тех реалиях, которые есть и в современной жизни, и соотнести их с теми же явлениями, представленными, в том числе, в текстах русской литературы.

Ольга Валентиновна Антонова,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЯ РАН

Анна Владимировна Занадворова,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИРЯ РАН

* * *

О.Н. Афиногенова (Москва)

Малоизвестные чудеса вмч. Феодора Тирона: суровый воин, но добрый покровитель

Агиографическая традиция Федора Тирона чрезвычайно обширна. Самым ранним текстом, посвященным святому, является Похвальное Слово свт. Григория, еп. Нисского (BHG, N 1760). Эта Похвала содержит очень мало индивидуальных деталей а, напротив, изобилует агиографическими топосами. Все последующие подробности были добавлены в Мученичество позднее.

Вторым по хронологии источником о Феодоре Тироне является Похвальное Слово, составленное Хрисиппом, пресв. Иерусалимским (V в.) — BHG, N 1765с. К тексту добавлены 12 посмертных чудес, они также бытовали в качестве отдельного сборника (BHG, N 1765f), однако, на сегодняшний день широкому кругу читателей почти неизвестны, в отличие от знаменитого Чуда о коливе. У Феодора Тирона есть еще одно собрание посмертных чудес, составленное позднее (BHG, N 1764).

Именно наличие источника, мало говорящего о личности святого, и параллельной традиции посмертных чудес позволяет отнести Феодора Тирона к тому типу святых, у которых особенности почитания или даже можно сказать их “характер” раскрыты именно в посмертных чудесах, а не в Мученичестве. Таковы, например, святые Димитрий Сорлунский, Георгий Победоносец и др.

В данном сообщении нас будет интересовать собрание Хрисиппа. На основании содержания чудес, их можно с достаточной уверенностью датировать 460-ми или 470-ми гг. Упоминание даты встречается в 12-м чуде, в котором говорится о пожаре в Константинополе (вероятно, 465 г.), Остальные чудеса, по-видимому, происходят в Евхайтах — крупном паломническом центре Анатолии, где находились мощи Феодора Тирона.

Главным мотивом чудес этого собрания является взаимоотношение Федора Тирона с ворами, либо с теми, кто только замышляет воровство. Особый интерес будут представлять два момента: 1. Весьма содержательные беседы, в которые, как правило, вступают с Феодором Тироном состоявшиеся или потенциальные воры; 2. Невероятная

мягкость святого по отношению к преступникам. Например, в Чуде 2 солдат, укравший у женщины курицу, предназначенную для храма Феодора, обнаруживает, что пал его боевой конь. Поняв, что это наказание за проступок, солдат купил 2 больших курицы и понес их в храм мученика. По пути он разговаривает со святым, упрекая его, что целый конь — слишком большая цена за одну курицу, “но вот уж, если ты так хочешь, несу тебе двойную стоимость украденного”. И Феодор совершенно не гневается на несмирение и недовольство солдата, но является некоему путешественнику, у которого есть конь, и требует отдать коня солдату с курицами в руках. В Чуде 6 описан чрезвычайно трогательный эпизод с попыткой ребенка (очевидно, сына паломников) украсть понравившийся ему меч, который кто-то принес в церковь в качестве дара Федору. Дважды мальчик пытается взять драгоценную вещь, и дважды ощущает, что на его руку будто опускаются оковы. Поняв, что это сам святой препятствует ему, ребенок обращается к Феодору с трогательной просьбой: “Отдай мне, пожалуйста, этот меч! Зачем он тебе так нужен? Ты что, собираешься приносить в жертву корову или курицу? Подари его мне, пожалуйста, как добрый отец!” Федор явился священнику церкви и, указав, на мальчика, распорядился отдать ему чудесный меч, так понравившийся ребенку. В собрании Хрисиппа много и других примеров поразительной снисходительности Феодора к ворам и даже святотатцам.

Таким образом, святой, о котором из древнейшего источника известно только то, что он был воином-христианином и сжег храм Кибелы, в посмертных чудесах раскрывается как добрый, даже несколько сентиментальный (чудо с мальчиком) человек, прощающий всех, кто поднимает руку на имущество посвященной ему церкви.

Литература

A Tale of Two Saints: The Martyrdom and Miracles of St. Theodore “The Recruit” and “The General” / Introd., transl., comment. J. Haldon. Liverpool, 2016; Афиногенова О. Н. Феодор Тирон, вмч. Апамейский // Православная Энциклопедия. М., 2023. Т. 71. С. 265–270.

Афиногенова Ольга Николаевна,
кандидат исторических наук,
заведующая редакцией Восточных христианских Церквей
Православной Энциклопедии,
доцент МДА, старший преподаватель МГУ

* * *

М.В. Ахметова (Москва)

«Безбожная» демонология: фигура черта/дьявола в раннесоветской пропаганде

Доклад посвящен тому, как в советской довоенной атеистической пропаганде действовались образы черта/дьявола, характерные для христианской демонологии и народных мифологий и фольклора. Источниками являются прежде всего иллюстрированные атеистические журналы «Безбожник» (1925—1941), «Деревенский безбожник» (1928—1932) и «Безбожник у станка» (1923—1931), а также методические руководства и сценарии проведения «комсомольского рождества» и «красной пасхи», включающие антирелигиозные пьесы (1920-е).

Авторы антирелигиозных пьес, сатирических материалов, публиковавшихся в «безбожных» журналах, и художники-иллюстраторы исходили из пропагандистской идеи, в соответствии с которой, с одной стороны, божества, ангелы и святые разных религий, а с другой — демоны имеют единые функции для капитала и его агентов — капиталистов, кулаков и служителей культа, служа средством обмана и манипуляций со стороны эксплуататорских классов. Таким образом, сакральные и нечистые персонажи зачастую предстают в едином контексте, а божества (прежде всего христианский Бог) и черт выступают либо как союзники, а не антагонисты, либо как орудия в руках эксплуататоров. Случаи, когда функция соперничества черта с Богом реализуется через

приписываемый демоническому персонажу атеизм (что, следовательно, подразумевает определенное сочувствие этому персонажу) исключительно редки и скорее характерны для вербальных текстов, прежде всего для сценариев пьес. Наряду с этим союзниками черта (как, впрочем, и Бога) оказываются люди — представители различных категорий «врагов», прежде всего священнослужители и капиталисты, а также кулаки, колдуны и сектанты.

Отдельного внимания заслуживает советская иконография бесовского мира. Что касается визуального материала, «бездожные» иллюстраторы зачастую заимствуют многие (хотя и далеко не все) элементы средневековой иконографии. В частности, наиболее распространенными типами демонов оказываются 1) бес-эйдолон (маленькая черная фигурка), 2) полулюдей-полукозел (сатир) и 3) человекообразный бес-«дикарь». Очевидно, эти элементы заимствуются не только напрямую через конкретные иконографические образцы, но и через посредство европейской и русской секулярной книжной и лубочной иллюстрации Нового времени, хотя средневековые семантика и символика, изначально свойственные этим образам, выветриваются и переосмысливаются.

Ахметова Мария Вячеславовна
кандидат филологических наук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
старший научный сотрудник, зам. главного редактора журнала «Шаги / Steps»

* * *

A.B. Бабаева (Воронеж)

Мемуары – «ловушки» социальной памяти

«Человек, описывая свою жизнь,
показывает себя таким, каким хотел казаться,
а вовсе не таким, каким он был на самом деле»
Ж-Ж.. Руссо

В настоящее время мы вновь переживаем «бум» автобиографической и мемуарной литературы. Пишут все и обо всем. Вуаль, прикрывающая личную жизнь, в цифровой реальности не просто отброшена, а предана забвению, как что-то нелепое. Уже в далеком 1998 году американский журналист и писатель Уильям Зинсер в книге «Изобретение истины: искусство и ремесло мемуаров» оценивая современную эпоху, отметил, что сейчас эпоха мемуаров, возник даже специальный термин – мемуаромания.

Иллюзия прозрачности цифровой цивилизации растворила границу между публичным и личным. Мемуары и автобиографии пытаются сформировать представление о важности каждого в историческом процессе. Актеры, бизнесмены, военные, политические деятели и многие другие пишут и публикуют свои мемуары, формируя представление о том, что эти описания важны для последующих поколений.

Повседневная жизнь в мемуарах предстает более интересной, чем в исторических описаниях. И в этом очарование жанра мемуаров. В конце XIX века роль мемуаров в процессе исторического исследования была высоко оценена. Мемуары воспринимались как «драгоценнейший материал для изучения умственного и нравственного строя людей известного времени и общества» [1, С.10]. Но, мы как-то стали забывать, что вместе с ростом популярности жанра мемуаров, появлялись и негативные оценки. В 1798 году немецкий философ Шлегель Ф. писал: «Чистые автобиографии пишут либо невротики, очарованные собственным эго, как в случае Руссо; или авторы с сильным артистическим или авантюрным самолюбием, такие как Бенвенуто Челлини; или прирожденные историки, считающие себя лишь материалом для исторического искусства; или женщины, которые кокетничают с потомками; или педантичные умы, которые хотят привести в порядок даже самые мелкие вещи, прежде чем умрут, и не могут позволить себе покинуть мир без комментариев». Позже ему вторили многие авторы.

Потребность сделать историю «живой» «котодвинула» негативные оценки. Мемуары, переписка, автобиографии на длительное время заполнили существующую нишу в исторических исследованиях. Попадая под это очарование, стремясь «вкусить аромат прошлого», мы, сами того не замечая, преувеличиваем роль взгляда человека на то или иное событие. Искренне веря в объективность описываемых событий и людей. Хотя в такой оптике можно выделить определенные проблемы. В 1928 году Андре Моруа отметил, что автобиография детства почти всегда банальна и неправдива, даже если сам автор искренен. Банальность и неправдивость можно увидеть не только в автобиографиях детства, но и во многих мемуарах. Даже искренняя вера автора в то, что он пишет «правду и только правду» не снижает субъективность взгляда. Особенно когда описываются конкретные события взрослой жизни. И в первую очередь это касается тех моментов, которые впоследствии человек стал воспринимать как «переломные». В мемуарной литературе можно выделить не только субъективный взгляд на происходящие события (что является важным при формировании более глубокого понимания исторического прошлого), но и специальные искажения, желание оправдать свои поступки за счет приписывания негативных качеств другим и т.п.

Появление и развитие в современной культуре автофиксена (от французского *auto* — «само-» и *fiction* — «сочинение»)¹ еще дальше уводит нас от объективной реальности. Создатели автофиксена отстаивают представление, что в любых мемуарах на первый план должно выходить художественное переосмысление воспоминаний и описываемое событие обязательно трансформируется. В этом жанре выдуманное и реальное так переплетено, что читатель либо должен решить предложенный автором квест, отделив правду от вымысла, либо принять на веру все описанное.

Субъективные версии объективных событий начинают транслироваться и активно воздействовать на социальную память.

Можно наблюдать достаточно активные процессы перекодировки в современных условиях, которым подвергается как социальная, так и историческая память. Перекодировка происходит и в смене ценностно-смысовых сценариев, где прошлое активно пересматривается, и в возрастании роли субъективности. Субъективный взгляд начинает вытеснять логику причинно-следственных связей в понимании прошлого. Мы так долго отказывались от признания роли субъекта в историческом процессе, что «маятник качнулся в другую сторону».

В свое время Ю.М. Лотман писал: «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует хранить, а что подлежит забвению»[2, С.200]. Но, реальное забытое событие, факт, человек может актуализироваться при определенных условиях вновь. Места «забытого», которые существуют в любой культуре, в последнее время вытесняются не существовавшим. Осуществляется репрезентация неисторического прошлого и рождается неомифология. И как результат все больше расширяется поле общественной амнезии, которая вытесняет из социальной памяти реальные события.

Литература

1. Чечулин Н.Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 22 января 1891 года – СПб, 1891.
2. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении//Лотман Ю.М. Избр.статьи. Т.1. – Таллин, 1992.

¹ Согласно Википедии, от фр. *autofiction* (буквально — «самовымысел», «самосочинение»). Но по-французски это должно было бы звучать как «отофиксцион»; так что в русском это заимствование – уже «англизированного французского». (Согласно А.Д. Белогорцеву, впервые этот термин употребил французский писатель Серж Дубровский в 1977 г., авторской аннотации к своему роману “Сын” (“Fils”, см. ниже), и он же охарактеризовал автофиксэн как «вымысел абсолютно достоверных событий и фактов»). [Прим. редактора].

Бабаева Анна Владимировна,
доктор философских наук, независимый исследователь

* * *

Е.Э. Бабаева (Москва)

«Сценарные» эвфемизмы как свойство неформальной речи (на материале французского языка)

Как хорошо известно, эвфемизация предполагает своего рода словесную «упаковку» какого-л. смысла, которая оставляет носителю языка возможность догадаться, о чем идет речь. Согласно определению Д.Н. Шмелева, эвфемизмами называются такие языковые единицы, которые служат для замены обозначений, представляющих говорящему «нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Д.Н. Шмелев. Эвфемизм // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979]. Авторы, обращавшиеся к данной теме, выделили основные способы образования эвфемизмов. Наиболее полная классификация конкретных способов эвфемизации, включающая 14 приемов, представлена в монографии В. П. Москвина «Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка» (Волгоград, 1999). В статье «Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования» (Вопросы языкознания, №3, 2001, с.58-70) В. П. Москвин, обобщая сделанные исследователями наблюдения, предложил распределить эти способы эвфемизации на четыре большие группы: нарочитая двусмысленность речи; нарочитая неясность, снимающаяся контекстом или ситуацией; нарочито неточная речь; прямое наименование, не имеющее богатых бытовых ассоциаций. Однако в литературе до сих пор не обращалось внимания на особый способ эвфемизации, который состоит в том, что определенный смысл может замещаться предикативной конструкцией, описывающей действия или занятия субъекта, метафорически передающие этот смысл. Так, например, во французском языке смысл ‘лениться’ может передаваться при помощи названий действий или же «псевдодействий»: *tirer une carotte* (‘вытягивать морковку’), *compter les fèves* (‘считать бобы’), *peigner la girafe* (‘причесывать жирафа’), *se regarder le nombril* (‘смотреть на свой пупок’), *faire la moule* (‘прикидываться моллюском’), *traîner la savate* (‘шаркать тапками’). Такие эвфемизмы можно было бы назвать «сценарными», поскольку они обладают сюжетностью. В докладе будут рассмотрены «сценарные» эвфемизмы, представленные в разговорном регистре французского языка для ситуации ‘смерть’, которые можно объединить в группы со сходными сюжетами (например, подготовка к отъезду; путешествие; уничтожение личных документов; порча или неправильное использование бытовых предметов).

Бабаева Елизавета Эдуардовна,
кандидат филологических наук,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

* * *

Л.А. Барышникова (Нижний Новгород)

«По родительским польтам пройдясь...» (1999) Б.Рыжего: опыт комментирования

В настоящем докладе предпринимается попытка комментирования стихотворения «По родительским польтам пройдясь...» (1999) Бориса Рыжего, одного из ярчайших

поэтов девяностых. Нами выбран жанр синтетического комментария, целью которого является глубокое прочтение текста автора как сложноорганизованного художественного целого, так и как артефакта эпохи.

Комментарий как литературоведческий жанр в последние десятилетия набирает всё большую популярность. В нынешней ситуации комментарий выходит за рамки простого толкования артефакта культуры и существует как самодостаточное явление, находящееся на стыке различных научных дисциплин.

В докладе демонстрируется опыт синтетического комментария стихотворения Бориса Рыжего «По родительским полтам пройдясь...» (1999). Задачей исследования, с одной стороны, является глубокое прочтение и интерпретация текста поэта, а с другой — попытка зафиксировать реалии времени, стремительно превращающиеся в экзотизмы.

Исследование сочетает в себе следующие виды комментария:

- реальный/фактический/конкретный комментарий (биографический аспект, развернутое пояснение реалий: «Памир», «газетный киоск», «похоронные трубы не переставали играть»², география Свердловска, искаженно отраженная в стихотворении т. д.);
- поэтологический комментарий, обращающийся к особенностям поэтики стихотворения (связь «По родительским полтам пройдясь...» с диахотомической структурой «поэты и бандиты», которая является важнейшей категорией в поэтическом мире автора, а также немаловажные для Бориса Рыжего темы поэта и поэзии, памятника, мотив «провинциального поэта», образ квартала и пр.);
- лингвистический комментарий (например, уральское «нашкуляв», вписанное также в бандитский дискурс);
- историко-литературный комментарий (тема памятника, память метра).

В текстах Бориса Рыжего представлена индивидуальная картина мира на фоне большой истории. Механизм понимания и осознания действительности автором сложен, однако, по всей видимости, представляет собой повторяющуюся из текста в текст модель. Посредством комментирования, вероятно, может быть прояснено то, как у Рыжего реальность переходит в категорию эстетического.

В тезисах к докладу не прилагается библиографического описания, т. к. настоящая работа носит эвристический характер, и для нас более значимым является методологический аспект. Доклад представляет собой практическую реализацию теоретической концепции понимания творчества автора, в связи с этим список литературы номинален: он может быть как исчерпывающее большим, так и исчерпывающее малым.

Барышникова Любовь Александровна
студентка 4 курса факультета гуманитарных наук
НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород),
образовательная программа «Филология»

* * *

Л.В. Безбородова, И.А. Ягуза (Ростов-на-Дону)

Способы оформления справочного аппарата в научных изданиях

Основной задачей, с которой сталкивается дизайнер при оформлении научных изданий, является проектирование макета и верстка будущего издания. Сложность

² Рыжий Б. По родительским полтам пройдясь... // Стихи 1993—2001. СПб.: Пушкинский дом, 2014. С. 259.

поставленной задачи состоит в том, что, с одной стороны, издание рассчитано на массового читателя, а с другой стороны, оно должно сохранять весь научно-справочный аппарат, который подготовил автор. Для выполнения поставленной задачи был проанализирован комплекс источников, включающий архивы, раритетные и библиофильные издания, а также ряд старинных источников. Выявлено, что для оформления книг, посвященных истории региона и истории Церкви, характерно большое количество ссылок [1].

Данное исследование проведено на примере создания научного издания «Славный град Черкасск. Собрание сочинений протоиерея Григория Левитского» [2]. Составители – А.В. Шадрина и Л.А. Штавдакер, автор вступительной статьи и комментариев – А.В. Шадрина. В процессе оформления научно-справочного аппарата возник ряд сложностей. В данном издании имеется нескольких видов ссылок, которые расположены на каждой странице: первый вид ссылок на издания авторов XIX в., которые приводил Г. Левицкий, публиковавший свои отдельные сочинения в различных журналах Донского региона с 1852 по 1871 гг. Сами тексты сочинения Г. Левитского требуют пояснений, которые приведены публикатором и автором комментариев А.В. Шадриной в постраничных ссылках, – обозначим их вторым видом ссылок.

Задача, поставленная перед дизайнером, заключалась в том, как «развестить» два вида ссылок и сохранить научно-справочный материал таким образом, чтобы было понятно, к какому из авторов принадлежит данная информация.

В процессе работы над данным изданием применено несколько способов оформления ссылок:

- **Компоновка двух видов ссылок.** Для целостного восприятия любого текста важно, чтобы все его элементы были связаны друг с другом, с этой целью заметки Г. Левитского расположили ближе к основному тексту, сбоку на полях. Такой порядок компоновки заметок называется маргиналиями. Здесь же в квадратных скобках расшифрованы употребленные Г.А. Левитским сокращения. Второй вид ссылок – текст А.В. Шадриной, – оформлен в виде постраничных сносок: в нижней части страниц, под основным текстом.
- **Два вида обозначения ссылок.** В основном тексте римскими цифрами обозначены ссылки автора публикуемых источников, ссылки составителя – арабскими цифрами. Этот способ разграничения является наиболее логичным и удобным для восприятия, способствует быстрому распознанию информации в тексте в таких проблемных местах, где автор и составитель встречаются рядом в одном информационном поле, и дают объяснение одному и тому же понятию.
- **Цвет ссылок и нумерация к ним.** Для четкого разграничения в тексте нумераций двух видов ссылок использован художественный прием выделения информации цветом: ссылки составителя в издании оставлены черным, как и основной текст, ссылки автора и нумерация – бордовым.
- **Полужирное начертание ссылок.** В основном тексте к обоим видам ссылок применено полужирное начертание, что делает их более ярким и доступным к желаемому контенту.

А.И. Сидоров, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РАН, в своей статье «Маргиналии в средневековых рукописях как исторический источник» пишет, что «до начала XXI в. традиция оставлять пометы на полях не прерывалась». «Эпоха маргиналий в том виде, в котором она существовала последние 1200 лет, по-видимому, завершается» [2]. В настоящее время использование маргиналий в современных изданиях встречается нечасто. Однако сейчас появилась практика переиздания, переосмыслиения ранее опубликованных произведений как научного характера, так и других видов изданий. Современное издание «Славный Град Черкасск. Собрание сочинений протоиерея Григория Левитского» показывает, что востребованность

данной тематики существует, и вновь актуализируется необходимость использования маргиналий как художественного элемента.

Литература

1. Кудрявцев С. А. Маргиналии в кириллической книжности XVI-XVII вв. / С. А. Кудрявцев // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 2005. – [Вып. 6]. – С. 60-74.
2. Славный град Черкасск. Собрание сочинений протоиерея Григория Левитского / сост. А.В. Шадрина, Л.А. Штавдакер; автор вступ. статьи и comment. А.В. Шадрина. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. – 240 с.
3. Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сборник научных трудов / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – Т. 37. – Стр. 8.

Безбородова Лилия Викторовна,
магистрант кафедры «Дизайн» Академии архитектуры и искусств
Южного Федерального университета,
ведущий художественный редактор ЮНЦ РАН

Ягуза Инна Александровна,
научный руководитель, доцент кафедры «Дизайн» ААИ ЮФУ

* * *

А.Д. Белогорцев (Белгород)

Автофикациональное как метод: от текста к изображению

В докладе предлагается рассмотреть автофикациональное как маргинальное и междисциплинарное явление, выходящее за пределы традиционного литературного жанра.

Почти за пятьдесят лет с момента появления термина (1977 год, в аннотации к роману «Fils» Сержа Дубровского)³, автофикациональное так и не смогло сформировать жанровые признаки, которые помогли бы четко ответить на вопрос, какое произведение можно отнести к жанру, а какое нет. Однако его популярность продолжает расти, что даёт нам основание говорить об автофикациональном не как о литературном жанре, а как о социально-культурном явлении. Не ограничивая авторов в структуре или форме, автофикациональное сохраняет в себе всего несколько признаков, которые делают его узнаваемым среди остальных явлений. Арно Шмитт, профессор университета Бордо и исследователь автофикационального, предлагает разделить эти признаки на первичные и вторичные: к первичным относятся те, без которых автофикациональное не может существовать, их всего два: ономастическое соответствие и сходство биографического происхождения между автором и повествователем⁴.

Автофикациональное превратилось в общекультурную практику, метод, посредством которого поднимаются проблемы самоидентификации, переосмысливания истории и памяти, ценности жизни отдельной личности, поиск баланса между правдой и вымыслом, а также разрушением уже устоявшихся нарративов. Обретая статус явления маргинального, автофикациональное расположилось на пересечении филологии, философии, культурологии, истории и даже визуальных искусств. Этот статус «пограничности» делает автофикациональное особенно продуктивным объектом исследования в рамках методологических поисков современного гуманитарного знания.

³ Doubrovsky S. Fils. Paris: Editions Galilee, 1977. 469 p.

⁴ Schmitt A. The Pragmatics of Autofiction // The Autofictional. Approaches, Affordances, Forms. Palgrave Studies in Life Writing. Edited by A. Effe, H. Lawlor. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022. P. 86. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-78440-9_5 (дата обращения: 05.02.2025).

Попытка проиллюстрировать выход автофикашн за пределы литературы начинается с принятия терминологии: а именно с предложения употреблять более точное прилагательное «автофикациональный» или словосочетание «автофикациональная проза», когда говорим о некоторых автофикациональных элементах в произведении, а термин «автофикашн» оставить для случаев, когда говорим об автофикашн как о социально-литературном явлении, в котором вопрос о пропорциональной составляющей биографического / художественного не имеет принципиального значения.

Благодаря терминологическому разделению существительного «автофикашн» и прилагательного «автофикациональный» появилась возможность исследовать отдельные проявления автофикационального в искусстве, рассматривая несвязанные ранее произведения как единое целое, добавляя к литературе произведения из других видов искусства (фотография, кино, изобразительное искусство).

В докладе рассматривается взаимосвязь и сближение текстового автофикашн с фотографией, в которой уже изначально заложены вопросы идентичности, документирования личности и фрагментированных воспоминаний.

Таким образом, исследование проявлений автофикациональных элементов в искусстве позволяет гуманитарному знанию выйти за рамки дисциплинарных границ и сосредоточиться на подвижных, «переходных» формах культурного высказывания.

Белогорцев Андрей Денисович,
аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета

* * *

М.Г. Белодедова (Москва)

Элементы биографии и автобиографии в ненецких личных песнях и детских песнях *нюкубц*

В ненецкой традиции распространен жанр личных песен, – такие песни человек создает во взрослом возрасте для себя, причем важно, чтобы автор создал и мелодию, и текст самостоятельно. Личные песни известны своей импровизационностью и автобиографичностью – они могут создаваться как по следам некоего происшествия, на злобу дня, так и включать своеобразное описание всей жизни человека, в них могут открываться потаенные чувства и желания. Такие песни называют «песнями-исповедями», «песнями-автобиографиями», своеобразными «паспортами» создающих их людей.

К жанру личных песен исследователи обычно относят и песни *нюкубц*, которые также называют детскими личными песнями. *Нюкубцы* хоть и имеют со взрослыми песнями ряд важных различий (как, к примеру, несовпадение автора песни и ее героя), но обладают и сходствами, позволяющими отнести их к жанру личных песен. Песни эти создаются по подобию взрослых личных песен, но для детей, их ближайшими родственниками (родителями, братьями, сестрами, бабушками и дедушками). Как и взрослые личные песни, *нюкубцы* обладают импровизационным характером и часто создаются вслед за какими-то важными для ребенка событиями или происшествиями. В *нюкубцах*, как и во взрослых личных песнях, можно встретить описание внешнего вида человека, которому посвящена песня, черты его характера и другие особенности, по которым можно его узнать. Можно сказать, что *нюкубцы* отличает биографичность – в них часто включаются элементы повседневной жизни, какие-то паттерны поведения и привычки ребенка.

Важным для личных песен ненецкой традиции оказывается ограничение на их исполнение. Для песен *нюкубц* таким ограничением является круг тех, кто может ее исполнить, в которых включены лишь близкие люди, – те, кто проводят с ребенком много

времени и хорошо его знают. Для взрослых же личных песен регулируется контекст исполнения: петь чужие личные песни в присутствии их автора не принято, это считается неприличным. При этом исполнить чужую личную песню можно, если автора нет рядом, но необходимым элементом в таком случае становится указание на него перед началом исполнения. Так, указание на автора песни (называние его имени) можно найти как в начале песни, так и в самом тексте (разнообразные автобиографические элементы). Такая структурная особенность характерна и для детских песен *нюкубц* – в них часто можно найти как указание на имя ребенка, которому посвящена песня, так и характерные особенности его внешности и поведения, места проживания или рождения, черты характера и привычки.

Белодедова Маргарита Геннадьевна,
Учебно-научный центр типологии и семиотики фольклора РГГУ (специалист по УМР)

* * *

B.B. Бельский (Москва)

«Писал ИлиМильку-шаббанит, диктовал АттинПарлану»: Функция колофона при фиксации угаритской эпической традиции

В рамках предлагаемого доклада будет рассмотрена функция колофона в угаритской письменной традиции XIV–XIII вв. до н. э. Как известно, угаритские сакральные тексты не имеют указаний на авторство, однако некоторые из них сопровождаются колофоном: «Писал ИлиМильку-шаббанит, диктовал АттинПарлану» ([spr. ?ilm lk. šbny. lmd. ?tn.]prln) и «Писал ИлиМильку, дар (царю НикмАдду?)» (spr ?ilm lk t̄y). В качестве основных источников исследования будут привлечены угаритские эпический цикл о Ба́лу и поэма «Акхит», подписанные именем писца ИлиМильку. Также будут проведены параллели с аналогичными по жанру текстами древнееврейской традиции.

Среди богослужебных текстов ряда культур древнего Ближнего Востока особое место занимают эпические повествования. В отличие от молитв и заклинаний спецификой узуса этих текстов являлось их произнесение в определенные дни года – в религиозные праздники. Эта связь эпического нарратива с годовым циклом богослужения была обусловлена значимостью определенного времени года для жизни общества (например, начало сельскохозяйственных работ), с одной стороны, и особым статусом подобных богослужебных текстов – с другой.

С точки зрения своей внешней и внутренней структуры литургические тексты данного типа отличались двумя принципиальными характеристиками. Поскольку произнесение текста предполагало торжественную декламацию (чтение речитативом), текст делился на стихи, организованные посредством параллелизма. Основным же содержанием текста было повествование о богах (теогония, теомахия), их взаимоотношениям с человеком, а также нарратив о ранних этапах истории того общества, в рамках которого данный богослужебный текст использовался («первичный рассказ»). Эти композиционные и содержательные параметры эпических текстов позволяют определить рассматриваемый тип текстов в целом как «нарративную поэзию», однако в данном случае литературные характеристики не являются исчерпывающими. Особый статус данных богослужебных текстов, проявлявшийся в их использовании в торжественном богослужении тем или иным обществом, связан с рецепцией подобного текста отдельно взятым обществом в качестве сакрального текста, фиксирующего нормативную традицию. Стоит добавить, что в рамках культуры древнего Израиля эпический нарратив выполнял этиологическую функцию по отношению к правовым установлениям.

Сакральный статус рассматриваемых повествований непосредственно связан с необходимостью их ассоциации с авторитетным для данного общества лицом. В случае Торы обязательность нормативной традиции утверждалась посредством ее атрибуции авторитетному учителю – Моисею. Очевидно, что в случае угаритских текстов сам факт использования колофона (не свойственного для сиро-хеттской писцовой традиции обозначения имени писца) указывает на стремление ИлиМильку показать сакральный статус записанного им текста.

Бельский Владимир Викторович,
кандидат теологии, доцент кафедры библейско-богословских дисциплин
Общецерковной аспирантуры и докторанттуры имени святых Кирилла и Мефодия

* * *

Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко (Москва)

«Цивилизация»: термин, понятие, концепт, метафора

Слово «цивилизация» многозначно. Первое – это некий этап исторического развития человечества, например, античная цивилизация. Второе – некая пространственная локализация этапа исторического развития человечества, например, микенская цивилизация. Третье – некая культура, лежащая в основании развития человечества, например, цивилизация риса. Четвертое – этап прогрессивного развития человечества, отличающийся от предшествующего, например, противопоставляющийся варварству. Пятое – этап «синтеза одновременно социального и морального развития человечества»⁵. Шестое – это приобщение «менее развитых» народов к более «высокой культуре» путем экспансии. Седьмое – синоним слова «культура». Восьмое – некая целостность культурно-религиозного содержания, объединяющего несколько государств обширного региона земли, например, христианская цивилизация. Девятое – наличие в населенном пункте элементов городского уклада жизни: центральной канализации, административных, медицинских, образовательных и правоохранительных заведений. Возможно, мы привели не полный перечень, потому что русский синоним слова «цивилизация» содержит 15 слов, а само слово может употребляться и с прилагательным «внеземная». Цель нашего исследования – уточнение содержания слова в зависимости от его использования в контексте формирования идеологии.

В исторической науке термин «цивилизация» использовался для обозначения перехода к централизованной городской жизни от сельских земледельческих общин. По времени это совпадало с шумерской цивилизацией середины 4 тыс. д.н.э. и локализацией в городе Урук. В качестве признаков цивилизации выделялись наличие: города, государства, письменности и возникновения сложной социальной иерархии, включающей управление сакральными и административными функциями. Так как сведения о первых цивилизациях были получены благодаря археологии, то в рамках линейного подхода к истории возникла последовательная схема этапов развития человечества: керамика, города, бронза, государства, письменность, цивилизация. Однако накопившиеся за последние 50 лет археологические данные (Гёбекле Тепе, Чатал Хююк, Иерехон, культура Убейда) ставят под сомнение жесткую последовательность перечисленных признаков обретения цивилизованности. Это приводит к тому, что историки избегают использовать слово «цивилизация» как термин, заменяя его словом «культура»⁶.

⁵ Федорова М.М. Цивилизация и традиция // Россия в архитектуре глобального мира. С. 381.

⁶ Гурко С.Л. «Цивилизация» как симптом // Vox. Философский журнал. 2021. № 35. С96-100.

Понятие «цивилизация» широко используется философами, исследующими развитие европейской культуры (О. Шпенглер, Н. Элиас, В.С. Библер и др.). При всей разнице подходов общим является то, что это некая целостность материальных и социальных условий, которая позволяет воспроизводить прогрессивное развитие социума. В отличие от научной философии XX века, где объектом исторического анализа считалось развитие понятия (der Begriff), которое описывало изменение содержания научных терминов, используемых для описания объективной реальности, в современной философии используется понятие концепт (das Konzept). Если, при исследовании «понятия», мы должны были рассматривать, насколько точно тот или иной термин передает содержание объективных процессов, то при формулировании «концепта» можно было использовать любые тексты, в которых употребляется то или иное слово. Проблемой в «новой философии» становится не соотношение истинных знаний действительности, а использование речи для выражения качественных различий между объектами наблюдений. Поэтому именно концепт может использоваться как инструмент идеологии.

С другой стороны, мы можем констатировать, что при конструировании идеологического шаблона используется еще одна схема. В отличие от «слова», которое имеет омонимы, и «термина», который определен строго и однозначно, «понятие» определяется областью применения или дисциплиной, в которой оно используется. В каком-то отношении понятие близко к термину, но если перенос термина в другую сферу применения делает высказывания с его использованием бессмысленным, то перенос понятия в смежную с данной дисциплиной область создает метафору. Роль метафоры как раз и заключается в переносе значения понятия из одной области исследования в другую с тем, чтобы сделать новую область если не познанной, в силу ограниченности нашего познания, то хотя бы понятной (например, государство-цивилизация). Применение в идеологии обоих инструментов – концепта и метафоры, – создает двусмысленность при формировании идеологемы «цивилизация», что, в свою очередь, мешает идеологии подвести социальное явление целиком под один символ, который побудил бы граждан к «возможным целесообразным действиям»⁷.

Блюхер Федор Николаевич
к.ф.н., ведущий н.с. Института философии РАН

Гурко Сергей Львович
независимый исследователь

* * *

A.M. Введенский, A.C. Кибинь (Санкт-Петербург)

Первая письменная фиксация мифологического персонажа навка

В современных фольклористических работах отмечается близость восточнославянских русалок и украинских *мавок* (*навок*) по некоторым признакам (Виноградова). *Мавки*, как и русалки, происходят по народным представлениям из душ умерших детей. На Западной Украине считалось, что *мавки* появляются в виде птиц или птенцов. Существуют свидетельства о том, что они могут выглядеть как маленькие дети или как девушки необычно высокого роста. Русалка же чаще всего показывается в обличье красивой девушки. Однако в юго-западном регионе расселения восточных славян (Белоруссия, Украина, Юг России) внешний вид русалок может сильно различаться. Она может являться в образе старухи, бабой с непомерно большой грудью. Как отмечают исследователи, для белорусского региона более типичен непривлекательный вид

⁷ Гирц К. Интерпретация культур. М.:РОССПЭН, 2004 (Geertz, Clifford, The Interpretation of Cultures, Russian Translation). С. 250.

русалок, а на Украине скорее привлекательный. *Мавки* на Волыне и в Прикарпатье, как и русалки, появляются в виде девушек, которые заманивают парней, чтобы вступить с ними в любовную связь.

Очевидная связь мифологических персонажей была отмечена исследователями еще в XIX в. Однако вопрос о времени появления слова *навка* в значении мифологического персонажа остается открытым. Русалка же впервые упоминается в «Слове о злых женах» в списке конца 70-х – начала 80-х гг. XV вв.: «Видевъ русалки по граду идуща и рукавома прегыбающемъ и рече: «Се суть муроносице адовы идуть къ отцю своему Сотоне!».

В словарях древнерусских, староукраинских и старобелорусских, а также в Словаре русского языка XVIII век ни *навка*, ни *мавка* не обнаруживаются.

Прояснить вопрос о первом письменном употреблении слова *навка* помогает рукописная находка одного из авторов тезисов. Это маргинальная запись на полях Ермоловского списка Ипатьевской летописи (ОР РНБ, F.IV.231), который датируется 1710-ми гг. На листе рукописи, содержащей текст статьи 1068 г., где рассказывается о «казнях Божьих», есть фраза о дьявольском прельщении: «Но сими диаволь лстить и другими нравы всякими лестми пребаля нас от Бога, трубами, и скоморохи, и гусями, и русалиями». Над слово «русалиями» стоит знак выноса в виде трех знаков кратки, больше напоминающий выносную букву *м*. Рядом с этим словом на поле с тем же знаком – трех краток – написано слово «науки». Это говорит о том, что, скорее всего, это пояснение к «русалиям».

Как представляется, перед нами не только первая фиксация слова *навка*, представленное во множественном числе, но также и первое соотнесение русалий и навок. Так как никаких действий/праздников, которые назывались бы навки, мы не встречаем в текстах XIX – XX в., то в этом пояснении следует видеть представление, зафиксированное в этнографический текстах с территории Украины, о появлении навок в Русальную (Троицкую) неделю.

Ряд помет на полях, в том числе и эта, скорее всего, написаны составителем списка, то есть появились также в 1710-х гг. Важно отметить, что исследователи считают, что Ермоловский список был создан в Киеве, то есть в том регионе, где верили, как раз, в существование *навок*.

Введенский Антон Михайлович
Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник СПб ИИ РАН,
старший преподаватель СПб НИУ ВШЭ

Кибинь Алексей Сергеевич
кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж

* * *

А.Ю. Виноградов (Москва)

Об источнике сюжетов в двух арабских сказках: «Синдбад-мореход» и «Али-Баба и сорок разбойников»

Поиск древних источников, исторических или литературных, для народных сказок — один из самых спорных вопросов в литературоведении и фольклористике, тем более если текст дошел до нас в пересказе европейского собирателя Нового времени. Все это заставляет многих исследователей предпочесть поиску такого источника классификацию сюжета сказки по каталогу Аарне-Томпсона-Утера. Рассмотрим эту проблему на примере двух сюжетов из арабских сказок.

Сказка о Синдбаде известна в рукописях только с XVII в. Еще Р. Хоул в 1797 г. назвал цикл Синдбада арабской «Одиссеей» на основании сходства ряда ее сюжетов с гомеровской поэмой. Это касается и сюжета из начала четвертого путешествия Синдбада: он со спутниками попадает после кораблекрушения на остров, где правитель угощает их колдовской пищей, от которой те теряют разум, их откармливают и употребляют в пищу. Сравнение с историей Кирки из десятой книги «Одиссеи», действительно, выявляет ряд

близких мотивов: приглашение на коварное угощение, волшебное превращение вкусивших пищу в неразумных существ. Но существуют и важные различия: в сказке люди просто теряют разум, а не превращаются в свиней, но зато присутствует мотив использования их в пищу правителем и его подданными, равного людоедству (каннибал-великан есть и в третьем путешествии Синдбада).

Поэтому более близким источником здесь представляются также вдохновленные «Одиссеей» апокрифические «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов» (гл. 1–2). Хотя здесь нет мотива приглашения на коварную трапезу, но присутствуют остальные: город людоедов, магическое зелье, изменение зрения, утраты разума, откормка на убой, людоедство и рассказ героя о своих приключениях после спасения. «Деяния Андрея и Матфия» IV в. получили перевод и на арабский язык (известен в рукописях с XIV в.). С историей Синдбада их сравнил еще С. Рейнак, но для него акты были христианским вариантов распространенной морской сказки. Однако древность текстов, вкупе с огромной популярностью «Деяний» на Востоке однозначно говорит в пользу обратного.

Сказка «Али-баба и сорок разбойников» не известна по-арабски, а была записана А. Гийаном в 1709 г. от сказительницы-маронитки Ханны Дияб из Алеппо. Текст объединяет в себе ряд популярных сюжетов (№ 676 и 954 по каталогу Аарне-Томпсона-Утера), но ни одна из таких сказок, не зависимых от «Али-бабы», не содержит сюжета с желающими убить героя разбойниками, которые прокрались в город, спрятавшись в поклаже, но были изобличены и убиты. Следует ли считать этот сюжет выдумкой Дияб или даже Гийана? У. Марцольф справедливо указал на его сходство с стратагемами, описанными в древнеегипетской «Повести Юпы» XV–XIV вв. до н.э. (500 воинов в 200 корзинах) и у арабских историков XII в. Ар-Рагиба аль-Исфахани и Абу-ль-Фараджа ибн аль-Джаузи (в сундуках, якобы с сокровищами). Но там отсутствует важнейший элемент сюжета — разоблачение и уничтожение прокравшихся в город вооруженных людей.

Он есть, однако, в рассказе «Обозрения истории» Иоанна Скилицы (19, 17) об арабской осаде византийской Эдессы в 1038 г.: арабы ввезли в сундуках, якобы с дорогими подарками, тысячу воинов, но их услышал нищий, сообщивший об этом стратигу, который уничтожил тех. Создание «Обозрения истории» отстоит от описываемых событий всего на 25 лет, а информаторами Скилицы о событиях на Востоке были высокопоставленные командиры восточной армии империи. Поэтому вполне вероятно, что в основе его рассказа лежат реальные события, которые превратились у сирийских христиан в сказочный сюжет и так дошли до Дияб. У мусульманских же писателей эта история прекратилась в рассказ об удачной осаде Самарканда.

Виноградов Андрей Юрьевич,
д.ф.н., профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ

* * *

Е.А. Виноградова, Г.В. Титов (Москва)

«Силок Велиара»: фреска трапезной монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе и изображения ада в иконографии «Лествицы»

В трапезной монастыря св. Иоанна Богослова на о. Патмос, в первом слое росписи (1176–1180 гг.) в тимпане южной арки на западной стене представлено Успение праведника, созерцаемое некоторыми преподобными. Эта часть программы росписи трапезной подробно описана в литературе (А. Орландос, А. Гаврилович, В. Маринис). На склонах арки, приложенной чуть позже, в первой половине XIII в., тема получает свое развитие: помещена сцена Успения грешника и продолжается Успение праведника. Эти

композиции до сих пор не получили убедительной интерпретации, и мы попробуем дополнить и скорректировать существующие представления о них.

Трапезная была перестроена в первой половине XIII в., и тогда же была сделана новая роспись на ее сводах. Те сюжеты, которые оказались закрыты арками, приложенными к стенам, были художниками бережно скопированы. По всей видимости, Успение грешника на левом склоне арки воспроизводит композицию, которая могла быть левее сохранившегося Успения праведника. Последняя изображает архангелов Михаила и Гавриила, а также царя Давида с певчими, которые помогают душе праведника покинуть тело. Слева ее созерцает, по-видимому, преп. Евфимий Великий. Особенности иконографии Успения праведника, как показал Р. Штихель, восходят к тексту из *Vitae Patrum*.

Правее этой композиции в тимпане представлен другой преподобный, — вероятно, св. Антоний Великий. Он был обращен к некому изображению, находившемуся справа, а после перестройки — воспроизведенному на правом склоне арки. Стихотворный текст рядом с фигурой св. Антония, очевидно, поясняет этот уникальный сюжет (впервые прочитан А. Орландосом, вновь опубликован А. Роби, переведен А.Ю. Виноградовым):

Узри, собранье богозванное, силок,
кой сам поставил Сатана и Велиар,
что неба достигает в уловленье душ,
и как во ада те разверстые уста
бросает на съедение ослушников.
И естества, что в добродетелях своих
увидь же, как теперь неудержимо их,
бесстрашно, беспрепятственно...

На правом склоне арки два ангела представлены несущими душу праведного в рай, тогда как души грешных стремительно летят вниз, судя по всему, в пасть ада (на этом месте в штукатурке проходит трещина). Ад был представлен в виде персонификации, хорошо известной в искусстве с IX в. — головы в профиль, от которой сохранилась только левая часть шевелюры, на месте же самого раскрытоого рта — утрата. Слева представлена длинная фигура, по всей видимости, Сатаны, написанная полупрозрачно белилами. Одна его рука протянута вверх, другая указывает вниз. Души изображены в виде обнаженных белых фигурок. Падению грешников в пасть ада, увлекаемых бесами, которые тянут их за ноги, противопоставлено движение других фигур вверх к небесам. С одной стороны, никакие иконографические аналогии этой композиции неизвестны (кроме ангелов, несущих душу в рай). С другой же, сама эта схема, основанная на идее восхождения к небесам, близка иконографии Видения лествицы Иоанна Лествичника. Мотив, буквально перенесенный из иконографии Лествицы, — это адская пасть, поглощающая падающие души. Аналогии такому изображению многочисленны и восходят к миниатюрам Псалтирей (маргинальных, начиная от Хлудовской), откуда такая персонификация и попала в иконографию Лествицы. В рукописях этого сочинения, помимо головы ада, не реже встречаются также образы змия — античного Левиафана, пожирающего грешников.

Лествицу, как и *Vitae Patrum*, — источники представленных композиций, — безусловно, хорошо знали и, можно утверждать, что читали в монастыре Иоанна Богослова не только в кельях, но и за богослужением на будничных утренях и часах Великим Постом. Известно, что богослужебный устав монастыря следовал традиции монастыря св. Саввы Освященного в Палестине (что было предписано его основателем Христодулом в диатипосисе, данном в 1091 г.).

Вероятно, патмосскую фреску стоит интерпретировать как особый вариант композиции Успения праведника, вдохновленный иконографией Лествицы, получившей широкое распространение как раз во 2-й половине XI – XII вв., на что отчасти указывает и стихотворение. Как схема композиции, так и текст эпиграммы как будто зеркально

отражает иконографию лествицы: вместо Иоанна Лествичника представлен огромный Сатана, а вместо лесенки, ведущей на небеса, в тексте говорится о «силке», который уловляет души, уже почти достигшие небес. Единство текста и изображения поражает, и как кажется, является аргументом в пользу предполагаемого точного воспроизведения в XIII в. утраченной композиции конца XII в.

Виноградова Елена Александровна,
кандидат искусствоведения, доцент ПСТГУ,
Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

Георгий Викторович Титов,
исследователь-стажер НИУ ВШЭ

* * *

Д.Г. Вирен (Москва)

Режиссер анимации приходит в игровое кино: польские примеры

Анимационный кинематограф обладает собственными художественными законами, особой поэтикой и стилистикой, которые позволяют считать его совершенно обособленной ветвью киноискусства. Тем не менее, на протяжении его уже стотридцатилетней истории некоторые режиссеры-аниматоры периодически ступали на территорию игрового (или «актерского») кино. Здесь можно вспомнить чеха Яна Шванкмайера, американцев братьев Квей или поляка Валериана Боровчика во французский период его творчества... В пространстве бывшего социалистического лагеря подобные переходы случались редко — вероятно, в силу более строгой профессиональной классификации. И все же они были.

Предметом рассмотрения в докладе станет прежде всего творчество режиссера Рышарда Чекалы (1941–2010) — автора знаменитой «Переклички» (*Apel*, 1970), повествующей о повседневности концлагеря и одиноком бунте против жестокости и унижений. Эта короткометражная лента по сей день производит сильнейшее впечатление не только из-за нехарактерной для анимации темы, но также благодаря жесткой графичности черно-белого изображения и реалистичности персонажей, вызывающей ассоциации как с игровым, так и с документальным кино. По справедливому замечанию польского историка анимации Богуслава Змудзиńskiego, творчество Чекалы «фактически все время балансировало на пограничье»⁸ двух этих видов киноискусства, на что обращали внимание и критики-современники режиссера. Неудивительно, что с середины 1970-х годов Чекала на десять лет ушел из анимации и снял четыре игровые картины: «Зофья» (*Zofia*, 1976), «Пламя» (*Plomienie*, 1978), «Проклятая земля» (*Przeklęta ziemia*, 1982) и «Пятно» (*Piętno*, 1983). Различные по тематике и жанровым решениям, они при этом «развивали мотивы и художественные концепции, присутствовавшие уже в анимационном творчестве кинематографиста»⁹. Каким образом это происходило, и насколько можно говорить об особом авторском видении режиссера-аниматора в игровом кино?

Вероятно, на эти вопросы может помочь дать ответы другой классик польской анимации Петр Думала (р. 1956), который в последние годы на равных работает и в игровом, и в анимационном кино. Сравнение его лент «Кроткая» (*Łagodna*, 1985) и «Франц Кафка» (*Franz Kafka*, 1991) с «настоящими» психологическими драмами давно стало общим местом, а появление первой игровой картины «Лес» (*Las*, 2009) оживило

⁸ Zmudziński B. 1970–1980: srebrna dekada // Polski film animowany / Pod red. M. Giżyckiego i B. Zmudzińskiego. Warszawa, 2008. S. 66.

⁹ Ibid. S. 67.

дискуссию о творческом потенциале перехода границы между видами кино, с новой остротой поставило вопрос о возможности аниматора снять, с одной стороны, по-своему, «не так, как игровики», с другой — понятно для зрителя. Рассуждая об этой проблеме, сам Думала делает акцент на ином восприятии пространства: «Приемы, которыми я пользовался на съемках “Леса”, шли именно в направлении создания ситуации без закадрового пространства таким образом, как это происходит в анимации»¹⁰. Можно ли говорить о подобном подходе у Чекалы?

Вирен Денис Георгиевич
кандидат философских наук
заведующий сектором современного искусства Запада
Государственного института искусствознания
старший научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов
Института славяноведения РАН

* * *

В.А. Воробьев (Москва)

Топика пьянства в студенческих песнях: количественные данные

Топика пьянства в студенческих песнях — одна из главных составляющих содержательного каркаса этого типа песенного фольклора еще в первой трети XIX в. Она проникает вместе с текстами и практиками немецких студентов и студенческих корпораций через студенчество Дерптского Императорского университета, ныне Тартуский университет. Топика пьянства встречается если не во всех, то в каждом втором тексте. Алкогольный репертуар студенчества велик: от экзотических рома и крамбамбули до пива, вина и водки. В XX в. включает спирт, самогон, коктейли и другие напитки. Упоминание алкоголя часто обусловлено внешними факторами: актуальными практиками приготовления, заимствованными из разных культурных «традиций»; повседневностью студенчества — экспедициями, «картошкой». В докладе я представлю различные словоупотребления лексем, связанных с алкоголем, на материале четырех корпусов текстов студенческих песен — публикации XIX и XX вв., архивные коллекции фольклорных текстов, собранных в Москве¹¹ и Перми¹² (конец XX — начало XXI вв.), свыше трехсот пятидесяти единиц текстов, около семи тысяч строк. В докладе я разберу эволюцию алкогольных предпочтений студентов, отраженную в песнях, а также востребованность определенных напитков в разные временные отрезки, что обусловлено культурными и социальными рамками исполнителей. Отдельное внимание уделю песням, топика которых специально сосредоточена на алкоголе, практиках его употребления и измененных состояниях сознания. Широкое распространение они получают на рубеже XX и XXI вв. Топика пьянства при этом существует только в неофициальных студенческих песнях XX в., поскольку цензура бы не пропустила «буржуазную» топику XIX в. Я рассмотрю и попытки заменить содержательные элементы, связанные с пьянством в официальной студенческой песне XX в.: чем заменяются «буржуазная» топика в песнях студентов? Каков содержательный каркас официальной студенческой песни XX века? Автоматический подсчет всех лексем, связанных с алкоголем, позволяет сделать качественные обобщения относительно времени возникновения (или исчезновения) тех или иных алкогольных напитков в сообществе, а также их связь с повседневной жизнью, интеллектуальной историей и профессиональными траекториями студентов.

¹⁰ Dumała P. Od animacji do fabuły. Wykład utrechcki // Dumała. Gdańsk, 2012. S. 247.

¹¹ Архив Лаборатории фольклористики Российской государственной гуманитарной университета.

¹² Архив Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Пермского государственного национального исследовательского университета.

Воробьев Василий Александрович,
младший научный сотрудник
лаборатории теоретической и полевой фольклористики
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

* * *

O.A. Воробьева (Москва)

«Пьют, за неимением водки, чистый спирт, одеколон и керосин»¹³: к проблеме изучения свидетельств о маргинальном

В биографиях писателей и поэтов нередко встречаются компрометирующие сведения (как правило, в эпистолярно-мемуарных источниках), которые зачастую исследователи либо вовсе стараются обходить стороной, либо используют экивоки и эвфемизмы, пытаясь сгладить то, что может нанести урон репутации значимой для истории и культуры персоны; такой подход может объясняться и тем, что авторов, сохранивших нелицеприятные упоминания о современниках, исследователи подозревают в сведении счетов¹⁴; допускаем также и то, что игнорируя малопривлекательные подробности, исследователи не хотят, чтобы их научные труды воспринимались несерьезно, как, например, бульварная пресса или развлекательные просветительские материалы, для которых, напротив, свойственны пикантные подробности из жизни известных личностей. Однако, на наш взгляд, в научном дискурсе совсем избегать подобные биографические факты или намеренно смягчать их, значит искажать портрет исторического лица и лишать потомков почвы для понимания людей предыдущих эпох и социальных, культурных и политических процессов конкретного периода. Об этом красноречиво пишет С.П. Гурин в монографии «Маргинальная антропология»: «Так сложилось исторически, что маргинальность в основном понимается как нечто негативное, второстепенное, онтологически вторичное, так как обычно сравнивается с нормой (социальной, антропологической, этической, медицинской), любое отклонение от которой воспринимается как нарушение, угроза, преступление или болезнь. Появились фигуры умолчания: смерть, боль, безумие, извращение, пьянство. Однако именно то, о чем стараются не упоминать, стремятся забыть — и оказывается наиболее важным, главным для понимания человеческого бытия»¹⁵. В докладе на конференции «Маргиналии-2025: границы культуры и текста» мы бы хотели обратиться к воспоминаниям и письмам, в которых содержатся сообщения современников о литераторах XIX века, имевших алкогольную зависимость. Такие свидетельства можно считать маргинальными, потому что они, как правило, остаются на периферии исследовательских работ¹⁶, но это свидетельства и о маргинальном, потому что в них нередко описывается девиантное поведение людей, чьи произведения составляют наследие русской культуры, или людей, без которых сложно представить историко-литературный процесс. Среди таких лиц отметим Ап. Григорьева, Н.И. Кроля, Л.А. Мея, Г.А. Кушелева-Безбородко, А.Ф. Писемского, Н.Г. Помяловского, Е.Н. Эдельсона, А.П. Щапова и других.

В качестве примера в тезисах приведем несколько воспоминаний о критике и поэте Ап. Григорьеве, о чьих пристрастиях было широко известно: «Главной причиной бедственного положения, в котором постоянно находился Аполлон Григорьев, служила несчастная слабость, нередко присущая очень даровитым русским людям. Она, без сомнения, значительно сократила и жизнь его. Тяжело было видеть этакого образованного и талантливого человека в таком ненормальном состоянии, что нужно было понимать и уважать его прекрасное дарование, чтобы помириться с ним»¹⁷. Также: «Григорьев казался еще трезвым, но перед ним уже стояла бутылка

¹³ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. Проза 1903–1917. М.; Л., 1962. С. 507.

¹⁴ О мотивах мемуаротворчества см.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 23–24.

¹⁵ Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antrropologiya> (дата обращения 31.03.2025)

¹⁶ Не следует путать с изучением темы алкоголизма и героев-пьяниц в литературных произведениях.

¹⁷ Милюков А.П. А.А. Григорьев и Л.А. Мей (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. Том XI. 1883. Январь. С. 102.

чего-то. <...> прибежал гонец из “Вены” сообщить, что Григорьев уже лежит *на бильярде* (курсив в тексте — *O.B.*) мертвейки пьяный»¹⁸.

Григорьеву посвящали эпиграммы, в которых упоминали недуг:

Бесталанный горемыка
И кабачный Аполлон,
Весь свой век не вяжет лыка
И мыслете пишет он¹⁹.

Обращаясь к свидетельствам о литераторах, страдающих алкогольной зависимостью, мы, во-первых, предпринимаем попытку снять стигму с обсуждения этого вопроса в литературоведческой среде, а, во-вторых, апеллируя в том числе к государственной политике XIX века²⁰, покажем то, как алкоголь, прежде чем стать индивидуальной проблемой отдельного поэта или писателя, стал частью неформальных встреч различных литературных объединений (кружков, обществ, газетно-журнальных редакций) и выполнял социокультурные функции (интеграции, самоидентификации, ритуальности, совместного творчества, протеста против установленных норм и условностей).

Воробьёва Оксана Александровна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

* * *

И.В. Галактионова (Москва)

Ортологическая лексикография: первые словари трудностей и неправильностей в русской речи

Традиция составления справочников и словарей «трудностей» русского языка возникла в XIX веке, и первым изданием такого рода считается небольшой по объему словарь А.Н. Гречи «Справочное место русского слова» (1-е изд. – СПб., 1839, 400 слов; 2-е изд. – СПб., 1843, 450 слов). Несколько позже опубликована работа К.П. Зеленецкого «О русском языке в Новороссийском крае» (Одесса, 1855). Ближе к концу века выходит книга В.Р. Долопчева «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи» (Одесса, 1886), переизданная в исправленном виде в 1909 г. в Варшаве. Завершает этот ряд дореволюционных изданий «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И.И. Огиенко (Киев, 1911, затем три переиздания, в том числе «значительно дополненное и совершенно переработанное» третье издание – Киев, 1914).

Все эти словари хорошо известны специалистам по истории русского литературного языка и лингвистам, занимающимся проблемами культуры речи и историей становления нормы, и служат для них источником языкового материала. О этих изданиях кратко говорится в работах по истории русской лексикографии (например, в монографии В.А. Козырева и В.Д. Черняк «Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший» (2-е изд., СПб, 2015)). Есть также и статьи, специально посвященные характеристике всех или некоторых из этих словарей (это статьи Р.М. Цейтлин «О

¹⁸ Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 393.

¹⁹ Цит. по: Штакеншинейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886) М.; Л., 1934. С. 254. *Мыслёте* – название буквы «М» в церковной азбуке и дореформенной орфографии (по происхождению слово — глагол повелительного наклонения).

²⁰ См., например: Быкова А.Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... д. истор. наук. Омск: ОмГПУ, 2011; Прыжов. И.Г. История кабаков в России. СПб., 2009.

словарях неправильностей XIX – начала XX в.» в сборнике «Вопросы культуры речи», вып. 3 (М., 1961) и М.Н. Приемышевой «Из истории русской лексикографии: о словарях неправильностей русской речи» в РЯШ, 2008, № 3).

Как считается, наибольшую известность из всех упомянутых книг получил словарь В. Долопчева. Замечания к его первому изданию прислал автору Я.К. Гrot; в филологических журналах вышли две рецензии на этот словарь. При переиздании автор учел высказанные замечания.

Этот словарь в буквальном смысле является словарем неправильностей: входом словарной статьи служат главным образом неправильные варианты написания или произношения слова (*выдти, взаймы*), неправильная грамматическая форма (*волокны* вместо *волосна*), неправильные варианты самих слов (*выгинать* вместо *выгибать*), а также слова, используемые в неправильных значениях (*варить воду* вместо *кипятить воду*). Из других упомянутых словарей аналогичным образом организована подача языкового материала у К.П. Зеленецкого.

Неоднократно отмечалось, что в этом словаре содержались и неверные рекомендации. К.И. Чуковский в своей книге «Живой как жизнь» пишет о нем так: «Словарь <...> настойчиво внушал русским людям, что нужно говорить и писать: не *плевательница*, но *плевальница* (!), не *негритёнок*, но *негрёнок* (!), и вносил точно такие же «поправки» в слова *авария, пахота, антитеза, перекупщик* и пр., выступая во всех этих случаях не столько нормировщиком речи, сколько усердным ее исказителем <...>. Педантство Долопчева доходило до крайности. Он, например, серьезнейшим образом требовал, чтобы мы говорили не *гоголь-моголь*, а *гогель-могель*».

Любопытно, что биографических сведений о В.Р. Долопчеве – в отличие от других авторов – почти нет. В самом словаре указан только один инициал – В., в результате чего даже в статье, посвященной преимущественно этому словарю, его автор – Василий Родионович Долопчев – назван Виктором. Встречаются также искажения второго инициала.

В докладе предполагается кратко охарактеризовать все перечисленные издания. Основное внимание будет уделено словарю В.Р. Долопчева и информации о его авторе.

Галактионова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, доцент

* * *

Н.А. Галактионова, Н.А. Никулина (Тюмень)

Хрущёвка как метаобраз культуры: история визуализаций

Хрущевское панельное домостроение стало объектом внимания историков и архитекторов, а феномен типовых застроек получил отражение в живописи, кинематографе и даже в музыке. Исследование Н.Б. Лебиной окончательно закрепило за хрущёвками статус одного из ключевых образов повседневности²¹. Выход на противопоставление коммунальной квартиры панельному дому периода хрущевской оттепели позволил исследователю К. Варга-Харрис анализировать ключевые образы повседневности в русле описания идеологических установок государства и актуализировать тему в перспективе новейшей истории²². Вместе с тем остался не

²¹ Лебина Н. Б. Хрущёвка: советское и несоветское в пространстве повседневности / Н. Б. Лебина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2024. – 424 с.

²² Варга-Харрис, К. Хрущёвка, коммуналка: социализм и повседневность во время "оттепели" / К. Варга-Харрис // Новейшая история России. – 2011. – № 1(1). – С. 160-166.

изучен объёмный культурный пласт явлений, сосредоточенных на визуализации типовых объектов жилищного строительства, осмысление которого позволяет рассматривать хрущёвку в качестве метаобраза отечественной культуры.

Преодоление жилищного кризиса в период оттепели осуществляется за счёт массовых типовых застроек, полностью лишенных декоративных элементов, что в то время сочеталось с линией партии и позволяло экономить ресурсы. Вплоть до середины 1970-х хрущёвки презентовались в культуре как знаки обновления и улучшения жизни граждан страны, свидетельством чему стали живописные работы, на которых типовые здания являются фоном счастливой жизни советских людей. Спустя три десятилетия типовые пятиэтажки снова вернутся на полотна художников, но уже в потоке ностальгии по утраченным временам, по дворам, где проходили детство и юность нескольких поколений людей, родившихся в СССР. В связи с этим следует упомянуть, что и нынешний процесс реновации ветхого жилья есть не только факт преобразования городской среды, но и процесс, знаковым образом связанный с культурой повседневности.

1 января 1976 года состоялась премьера фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», где уже в самых первых кадрах зазвучала мысль об одиночестве человека среди типовых построек, а также была визуализирована идея одинаковости архитектурных образов советских городов, которая, с одной стороны, превращала любой город в узнаваемый и потому комфортный, но одновременно лишенный индивидуальности. В этом контексте посып А. Гениса о структуре советского пространства, которое выстраивалось в логике метафорической парадигмы капусты, становится еще более здрымым.²³ Пространство в этой когнитивной модели представляется семантически нейтральным, гомогенным и равнозначным в каждой своей части. Пространство советских городов является первичным сырьем, складом простора, предназначенным для дальнейшей переработки, которая должна была обставить его вещами, придав ему смысл или обозначив символический статус. Узнаваемость, тиражируемость становится залогом освоенности и присвоенности пространства. Типовой проект сшивал пространство большой страны, минуя региональные, этнические, климатические границы, делал его общим. Спустя десятилетия стало понятно, насколько реформа жилого фонда и жилищного строительства времен оттепели повлияла на формирование культурного лика страны, но уже тогда (в конце 1970-х) наметился тренд на критику панельных застроек, а позднее образ хрущёвки стал обрасти маргинальным подтекстом устаревшего жилья, метафорически отсылающего к застою и безысходности.

В постсоветские времена хрущёвка популяризируется как культурный метаобраз в музыке постпанка и визуализируется на обложках музыкальных альбомов. Кроме того, популярность панелек растет в массовой культуре: появляются мемы с Думером, который стал лицом «Russian Doomer Music» плейлистов, состоящих из пост-панка и музыки смежных жанров. Как правило, этого персонажа изображают на фоне узнаваемых панельных домов. А уже дальше «думерская эстетика» стала одним из факторов, повлиявших на массовое распространение образа панельных домов в современной культуре (ночники в виде панельного дома, свечи, плитка для ванной, вазы и т.д.).

Некой пиковой точкой в развитии метаобраза хрущёвки можно считать идею и образ «гигахрущёвки», которая стала пространством культовой виртуальной игры «КЛЕТЬ». Все события игры разворачиваются в Гигахрущёвке – бесконечном лабиринте панельных стен, наполненном аномалиями и ловушками, где игрокам отводится роль осужденных, обреченных спускаться в адские глубины на живом лифте. Именно образ хрущёвки обеспечивает погружение в узнаваемое и одновременно адское пространство,

²³ Генис А. А. Лук и капуста : Парадигмы современной культуры // Русское Зарубежье : Антология современной философской мысли / А. А. Генис / Предисловие М. Сергеева ; Составление М. Сергеева. – Бостон : M-Graphics Publ., 2018. – С. 199-222.

ассоциативно связанное с образами человеческого сознания и подсознания, мировой культурой и идеями апокалипсиса.

В результате анализа образа хрущёвки в массовой культуре и в научном осмыслиении ее феномена, складывается своеобразный сюжет истории жизни хрущёвки, включенной в процесс культурных рефлексий нескольких поколений людей, проживавших и проживающих в России.

Галактионова Нелли Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова

Никулина Надежда Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Тюменского индустриального университета

* * *

Э.Л. Гептинг (Великий Новгород)

«Лампат(д)ошники» – социальные маргиналы Ильменского Поозерья?

Деревня Хотяж, находящаяся на территории легендарного Ильменского Поозерья, отличалась от всех прочих поозерских деревень «религиозностью», «богомольностью» своих жителей. «Лампат(д)ошники» – так называли (и продолжают называть) хотяжан: «*Вот эта деревня Хотяж была... Она религиозная была деревня, мы их "лампатошники" называли. Они очень веровали, в комсомол не поступали, пионерами не были, их ругали, а оны очень верующие были. Было, они посты соблюдали, очень строго так держали*» (информантка 1935 г.р., д. Ильмень).

Ср.: «*Везде веровали, везде. Так не сказал бы, что у нас тут не было неверующих, все верующи, но почему-то нашу деревню всё считали богомолом, я не знаю, так и звали богомолы. И лампат(д)ошники. Почему кличка была дана? Кто его зна? Но зато до сих пор всё веруем. Слава Богу!*» (информантка 1933 г.р., д. Хотяж).

На особую «богомольность» «лампадошников», по всей видимости, повлияла тесная историческая и географическая связь с Михайло-Клопским монастырем, расположенным прямо напротив деревни Хотяж. Даже в советский период хотяжане не ограничивали проявлений своей религиозности: активно участвовали в церковной жизни соседнего монастыря и ближайшей к нему церкви Василия Великого, пели на клиросе, служили псаломщиками и старостами. Кроме того, «лампадошники» строго соблюдали посты, не ходили на веселительные мероприятия накануне воскресенья и больших православных праздников, не были лояльны некоторым социальным нормам Советского государства и т.д.

Поскольку в то время религиозные практики были выведены за пределы общественно приемлемых, открытое признание в вере в Бога, а главное, активная религиозная жизнь обрекали «лампадошников» на репрессии. В 1934 году после «показательного суда» регент Васильевской церкви с сыновьями получили срок тюрьмы по 2 года «за то, что хорошо пели»²⁴. Жители Хотяжа, выпадая из привычных параметров социума, испытывали на себе пренебрежительное отношение со стороны других жителей Поозерья, подвергались осмейнию и откровенным издевательствам: «*Не любили мы этих лампатошников... брали кнут и гнали их от школы до самого болота сюда, так всё и гоняли их... с ними никто не дружил... [почему?] не знаю, не любили их и всё, общего языка не находили...*» (информант 1957 г.р., д. Лукинщина).

²⁴ Моисеев С.В. Погост Васильевский в Ильменском Поозерье: документы и материалы 1497/98-2018 гг. – Великий Новгород, 2020, стр.15.

Таким образом, жители деревни Хотяж, находясь за гранью привычных социальных рамок, сформированных Советским государством, на протяжении долгого атеистического периода представляли в глазах общественности типичными маргиналами, которых можно было совершенно законно не принимать и высмеивать. Впрочем, когда политика государства изменилась, изменилось и отношение к маргинальным хотяжанам. Со временем их вера стала предметом уважения других поозеров: «*Они-то [жители Хотяжа] да, проти нас, да: они лучше веруют, чем мы. Мы-то не гораз*» (информантка 1939 г.р., д. Заболотье). Более того, сегодня на клиросе рядом с дочкой репрессированного певчего Васильевской церкви поёт жительница одной из поозерских деревень, которая, по своим же признаниям, в молодости высмеивала богомольных «лампадошников».

Гептинг Эльвира Львовна,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика»
Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

* * *

P.A. Гоголев (Н.Новгород–Москва)

«Валяное дело» Ф.П. Хитровского: к истории неотправленного письма М.Горькому

Эпистолярное наследие Максима Горького широко и разнообразно. Оно включает в себя около 15 000 писем, написанных примерно к 1400 адресатам. Ощутимое количество писем до сих пор не разыскано. ИМЛИ РАН в настоящий момент заканчивает работу над Полным собранием писем А.М. Горького в 24 томах. Это одно из наиболее крупных собраний писем русских писателей. Их количество и содержание позволяют говорить о значительном внимании, которое Горький уделял эпистолярному жанру в своем творчестве. При этом количество адресатов, которым Горький пишет десятки раз на протяжении тридцати и более лет, сравнительно невелико. Тем ценнее для понимания личности писателя подобные корпуса двусторонней переписки. Особое место в его сердце всегда занимали земляки: «люблю нижегородцев, хороший народ», – писал Горький в 1928 г. одному из наиболее давних друзей нижегородских лет – Фёдору Павловичу Хитровскому (1874-1950).

Дружба с Ф.П. Хитровским длилась почти 40 лет, причем только известная на сегодня переписка охватывает более чем четвертьвековой период (1910-1936). В Архиве А.М. Горького при ИМЛИ РАН хранится 47 писем Хитровского Горькому и 28 писем Горького Хитровскому. Взаимный интерес провинциального журналиста и всемирно известного писателя, кроме общих воспоминаний о нижегородском прошлом и совместной работе в газете «Нижегородский листок», можно объяснить энергичным темпераментом и исключительным трудолюбием Хитровского. Немалую роль в поддержании общения играли и те многочисленные инициативы Федора Павловича, в которые Горький охотно вовлекался с подачи старого друга. В имперскую эпоху Хитровский был журналистом, редактором-издателем собственной газеты, сопредседателем профсоюза служащих Волжских судоходных компаний. После 1917-го года, когда газета и профсоюз были закрыты, был занят в кооперации, участвовал в пропаганде художественных промыслов, стараясь превратить продукцию кустарей в статью валютного экспорта, входил в комиссию по разработке новый социалистической детской игрушки, писал книги по истории края, а закончил жизнь создателем и директором бытового музея детства А.М. Горького «Домик Каширина».

Сюжет, находящийся в фокусе данного исследования, относится ко времени, когда Хитровский на излете НЭПа в конце 1927 г. организовал производственную артель «Валяное дело», которая выпускала десятки тысяч пар обуви ежегодно. Конец предприятию настал осенью 1929 г., когда Хитровский был арестован, осуждён за мошенничество и лишен свободы сроком на 3,5 года. Изначально претензии сводились к невыполнению контрактов на поставку обуви (хотя мерами административного воздействия артели были упредительно перекрыты каналы закупки шерсти), но потом обвинения стали нарастиать как снежный ком. В finale Хитровскому было вменено и владение газетой «Судоходец», которая, по версии обвинения, «обслуживала интересы капиталистов». В тюрьме Хитровский организовал местком, выпускал стенгазету и, в конце концов, был досрочно призван исправившимся и освобожден спустя 2,5 года. Однако еще год после освобождения заведовал снабжением тюрьмы продуктами. Вероятно, это было связано не только с тем, что в его безукоризненной честности удостоверилось начальство, но и с тем, что имея поражение в правах, он попросту не мог поступить ни на какую другую работу.

Целью настоящего исследования было проанализировать восприятие Горьким и самим Хитровским уголовного преследования, а также последовавшего за ним тюремного заключения по сфабрикованному «из высших государственных интересов» делу. Мотив властей был очевиден: искоренение артельного движения и устранение его активных участников в пользу нарождающейся плановой экономики и административно-командной системы.

Оптимистичный тон писем Хитровского в период тюремного заключения и многозначительная пауза в переписке со стороны Горького, создавали объективные трудности для исследования. Однако недавно в личном фонде Ф.П. Хитровского, хранящемся в Центральном архиве Нижегородской области, был обнаружен черновик неотправленного письма Хитровского Горькому. Причин, по которым письмо было забраковано, но взамен в тот же день было написано и отправлено другое, могло быть несколько. Одна из наиболее очевидных представляется в том, что Федор Павлович не совладал с эмоциями при написании письма, но все же решил не открывать душу перед старым другом. Удалось ли преодолеть вполне преодолеть взаимное отчуждение после личной встречи Горького с Хитровским в Москве на исходе лета 1931 г., сказать определенно трудно. Во всяком случае, в дальнейшей переписке они ни разу не вспоминали арест и тюремный срок Хитровского, равно как и молниеносное самоустраниние Горького из судьбы «милого друга». Словно придерживаясь неписанного кодекса, они, не сговариваясь, табуировали эту тему в переписке. Есть основания полагать, что ситуация, в которой советское государство, руководствуясь сиюминутными внутриполитическими интересами, репрессирует гражданина, лишая его честного имени и свободы, не была осмыслена корреспондентами как симптом ужесточения внутриполитического курса.

Гоголев Роман Александрович,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН)

* * *

M.B. Головизнин (Москва)

**«Житийный» и «человеческий» жанры шаламовской отечественной
мемуаристики**

Среди довольно обширной шаламовской мемуаристики мы хотели бы выделить воспоминания Бориса Николаевича Лесняка, который встретил Шаламова в колымской больнице Севлага и после освобождения поддерживал с ним дружеские отношения. Во-первых, по временному охвату очерк Лесняка о Шаламове является самым масштабным, охватывая почти три десятилетия их жизни. Во-вторых, он получил многочисленные и подчас противоположные оценки. И.А. Паникаров, магаданский краевед и первый издатель воспоминаний Лесняка замечает: «... Особенно интересно пишет Борис Николаевич Лесняк, который хорошо знал Варлама Шаламова и Евгению Гинзбург. В этой книге он пишет, что они собой представляли. Мы-то о них знаем как о великих людях, хлебнувших горя-горюшка, а Лесняк рассказывает и о другой стороне «медиали», ибо был свидетелем того ада, в котором был вместе с ними. Нет, нет, я ни в коем случае никого не осуждаю, и мне очень нравятся их произведения (да и права не имею кого-то осуждать), поэтому, наверное, и очень интересно знать о великих людях как можно больше. Книга Лесняка была бы издана давно, по крайней мере, еще в конце 80-х годов. Издатели были, но ставили свои условия – убрать негативные моменты, касающиеся Шаламова и Гинзбург. Но Лесняк не соглашался, и рукопись пылилась. Когда он рассказал мне о своих мытарствах, я предложил ему издать без единой правки»²⁵. Позже, в предисловии к изданному тексту И.А. Паникаров характеризовал воспоминания Лесняка так: это «книга о человеке, пришедшем в мир людей с полным доверием. Он казался ему прекрасным, ласковым, добрым, сулящим счастливую жизнь. Несмотря на пережитое автор без озлобления, но с болью вспоминает лагерь. А к Колыме, ее природе и людям относится с теплотой и любовью. Его можно понять – этому краю отдано 35 лет жизни» [Паникаров С. 5]. Совсем другая оценка отношения Лесняка к людям звучит у вологодского шаламововеда В.В. Есипова: «Следует добавить, что воспоминания Б.Лесняка о Шаламове, изданные в различных вариантах и закрепленные в его итоговой книге «Я к вам пришел» (Магадан, 1998; переиздание: М.: Возвращение, 2016) имеют ценность лишь фактологического порядка — в обрисовке личности Шаламова и его поступков автор крайне тенденциозен» [Есипов С. 27-28]. Ирина Павловна Сиротинская – наследница авторских прав на произведения Шаламова, пишет еще резче: «Его (Б.Н. Лесняка, М.Г.) мемуар под претенциозным названием «Мой Шаламов» опубликован в журнале «Октябрь», 1999, №4 и рассчитан на известный эффект: «Кто кого переживет, тот того и перемемуарит». Но прав он в одном — это его Шаламов, увиденный мелким, себялюбивым человеком....» [Сиротинская С. 154]. Российский ученый монголовед Сергей Юрьевич Неклюдов – сын второй жены Шаламова О.С. Неклюдовской, живший с Шаламовым под одной крышей почти 12 лет, в интервью высказал буквально следующее: «Почему я говорю, что Лесняк описал адекватнее, чем многие? — Он написал о нем (Шаламове М.Г.) как о живом человеке, а не как о портрете в стиле Ильи Глазунова» [Неклюдов, С. 188]. Семен Самуилович Виленский, редактор московского издания указанных воспоминаний, знаяший лично и Лесняка и Шаламова, также не обошел тему их взаимоотношений: «Мемуарист с высоты своей обицей с Варламом Шаламовым судьбы, - пишет С.С. Виленский, - нелицеприятно оценивает разнообразные отклонения – с его точки зрения – Шаламова от реальных обстоятельств его лагерной жизни, недоумевает по поводу тех или иных поступков замечательного писателя по отношению к людям, немало сделавшим в свое время для облегчения его судьбы. Мое мнение таково – один лагерник вправе судить другого по тем критериям, которые выработались в процессе нашей многолетней каторжной жизни. Но читатель, не прошедший этой страшной школы, должен помнить и другое. Творчество – это прежде всего преображение. <...> Поэтому будем помнить – рассказанное на этих страницах, как бы оно нас ни огорчало, не умаляет писателя Шаламова» [Виленский, С. 11-12.].

²⁵ Письмо хранится в личном архиве автора

Причина, резкой критики созданного Б.Н. Лесняком образа писателя, на наш взгляд, хорошо сформулирована в высказывании известного отечественного лингвиста и востоковеда РАН В.М. Алпатова: «*Издавна существует неписаная традиция, в соответствии с которой биография <...> какого-либо заслуживающего внимания деятеля должна быть стопроцентно положительной. В чем-то эта традиция идет от жанра житий святых*» [Алпатов, С.3-4.]. Можно сказать, что в соответствии с указанными Алпатовым традициями жанр «житийного шаламововедения» со своими святыми и своими грешниками у нас вполне сложился²⁶. Однако, литература и мемуаристика в частности давно уже имеет вектор выхода за пределы этого жанра – из «Божественной комедии» Данте в «Человеческую комедию» Бальзака Думается, шаламововедение также не должно составлять исключения. В 1993-2004 годах автор этих строк регулярно общался с Борисом Лесняком, а также знал лично всех упомянутых выше критиков. В связи с этим настало время разобраться в противоречиях и колымской прозы, и личных взаимоотношений «двух друзей-литераторов»; сопоставить разные точки зрения мемуаристов, данные работ ученых-литературоведов, а также собственные воспоминания, мысли и документы личного архива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Николай-Николас Поппе. М. 1996
2. Виленский С.С. От издателя // Борис Лесняк. Я к Вам пришел. Нина Савоева-Гокинаева. Я выбрала Колыму. – М. – Возвращение. 2016.
3. Есипов В.В. «Ни один мой рассказ, ни одна строка стихов не может служить против советской власти» (комм) // Шаламовский сборник. Вып. 6. М. 2023.
4. Неклюдов С.Ю. Варлам Шаламов в московской повседневности/ Беседа В.В. Есипова и С.М. Соловьева с С.Ю. Неклюдовым. Знамя. 2023. - № 11, - с. 165-189
5. Паникаров И.А. Об авторе./ Лесняк Б.Н. Я к Вам пришел!- Магадан.- 1998.
6. Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. М. 2006.

Головизнин Марк Васильевич
К.м.н. доцент Российского университета медицины,
Член Совета Ассоциации медицинских антропологов

* * *

М.В. Головизнин (Москва)

На краю христианского мира: эфиопская письменная традиция в диалоге цивилизаций

Общеизвестно, что тексты Ветхого, Нового Заветов и остальные христианские сочинения в Эфиопии записывались оригинальным силлабическим письмом, происходящим от южноаравийской консонантной письменности. Эфиопское письмо – набор слоговых знаков (в различных эфиопских языках их насчитывается до 270) где базовым компонентом является сочетание согласного с кратким «а». Слоги с другими гласными звуками (в европейской традиции их называют «порядки») образуются путем дополнения основного знака черточками, петельками или некоторого изменения его структуры. Таким образом, в царстве ближневосточных компактных алфавитов эфиопская письменность шла своим, более сложным путем. Аналогии эфиопского слогового письма встречаются в данном регионе лишь на индийском субконтиненте. Интересно также, что в отличие от других христианских культур, эфиопская традиция ничего не сообщает о собственных «Кирилле и Мефодии» которые ввели эту письменность. По мнению ряда

²⁶ Приведем здесь цитату из воспоминаний И.П. Сиротинской о Шаламове: «Он был лучшим из людей XX века. Он был святым — неподкупным, твердым, честным — до мелочи — благородным, гениальным прозаиком, великим поэтом» [Сиротинская С.167].

исследователей эфиопская письменность в первые века нашей эры могла перейти из консонантной в слоговую еще до принятия христианства под индийским влиянием. В частности, Ю.М. Кобищанов выдвинул версию о наличии в районе Африканского рога буддийских проповедников [Кобищанов, с. 261-262]. Хотя, (кроме слоговой азбуки) следы индийской культуры в Эфиопии пока не разысканы, данные археологии не позволяют исключить это предположение. На территории монастыря Дэбрэ-Дамо обнаружен клад золотых индийских монет кушанского периода (единственный за пределами Кушанского царства) который, как считает С.В. Берзина мог быть дипломатическим подарком из Индии царю Аксума [Берзина, с. 70]. Индийские граффити в немалом количестве обнаружены на близком к Эфиопии острове Сокотра и в меньшем количестве на африканском побережье. Петербургский исследователь-сабеист С.А. Французов убедительно показал, что ряд эфиопских реформированных символов может быть выведен из североиндийского слогового письма кхароштихи, а в некоторых случаях существует совпадение не только формы, но и чтения знаков. В заключении работы автор задается риторическим вопросом: «Не стоят ли у истоков реформы эфиопской письменности буддийские миссионеры из Индии, скорее всего, из Кушанской империи, о которых адепты христианства, разумеется, предпочли умолчать» [Французов, с. 391-392, 394]. Вместе с этим, видный советский африканист Д. А. Ольдерогге в 1975 году высказал обоснованное предположение о сходстве некоторых букв армянского и эфиопского письма. По его мнению, создатель армянского алфавита Месроп Маштоц использовал принцип буквенных начертаний, положенных в основу эфиопского письма. Таким образом, по мнению ученого, связи между Арменией и Эфиопией существовали еще до Халкедонского церковного собора. [Ольдерогге 208]. При анализе эфиопских версий Ветхого и Нового Заветов также возникает немало вопросов. Текстологи спрашивают: если переводы библейских текстов на староэфиопский язык геэз осуществлялись с Септуагинты, почему в передаче ряда имен и топонимов сохраняется их семитская транслитерация с сохранением гуттуральных согласных, которые отсутствуют в греческом тексте. Так, например в геэзской версии Евангелия от Матфея имена Авраам (አብርሃም), Исаак (ኤስአቅ), Яков (የአቅብ) содержат набор гортанных фонем - አ - гортанную «а» (алеф), слог አ (hhaa), слог ቃ (ha). Окончательного объяснения этой ситуации до сих пор нет. С одной стороны – эфиопская традиция сообщает о переводчиках Библии – сирийских монахах, оказавшихся в Эфиопии в первые века нашей эры. С другой стороны, значительная часть семитских библеизмов в геэзе возводится не к сирийскому, а к древнееврейскому языку, что в свою очередь может быть объяснено влиянием поздней «гебраизирующей» редакции священных текстов в XV- XVI веках, после распространения в Эфиопии апокрифического текста «Кыбрэ нэгээст» (Слава царей). Данный текст сообщает о происхождении династии правителей Эфиопии от царя Соломона и царицы Савской и о перенесении «Ковчега Завета» в Эфиопию. Вместе с тем, есть версия и о раннем иудейском субстрате эфиопского христианства, существовавшем до его окончательного утверждения в этой стране. Еще одной особенностью христианской культуры Эфиопии является обилие магических амулетов, которые принято носить на теле. Их содержанием являются в том числе и канонические тексты, которым приписывается магический смысл. Академик Б.А. Тураев, в частности указывал на особую магическую роль Псалтыри в Абиссинии «вследствие прочности суеверий так и исключительности места, которое занимает Псалтырь»²⁷ [Тураев, с. 63]. Письменные заговоры в магических свитках также записаны на геэзе, т.е., их переписчики были из среды духовенства – единственного сословия, владеющего этим языком [Чернецов, с. 75-76]. Польский исследователь С. Стрельцын, изучавший магико-мистические практики

²⁷ «Первый (псалом) повторяй, когда будешь садить дерево, а также при беременности. Написав, привяжи на шею» (перевод Б.А. Тураева) [Тураев, с. 63]

Эфиопии, указывал, что наряду с магическими текстами, на геэзе и амхарском языке существуют тексты «эмпирической» медицины, не связанные с магией, которые мало известны науке [Стрельцын, с. 104]. В отношении древних медицинских знаний Эфиопии опять-таки интересны особенности перевода ветхозаветных книг на геэз. Нами ранее проанализировано, что известная болезнь проказа – в Септуагинте «λέπρα» (чешуйчатость) в эфиопской Библии выражена не буквальным переводом, а через местную лексему «лэмэц» λέπρα – «пятнистость» что, кстати говоря, более адекватно отражает симптоматику этого заболевания.

Литература

1. Берзина С.В. Кушанские монеты в Аксуме.// Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 7. М.-1984.
2. Кобищанов Ю.М. Аксум. М.-1966
3. Ольдерогге Д.А. Из истории армяно-эфиопских связей (Алфавит Маштоца) // Древний Восток : Сб.1. — М., 1975.
4. Стрельцин С. Магия и медицина в Эфиопии.// Сообщения польских ориенталистов. Вып. 2. – М. - 1961
5. Тураев Б.А. Из эфиопской литературы. Отдельный оттиск из «Христианского востока», том 6, вып. 1 - Петроград, - 1918
6. Французов С.А. Индийские корни эфиопского слогового письма// *Mitrasampradānam*. Сборник научных статей к 75-летию Ярослава Владимировича Василькова. СПб.- 2018.
7. Чернецов С.Б. Эфиопская магическая литература// Петербургская эфиопистика. Памяти Севира Борисовича Чернецова. К 75-летию со дня рождения.- СПб; МАЭ, 2019

Головизнин Марк Васильевич (см. выше)

* * *

M.A. Графова (Москва)

Шура Климова, или о чём мечтать бедной девушки при Советской власти: неизвестная пьеса Е.Л. Шварца в контексте полемики эпохи Великого Перелома

В 1929 году пятнадцатилетняя пионерка из Барнаула Шура Климова написала письмо редакторам журнала «Пионер». Девочка из бедной семьи, обожавшая кино до беспамятства, как и многое другие молодые люди в её время, мечтала о том, чтобы стать звездой, как Мэри Пикфорд. Это дало бы ей и славу, и самореализацию, и возможность много зарабатывать (2 млн. долларов в год!). На заработанные деньги Шура собиралась купить себе устланный коврами дом с роялем и камином, обеспечить свою семью, а половину денег отдавать на нужды Советской власти. Письмо было напечатано и породило бурную дискуссию, растянувшуюся на несколько лет. Участники её (во всяком случае, те, чьи письма были опубликованы) в основном осуждали Шуру за мещанство и неуместное направление мечтаний, но временами и поддерживали, указывая на то, что её направлению мысли нужна некоторая коррекция, но в том, чтобы стать артисткой, ничего плохого нет. Эта история известна не только в медийном пространстве, но и исследована специалистами в контексте темы детства в СССР, специфики образовательной системы и интересов советских школьников (эту тему тщательно мониторили в 20-е годы). Однако есть ещё один аспект феномена Шуры Климовой, и это медийный образ мещанки и поклонницы кинозвёзд в исследуемое время (НЭП и рубеж 20-30-х годов). Россыпь этих образов девушек, влюблённых в Гарри Пиля и желающих заместить Мэри Пикфорд, в немалом количестве встречается на страницах прессы и публицистической прозы эпохи.

Оказалось, что у истории с «проработкой» Шуры в прессе был ещё один довольно неожиданный компонент: ей посвятил свою никому, судя по всему, не известную пьесу Е.Л. Шварц, да-да, тот самый.

Шура из пьесы более чем укладывается в стандарт юной мещанки – поклонницы голливудских звёзд: «Весь мир будет с трепетом произносить мое имя. У дверей кино будут стоять тысячные толпы народа. Когда я поеду в какой-нибудь город – все население этого города выйдет повстречать меня. Меня будут носить на руках! Меня будут засыпать цветами!!! Шура Климова! Шура Климова! О! Она будет великой артисткой!!! Еще при жизни ей воздвигнут памятник!.. Мне будут платить два миллиона долларов в год!». И эта «Шура Климова» ожидаемо подвергается осуждению со стороны советской театральной общественности: «Она мещанка, у нее буржуазные замашки!» (РГАЛИ).

Но такой ли уж обывательницей была Шура, первым своим письмом, казалось бы, идеально вписавшаяся в указанный паттерн? И справедлив ли был Е.Л. Шварц, обличавший героиню как мещанку, которой нет места в советском искусстве?.. Если учесть то, что нам стало известно о Шуре по последующим письмам, представляется, что нет. Об этом и пойдёт речь в анонсируемом докладе.

Графова Мария Александровна,
кандидат искусствоведения,
доцент Школы филологических наук Факультета гуманитарных наук ВШЭ департамента

* * *

С.В. Гришина (Вологда)

Переселенческий «самиздат» как социокультурный феномен: низовые инициативы по сохранению памяти о деревнях и сёлах Белозерья, затопленных при строительстве Волго-Балта

В процессе реализации масштабных гидростроительных проектов в советское время по всей стране было затоплено большое количество территорий, в том числе населённых пунктов. По информации вологодского исследователя С.Н. Цветкова, в зоне строительства Волго-Балтийского водного пути было переселено 218 сёл и деревень (9). Одним из них является село Крохино в истоке Шексны из Белого озера, полностью затопленное к 1964 году.

Это место имеет древнюю и богатую историю. Более 1000 лет назад здесь был основан один из первых русских городов – Белоозеро, опустошённый чумой в XIV в., а в 1426 году в писцовой книге Кирилло-Белозерского монастыря упоминается возникшая на левом берегу реки деревушка Крохинская. В конце XVIII в. это уже город Белозерского уезда Новгородской губернии – Крохинский посад, с начала XIX в. – важное звено Мариинской водной системы. С 1788-го по 1820-й здесь на берегу Шексны строится церковь Рождества Христова. Здание этого храма уцелело при затоплении села благодаря маяку, установленному на его куполе.

Сохранением храма-маяка и культурного наследия этой территории занимается Благотворительный фонд «Центр возрождения культурного наследия «Крохино» (далее – Фонд). С 2011 года Фонд собирает воспоминания переселенцев из Крохина, соседнего села Караглино и их потомков. На сегодняшний день записано более 50 часов аудиоинтервью, все они расшифрованы и частично опубликованы на информационных ресурсах Фонда. Эти материалы позволяют воссоздать картину жизни в Крохино до затопления, выявить истинное отношение людей к этой трудной странице истории Белозерья.

Но, говоря о воспоминаниях, мы имеем в виду не только «пассивные» ответы на вопросы исследователей. Отдельного внимания достойны случаи, когда потребность в сохранении памяти об утраченной малой родине становится стимулом к созданию авторских текстов, разных по уровню научной или литературной значимости, но одинаково ценных как результат рефлексии – личностной, семейной, локально-исторической. Эти краеведческо-генеалогические и мемуарные документы имеют не только мемориальную, но и

социокультурную ценность как самостоятельные попытки осмысления глобальных исторических и экономических процессов в их «частном», «человеческом» преломлении.

Такие документы создаются порой без «прицела» на публикацию, для чтения и сохранения в кругу семьи и родных. Несколько лет назад в распоряжении Фонда оказалась копия рукописной книги «Родная кровь. История семьи Тотубалиных», созданной в 1999 году потомками переселенцев из Крохина Н.Н. Макаровой (Тотубалиной), Ю.Г. Козловым и Г.Н. Куприным. Авторы книги по мере возможности собрали информацию обо всех представителях крохинского рода Тотубалиных, составили генеалогические схемы. История рода сопровождается заметками о быте сельчан, об их традиционных занятиях, связанных с работой на земле, лесом, рекой и озером.

Один из авторов, Юрий Григорьевич Козлов, делится в книге историей своей семьи. Он покинул родное село в шестилетнем возрасте вместе с родителями, переехавшими в Вологду, однако позднее часто бывал в Крохино в доме своего деда, Николая Владимировича Тотубалина. Из воспоминаний Ю.Г. Козлова известно, что его дед был крепким хозяином, пользовался хорошим отношением односельчан. Архивные изыскания Фонда позволили установить, что Н.В. Тотубалин также занимался селекцией и вывел новый сорт пшеницы «Крохинка», представленный на ВДНХ в 1939 году.

В книге помещён план-карта села, нарисованный от руки по памяти Генрихом Николаевичем Куприным, чья мать была уроженкой Крохина, и он часто бывал там до затопления. На плане обозначены номера домов и фамилии их хозяев, один из них – дом Н.В. Тотубалина. Под корнями дерева, выросшего на остатках фундамента разобранного дома, находившегося на том самом месте, Фондом обнаружена старинная соломорезка Perlis Brothers Lohow – можно предположить, что она принадлежала Н.В. Тотубалину.

Судьба Н.В. Тотубалина (1879-1955) сложилась трагически: к моменту переселения он был пожилым человеком, и потеря хозяйства, создававшегося в течение всей жизни, стала для него страшным потрясением. Последние годы он провёл в семье дочери в Вологде, лечился в психиатрической больнице. Его история – яркий пример того, как затопление отражалось на жизни конкретных людей – стала известна нам благодаря частной инициативе авторов книги «Родная кровь», родившейся из глубокой внутренней потребности помнить свои корни и потерянную навсегда малую родину.

Между тем, наличие этой потребности не очевидно. В первые годы работы члены команды Фонда сталкивались с нежеланием местных жителей делиться воспоминаниями о затоплении, а порой и с прямым отрицанием того, что оно имело место. Со временем это сопротивление удалось преодолеть, убедив переселенцев в ценности их опыта и необходимости поделиться им. Возможно, такое «вытеснение» затопления из памяти одного-двух поколений белозер связано с тем, что в публичном поле тема затопления и переселения была табуирована. Так, в белозерской районной газете в период 1950-1963 гг. затопления Крохино и других сёл и деревень упоминается лишь несколько раз и вскользь, а строительство Волго-Балта подаётся только в контексте описания новых горизонтов экономического развития. Вопросы сохранения культурного наследия территорий и проблемы частного человека даже не поднимались (2, 264-270).

Можно предположить, что обращение потомков переселенцев и местных жителей к этой теме спустя десятилетия стало своеобразной реакцией социума на «непрограммированную», подавленную травму затопления. Помимо книги «Родная кровь», нам известны и другие примеры осмысления этих событий постфактум и попытки сохранить память об утраченном в формате мемуаров и краеведческих исследований. Это, например, сборник воспоминаний «Помним свою Мегру» Сергея Ивановича Бурова (электронный текст, размноженный автором малым тиражом – *прим. авт.*), книга «Тамаринцы рассказы» Тамары Александровны Канцыревой (3), также посвящённая затопленной деревне Мегра, сборник «Незатопленная память» о деревнях Кирилловского района Вологодской области,

затопленных при строительстве Волго-Балта (7; 8). Есть подобные издания о деревнях соседнего Череповецкого района, затопленных в 1940-х при наполнении Рыбинского водохранилища, к примеру, книга Иды Александровны Климиной «Переселенцы Рыбинского моря» (4; 5) и книга Ивана Андреевича Борина «Ольхово. Исторический очерк», некоторое время ходившая «в списках», а позднее дважды изданная (1). Самый свежий пример – книга «Маношины из Великого села» Надежды Фёдоровны Михайловой (6), написанная по инициативе потомков этой семьи, которых вдохновил опыт Фонда «Крохино» по сохранению памяти затопленного села, и изданная в 2025 году.

Все эти книги написаны энтузиастами, изданы скромными тиражами в местных издательствах и адресованы в первую очередь жителям территорий, о которых идёт речь. Но сам факт появления такого рода книг говорит о том, что в обществе живёт потребность в осмыслиении травматичных событий недавнего прошлого, в осознании их причин и последствий, а значит, и в осознанном отношении к настоящему и будущему своей земли.

Литература

1. Борин И. А. Ольхово. Сборник воспоминаний о малой родине. – 2-е изд., доп. – Череповец, 2021.
2. Гришина С. В. Освещение темы предстоящего затопления территории Белозерья в связи со строительством Волго-Балта в районной прессе в период с 1950 по 1962 гг. // Русский Север - 2023: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сборник работ VII Всероссийской научной конференции. – Вологда, 2023. – С. 264-270.
3. Канцырева Т. А. Тамаринцы рассказы. – Белозерск, 2020.
4. Климина И. А. Переселенцы Рыбинского моря. Ч. 1. – Череповец, 2015.
5. Климина И. А. Переселенцы Рыбинского моря. Ч. 2. – Череповец, 2018.
6. Михайлова Н. Ф. Маношины из Великого Села. – Вологда, 2025.
7. Незатопленная память : памяти ушедших деревень Уломского сельсовета посвящается. Ч. 2. – Вологда, 2018.
8. Незатопленная память : памяти ушедших деревень Уломского сельсовета посвящается. Ч. 1. – Вологда, 2017.
9. Цветков С. Н. Из истории строительства Волго-Балтийского водного пути (1939-1964 гг.) // Историческое краеведение и архивы : материалы науч.-практ. конф., Вологда, 29 фев. 1996 г. – Вологда, 1996. – Вып. 3 – С. 104-111 // booksite.ru [сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки] URL: https://www.booksite.ru/natural/6_st-96.html (дата обращения: 05.05.2025).

Гришина Светлана Викторовна,
координатор проектов Благотворительного
фонда "Центр возрождения культурного наследия "Крохино"

* * *

А.А. Гусева (Москва)

Иеротическое поле исторического сознания (на материале «Дневников» прот. А. Шмемана)

Когда мы говорим – по сути, мы всегда говорим об одном и том же, разными словами и вещами, которые складываются в мета-синонимическое облако, указывающее на точку «сказуемого»; мы снова и снова обводим мир по контуру нашей речью, собирая и нанизывая пространство на иеротопическую форму. Создавать священное или обращаться к нему, подтверждая бытие неполнотой нашей речи, – необходимость.

Термин «иеротопия», введенный в научный оборот А.М. Лидовым в 2001 г., не равен иеротопосу, хотя и родственен ему: иеротопия «предполагает работу по созданию сакральных пространств: храмы, ландшафты (например, пространственные иконы),

города, страны»²⁸. Иеротопос не акцентирует внимания на работе, создающей и обустраивающей конкретный вполне земной образ, который по мере создания сакрализируется, - точнее, здесь работа не рук, а ума. Это, скорее, место в пространстве, которое не обязательно представлено зрению, как храм, книга, жертвенник, – и тем не менее, оно тоже связано с категорией сакрального или по крайней мере (в секулярной картине мира) аксиологически маркировано. В этом случае возвращение (которое невольно рифмуется с ренессансным *re-/ri-*) является видом философской работы. Подобные точки возвращения ярче всего видны в дневниковых записях, которые, будучи историческим источником, представляют собой форму свидетельства о событиях, выстраивающихся в систему, ангажированную историческим сознанием и, в свою очередь, воздействующих на него.

Таким аксиологически маркированным в «Дневниках» прот. А. Шмемана оказывается образ Церкви - сложный, агональный, включающий в себя историю Церкви, само богослужение, тему универсального и национального, которая касается обычно и темы языка. Образ России как иеротопоса тоже переплетается с темой Церкви: универсальное и национальное становится здесь ведущей линией – «дойти до края ойкумены» или, напротив, быть внутри, во «внутренней ойкумене».

Иеротопосы как место в пространстве будем разделять на открытые – куда можно добраться, это путь паломничества, и закрытые – они могут быть и реально существующими, как Иерусалим эпохи Крестовых походов, и мифическими, как град Китеж. Интересно, что, если в результате определенных исторических процессов открытый иеротопос становится закрытым, это может нести с собой готовый *casus belli*, как мы видим это в образе Иерусалима времени Первого крестового похода (ср. название поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим»). Образ России в «Дневниках» - закрытый иеротопос, следовательно, можно ожидать некой агональности в интерпретации этой темы, которая соединяет несколько временных пластов.

Внутри иеротопоса спрятано особенное отношение ко времени: там, внутри этой точки, одновременно и есть время (поскольку речь идет о сознании), и времени нет. В «Дневниках» прот. А. Шмемана встречается точная формулировка: «время, наполненное вечностью»²⁹ - и рядом стоит «и тайной радостью»³⁰, как необходимое дополнение или даже уточнение.

Иеротическое поле «держит напряжение» исторического сознания, выстраивая и поддерживая сложную систему из памяти о прошлом, традиций, образов побед и поражений, типов речи о мире, заставляя человека снова и снова, с «тайной радостью», обводить контуры мира в сложном согласовании времени.

Гусева Анна Андреевна, к. филос. н.,
Институт философии РАН, н. с.

* * *

Е.И. Державина (Москва)

Особенности второго издания Миней Четырех Димитрия Ростовского

Минеи Димитрия Ростовского – самое большое его литературное произведение, состоящее из четырех трехмесячных книг. В 1705 г. была издана заключительная книга

²⁸ Лидов А.М. Иеротопия: создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ierotopiya-sozdanie-sakralnyh-prostranstv-kak-vid-tvorchestva-i-predmet-issledovaniya/viewer>). С. 61.

²⁹ Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2021. С. 9.

³⁰ Там же.

составленных им Миней. Начало же написания Миней относится к 1683–1684 гг., времени, когда свт. Димитрий переселился в Киево–Печерскую лавру.

Работа над Минеями длилась очень долго и то, что было написано ранее, на взгляд автора и не только его требовало пересмотра³¹. Над дополнением и «исправлением» месяцеслова св. Димитрий не переставал работать на протяжении всего составления текстов житий. Он понимал также, что первое издание Миней требовало той или иной корректировки³². Поэтому, сразу же он приступил к подготовке второго издания, тем более что требовались новые экземпляры Миней³³. Однако сам святитель не успел осуществить подготовку даже первого трехмесячного тома, тем более, что в этот период он был занят другой литературной деятельностью. Исследователи сходятся во мнении, что он успел в этом плане сделать немного, в основном это относится к первой книге житий³⁴. Его работу прервала кончина, последовавшая 28 октября 1709 года.

По мере издания книг житий святитель не прекращал работу над месяцесловом и текстом уже вышедших из печати текстов. В его библиотеке, находилась книга житий с собственноручной правкой автора (см. Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь в Ростове Великом / авт.-сост. А.Е. Виденеева. Ростов, 2006. С 37). Над второй редакцией Четиц Миней свт. Димитрий начал работать в Московский период, когда изменилась в корне его концепция, его взгляд на состав и, возможно, на язык текстов. 6 января 1706 г. свят. писал Феологу: «Писал к моему недостоинству отец архимандрит Печерский (Иоасаф Кроковский), желая, чтоб первую трехмесечную книгу сентямерия, октовория, ноемврия паки начать исправити ко вторичному печатанию, полнея, неже первую с приложением житий святых тѣх, иже преминушася»³⁵. Вторая редакция Миней, а именно ее первый том, вышел в 1711 г., уже после кончины Димитрия.

Свт. Димитрий правил только жития за сентябрь. Далее правка была поручена Синодом архимандриту Киево-Печерской лавры Тимофею Щербацкому, который сам текстами не занимался, а препоручил двум насельникам монастыря. Работа не задалась, отношение к этому заданию было формальным, и, в конце концов, над текстом Миней стали работать другие люди.

В своем труде А.М. Державин также сопоставляет I и II издания, но оставляет в стороне конкретную редакторскую правку и языковую, т.к. основная направленность его труда посвящена составу и источникам житий. Некоторые из текстов второго издания не имеют правки. Таково, например, Страдание мученицы Василиссы Никомидийской. Другие же подверглись разного объема и направленности правке. Обратимся сначала к текстам, которые подверглись наибольшей правке. В чем же состояли исправления, внесенные во вторую редакцию житий? При сравнении текстов выявилось несколько направлений редакторской правки. Условно их можно разделить на три: литературная, лексическая и акцентологическая. Все они являются предметами отдельных исследований.

Сначала необходимо остановиться на работе свт. Димитрия над месяцесловом, которая была первой, с чего он начал, и продолжалась, не прекращаясь, на протяжении всего составления Миней³⁶. В этом, то есть в отнесении тех или иных памятей и даже полных текстов существуют различия между I и II редакциями.

³¹ Несохранившееся письмо Иоасафа Кроковского с предложением к Димитрию о втором дополненном издании Миней.

³² Более подробно об этом см. А.М. Державин, т. II, с. 25.

³³ История создания Миней см. А.М. Державин, т. 1; Круминг А.А. Четыи Минеи святого Димитрия Ростовского: Очерк истории издания // Филевские чтения. М., 1994. Вып. 9: Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы / под ред. Л.А. Янковской. С. 5–52.

³⁴ См. А.А. Круминг. Четыи Минеи Димитрия Ростовского: Очерк истории издания. с. 31.

³⁵ М.А. Федотова. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2005. С. 83.

³⁶ Об этом подробно написано во II томе труда А.М. Державина – с. 25 и далее.

Изменен конец страдания св. Евфимии (16 сентября), новое начало во II издании написано к страданию Мих. Черниговского и его боярина Феодора (20 сентября), есть добавления II издании в конце жития Фоки вертоградаря (22 сентября); в конце жития св. Евфросинии во II изд. В конце добавлена фраза (25 сентября); более распространено написан во II конец жития Григория Арменского (30 сентября)³⁷. О некоторых из этих изменениях написано А.М. Державиным, в том числе о таких крупных, как перенос целых текстов.

Каков язык Миней? Конечно, это церковнославянский язык конца XVII в. Однако жития и другие произведения были составлены св. Димитрием на основе различных источников, которые неизбежно оказали влияние на повествование свт. Димитрия. Таким образом, со стороны лексики можно ожидать и архаичную лексику, и иноязычную.

Справедливо ради надо отметить, что в текст самих житий Димитрий внес не столь много исправлений, чтобы говорить о кардинальной или даже значительной их переработке. Однако наличие правки говорит о постоянной работе святителя над их текстом, стремлении сделать жития более эмоционально окрашенными, экспрессивными, а кроме того стремился как можно более точно описать сведения и житие святых.

Державина Елена Игоревна,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
ИРИ РАН им. В.В. Виноградова

* * *

Д.А. Добровольский (Москва)

Бернард Клервоский и Русь: к истории одной невстречи

Один из крупнейших учителей западного монашества, Бернард Клервоский (1090–1153) имеет сложную репутацию в отечественной историографической традиции. Ведущий религиозный авторитет своего времени и яркий оратор, Бернард был причастен к организации II Крестового похода, среди трех направлений которого был, как известно, поход против полабских славян. Это обстоятельство позволило отдельным публицистам зачислить знаменитого цистерцианца в идеологи *Drang nach Osten*. Дополнительным штрихом к образу ненавистника славянства стало известное письмо Бернарду от краковского епископа Матфея (1144–1166), где говорилось о «позорных заблуждениях» русского народа, и содержался призыв (по переводу А.В. Назаренко) «наставить неустроенных славян на путь нравственности» (т.е., настаивают интерпретаторы, перекрестить Русь в католицизм). Вместе с тем, есть основания говорить не только о противостоянии, но и о созвучии идей Бернарда и некоторых книжников средневековой Руси.

В истории русской религиозности XII в. стал временем активизации паломнического движения, причем не только в Палестину (путь куда открылся благодаря I Крестовому походу), но и к святыням Запада, включая Сантьяго-де-Компостела; свидетельством этих поездок являются, с одной стороны, славянские граффити на стенах итальянских и французских церквей (Лукка, Сен-Жиль, Понс), а с другой — озабоченность духовных отцов соблазнами, могущими пристечь, среди прочего, от «стояния» на латинской службе. «Непосредственное знакомство с католическим богослужением» (А.С. Павлов, 1878) привело к появлению новых мотивов в распространявшихся на Руси полемических сочинениях против «латинства». Так, в

³⁷ О житии Григория Армянского см. М.А. Федотова. Метафрастовская редакция жития Григория Армянского в древнерусской книжности // Вестник Ереванского университета. Серия «Арменоведение» 137.1, 2012, с. 17–29.

«Стязании с латиной», приписанном киевскому митрополиту Георгию (60–70-е гг. XI в.), но едва ли сформировавшемся в нынешнем виде раньше второй четверти XII в., отмечается, что на Западе «святыхъ иконъ въображенъя на мраморѣхъ и на помостѣхъ църковныхъ написауть, не да я почтѣсть, нъ попирають ногами не токмо простицы, нъ и попове и чърныци ихъ». Это наблюдение, расширяющее известные еще со времен Трулльского собора запреты на попирание креста, появилось, надо полагать, под впечатлением от непосредственного знакомства с убранством западных церквей, в которых действительно встречаются сюжетные мозаики на полах, представляющие, в т. ч. персонажей библейской истории (см. подробнее работы Х. Барраль-и-Альтета).

Однако неожиданным (и, в то же время, примечательным образом), смущение подобными практиками воплотилось и в сочинениях Бернарда Клервосского. Критикуя в послании к Гильому из Сен-Тьери избыточное роскошество современных ему церквей, Бернард особенно отмечал «изображения святых», которыми оказываются украшены «те самые полы, по которым мы ходим». Логика Бернарда иная, чем у древнерусского книжника — речь идет не столько о попрании святыни, сколько о расточительстве; основная идея цитируемого фрагмента в том, что на избыточно пышный декор церквей идут средства, которые могли бы «утешить страдания» бедняков. Но звучание остается примечательным. Представители обеих частей расколотого христианского мира примерно в одно и то же время осуждают одну и ту же практику, и это весьма показательно с точки зрения общей динамики религиозной жизни средневековья. Не исключено, что если бы Бернард Клервосский ответил бы на призыв Матфея Краковского и приехал бы просвещать восточных славян, новая паства нашла бы в проповедях учителя цистерцианцев не только чуждое, но и близкое.

Добровольский Дмитрий Анатольевич,
канд. ист. наук, доцент Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

* * *

С.В. Друговейко-Должанская (Санкт-Петербург)

**«Кто-кто?» — «Пухто!»
(История одного регионализма)**

В списках слов, составляющих особенность речи петербуржцев, вот уже несколько десятилетий числится экзотическое *пухто*. Слово это столь широко распространено, что попало даже на сувенирные магниты «Говори как петербуржец» рядом со всем известными *поребриком, пышкой и гречей*.

Пухто – это большого размера уличный контейнер для мусора. По поводу происхождения термина имеются две версии: первая, весьма популярная, состоит в том, что слово *пухто* представляет собой инициальную аббревиатуру, сокращение сочетания *пункт утилизации и хранения твердых отходов*; вторая же, кажущаяся довольно маргинальной, логично связывает этот регионализм с финским прилагательным *ruhto* ‘нетто; очищенное от лишнего’ (ср. *ruhtoraino* ‘вес нетто, чистый вес’, *ruhtotulo* ‘чистый доход’ и др.). При этом, как замечает Борис Иомдин, «мусорные контейнеры в разных регионах имеют немного разную форму, и их названия часто связаны с их производителями. Поэтому в Калининградской области их называют *кеска*, в Тверской — *кагат*, в Ленинградской — *пухто*, в Удмуртии — *мульда*» (добавим к этому списку еще и одесское *аль(m)фатер*).

В разговорной речи нередко встречаются образованные от этого слова существительные *пухточка* и *пухтоха*, а в речи официальной — термин *пухтовоз*. Способно оказалось *пухто* использоваться и в качестве имени собственного: московская рок-группа «Пухто» взяла себе это название «из-за петербургской загадочности»; «Дед Пухто» — компания, занимающаяся вывозом крупногабаритного мусора; кроме того, Дедом Пухто могут назвать любого, кто роется в мусоре.

Вместе с тем многие характеристики этого слова неустойчивы: встречается употребление его как существительного женского рода (*мусорная пухта*); достаточно частотны склоняемые формы (*брось за пухту, в пухте копается, пухтой прижало доску, такой пухты здоровенной не видел, вывоз пухт* и т. п.); фиксируются и колебания в ударении («простые работяги говорят пУхто, а интеллигенты на французский манер пухтО»).

Особый интерес представляет употребление слова *пухто* в поэтических текстах петербургских авторов разных поколений (Наташа Романова, Тамара Буковская).

Светлана Викторовна Друговейко-Должанская,
старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

* * *

В.И. Дюдина (Коломна)

«Крайний Север» К.А. Коровина

В статье проводится анализ очерков К.А. Коровина о путешествии на север с точки зрения междисциплинарности. Автор в своем стремлении «видеть, чувствовать, выражать» достигает главную задачу — просвещения русского человека о жизни на севере страны. Ключевыми признаками, создающими особый авторский стиль, являются пейзаж как часть образной системы и наличие сравнений и колоративов, а также тяготение к детализации предметов описания, пристальное внимание к нюансам, живописные образы. В результате исследования обнаружено, что рассказы, очерки и воспоминания К.А. Коровина возможно рассмотреть на стыке таких дисциплин как история, топонимика, литературный импрессионизм, диалектология, этнография, география. С подобного ракурса писательский труд известного художника и преподавателя еще не получал такого тщательного анализа, что обусловило новизну настоящей работы.

«Уедем далеко <...>, забуду я театр, будем жить в лесу, охотиться, построим избушику»
(15, 420).

Литературный труд Коровина соответствует принципам, которых он придерживался в живописи: из цветовых пятен и световых бликов рождалось произведение, способное притягивать к себе силой красоты жизни и динамизмом.

В цикле очерков о Севере автор метко сплетает воедино важные детали для полноценного погружения читателя в атмосферу и историю края («...хорошо было в России и за Полярным кругом...» (15, 429)). Подробное описание быта, красочное изображение национального костюма, обилие сравнений, использование цветописи (за одним и тем же колоративом скрывается богатство и разнообразие значений, начиная привычными, общекультурными и завершая авторской, индивидуальной коннотацией), внимание к особенностям местных диалектов, топонимы и исторические факты, мифология финно-угорских народов — всё служит единой цели.

Помимо стилистических особенностей рассказов и очерков автора, которые позволяют отнести их к литературному импрессионизму, К.А. Коровину удается достичь просветительской задачи, ведь житель России на рубеже XIX-XX веков «об этом старом русском крае толком не знал ничего» (15, 423). В тексте мы обнаруживаем довольно интересный этнографический материал. Обратимся для иллюстрации к очерку «На севере диком». Автор ведет рассказ о тяжелом труде порубщиков в окружении бесконечных могучих лесов и вдруг замечает «странныго оборотня», который усердно пытается подсобить людям («Хотел помочь, думал — нужно» (15, 424)) и выходит на порубки каждый день. Перед нами яркий пример мифологии манси (или вогулов, как их тогда называли), а также прослеживается известное сказание саамов (лопарей) в истории трагического конца медведя (оборотня).

На помощь автору также приходят примечательные топонимы, явно финно-угорского происхождения: Кемь, Шалукта (Шалакуша), Вайгач.

Нельзя обойти вниманием и важные исторические факты, отраженные в очерках. Среди них взаимоотношение русских, поморов и коренных народов, христианизация саамов, длинная история торговли с различными государствами. В тексте упоминается преподобный Трифон, «проповедник православия», и связанные с ним места: Печенгский монастырь, залив святого Трифона.

Замечателен и язык севера, диалектические особенности которого встречаются в многочисленных диалогах: медмедь, подале, нивесть, жисть, далече, нажулил.

Идиостиль К.А. Коровина, включив в себя и синтезировав такие различные средства языковой выразительности, как сравнения, метафоры, импрессионистские

пейзажи, разговорную лексику, топонимику и цветопись, создал исключительную палитру оттенков для передачи образа жизни северного человека.

Дюдина Вера Ильинична
Государственный Социально-Гуманитарный Университет (ГСГУ)
бакалавр филологии, кафедра русского языка и литературы

* * *

И.Е. Епифанов (Москва)

Следы мирового археосюжета в структуре воспоминаний А.Е. Лабзиной

Мемуары А.Е. Лабзиной – один из наиболее известных дореволюционных памятников автобиографического характера, вышедший из масонской среды и повествующий о событиях второй половины XVIII в. Неслучайно они не раз привлекали к себе внимание исследователей: Ю.М. Лотмана, А.Вачевой, О.А. Фарафоновой, которые использовали их для решения различных вопросов. Однако пока не было предпринято попытки применить к этому тексту метод анализа невымышленного повествования В. И. Тюпы и увидеть в этих воспоминаниях следы мирового археосюжета, а также попытаться разделить повествование Лабзиной на части, руководствуясь стадиальным развитием этого сюжета.

Идея о том, что в «невымышленном повествовании» сюжет может развиваться «в точном соответствии с гипотетической моделью виртуального мирового сюжета» была изложена В.И. Тюпой в работе «Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов». Он говорит о том, что тексты могут быть внешне несхожими, разножанровыми, но их структура может быть построена по одному принципу – в соответствии с четырьмя фазами археосюжета: фазой обосабления – фазой искушения – лиминальной (пороговой) фазой – фазой преображения. Самым ярким примером построенного по такому принципу сюжета называется евангельская притча о блудном сыне. Она начинается с фазы обосабления младшего сына от своей семьи: он получает от отца часть своего наследства и уходит из родительского дома. Далее для него следует фаза искушения, когда он, живя в дальней стране, ведет распутную жизнь и расточает свое наследство. Затем он начинает испытывать нужду, вынужден наняться на унизительную работу, и начинает понимать, что ему надо вернуться домой и просить прощения у своего отца – это пороговая фаза, когда в результате жизненных испытаний человек встает на путь изменений. И, наконец, фаза преображения, его возвращение домой и радушная встреча его отцом. Основами для деления текста на эти фазы могут служить различные события в течение человеческой жизни, необязательно совпадающие с евангельскими, и надо понимать, что не всегда в тексте можно четко выделить все фазы этой сюжетной модели, но найти ее следы – вполне вероятно.

Несмотря на то, что в мемуарах установка на невымышленность повествования соединяется с субъективной точкой зрения их автора на описываемые им события, эти тексты могут быть проанализированы с помощью метода В.Тюпы, т. е. отнесены именно к невымышленному типу повествования. Их сюжеты складываются из того, что зафиксировала автобиографическая память их создателя – чаще всего это те события, которые стали переломными этапами на жизненном пути, определившими становление человека как личности. Т. е. уже сам автор (возможно, неосознанно) делит свой текст в соответствии с судьбоносными моментами своей жизни. В этом случае предлагаемое В.Тюпой деление может как наложиться на деление автора, так и показать иную структуру воспоминаний.

Исследование призвано показать, что при создании своих воспоминаний А.Е. Лабзина – представительница просвещенного российского дворянства, входившая в масонскую среду – по крайней мере в структурном плане следовала сюжету, относящемуся к иной культурной традиции, а также – продемонстрировать, что следование выделенному В.Тюпой археосюжету можно рассматривать как еще один фактор, влиявший на создание этих воспоминаний, на который внимание исследователей еще не обращалось.

Епифанов Иван Игоревич,
магистрант кафедра истории России до начала XIX в.
исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

* * *

И.О. Ермаченко (Санкт-Петербург)

**«...Наше отбытие на Дальний, взбудораженный и разбереженный
Восток...». Российская и китайская провинция в железнодорожном
травелоге В.П. Кравкова (1904 г.)**

Путевой дневник уроженца Рязани, военного врача, статского советника Василия Павловича Кравкова (1859–1920), хранящийся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, был впервые представлен широкой публике в 2016 г., весьма профессионально, но с определенными сокращениями подготовленный к изданию в серии «Военные мемуары» к. и. н. М.А. Российским. На него как на ценный источник обратили внимание историки Русско-японской войны, однако в качестве травелога он специально рассматривается здесь впервые, с учетом значительного количества издательских лакун, нередко касающихся заявленной в заглавии доклада темы и рассмотренных нами в процессе работы в НИОР РГБ (Ф. 140).

В.П. Кравков, командированный на Дальний Восток в качестве дивизионного врача 35-й дивизии, выехал из Рязани с воинским эшелоном 27 мая 1904 г. и, проследовав по Сибирской и Китайско-Восточной железным дорогам, 2 июля, вскоре после остановки в Ляояне, прибыл в Хайчен. Начальный, собственно железнодорожный, раздел дневника содержит заметки автора о проезде через многочисленные станции, посещении на остановках больших и малых городов, сравнительные оценки своеобразия природной среды, климатических условий, естественных и окультуренных ландшафтов, уклада городской и сельской жизни, ее, местами, этнического многообразия в европейской России, на Урале, в Сибири, на российском и китайском Дальнем Востоке – от «необъятных пространств с весьма редко разбросанными поселками» до «картин кипучей жизни и безостановочной деятельности». Размышления Кравкова о перспективах освоения этих регионов своеобразно сочетаются с тревожными ожиданиями новостей с фронта, характеристикой коммуникационных возможностей провинциальной прессы, позволяют реконструировать особенности информационной среды железнодорожного путешественника начала XX века, включая импровизированные авторские интервью. Сопутствующий поездке первоначальный романтический, отчасти проникнутый символизмом настрой Кравкова (он обращается к родственнице с просьбой выслать для дорожного чтения «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона), его любование повсеместным народным единением с мобилизованными диссонирует с необходимостью лично оказывать помощь некоторым из военных попутчиков («диких дагестанцев») после их регулярной поножовщины, наталкивается на сведения о территориальных зонах уголовного беспредела и т.п. Контрасты, наблюдаемые автором в различных населенных пунктах и местностях Сибири, приобретают в его восприятии новое качество после пересечения российско-китайской границы, ставя перед исследователем текста вопрос о преодолении определенного ментального фронтира, связанного, помимо прочего, с символичной межгосударственной двойственностью зоны отчуждения КВЖД (раздражающие автора украшения в форме драконов на крышах «русских станций» и т.д.). Интересны результаты сопоставления этих первичных поездных впечатлений Кравкова, с одной стороны, с его последующим освоением пространств Маньчжурии, с другой – с иными примерами современных

ему железнодорожных травелогов или отдельных публицистических свидетельств сходной направленности, а также близких по времени и географии путеводителей (например, «Путеводителя по железной дороге. От Урала до Тихого океана» Н.В. Яблонского (Томск, 1903), путеводителей по КВЖД 1903 и 1906 гг. и др., тем более что это составляет предмет актуального компаративного интереса – ср., напр.: Ходинская М. В. Травелог и путеводитель как жанры современной страноведческой литературы // *Juventus in litteratura*. Минск, 2022. С. 30-36).

Ермаченко Игорь Олегович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

* * *

B.A. Ефремов (Санкт-Петербург)

Медикализация современного языка: новая этика и психояз

Медикализация как экспансия медицинских концепций и терминов в мышление и язык имеет множество причин: развитие науки и медицины, стремительное распространение знаний в эпоху интернета, улучшение качества жизни, популяризация здорового образа жизни, интерес к телесным практикам и нетрадиционным формам медицины и мн. др. Следовательно, медикализацию языка также можно изучать в разных ракурсах: от репрезентации медицинских знаний в медиа до медицинских мифов в общественном сознании и их трансляции в художественной литературе XIX в., например.

В рамках доклада будут затронуты два аспекта. Во-первых, проблема психиатрического эйблизма (дискриминация больных с психиатрическим диагнозом и нейтрализующих людей, например детей и взрослых с СДВГ, аутизмом и т. д.) как предмет лингвистических интересов представителей новой этики. Во-вторых, лингвистическая природа психояза – коммуникативной практики использования психологической терминологии для описания явлений, не относящихся к сфере психологии (е. г. коллективные травмы общества, политическая депрессия, экономическая апатия и т. д.).

Особое внимание будет уделено критике лингвистических рекомендаций новой этики, с лингвистической точки зрения не всегда убедительных (медикализация словоупотреблений) или прагматически неоправданных (борьба с эвфемизмами типа «солнечные дети»).

Ефремов Валерий Анатольевич,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН

* * *

E.A. Закревская (Москва)

Память «столичная» и «периферийная»: сравнительный анализ устных рассказов о коллективизации и раскулачивании

В 2018-2019 гг. я занималась исследованиями памяти о коллективизации и раскулачивании. Я собирала интервью в Москве, в деревнях Карельская Масельга и Евгора (Сегозерский района Карелии) и на хуторе Дивногорье (Воронежская область). Сравнительный анализ этих полевых материалов позволяет говорить в том числе о том, как по-разному устроена память в столице и в регионах. Для жителей сельской местности коллективизация «живет» в локальной, устной памяти: они мыслят эти события в виде меморатов о своих предках или предках односельчан. «Интенсивность» памяти и «известность» того или иного случая раскулачивания

связана с местом семьи в иерархии сельского коллектива: истории одних семей хорошо известны всем, истории других – неважны. Важное место занимают физические объекты – к примеру, дома, отнятые во время раскулачивания. Так, мой собеседник из Дивногорья рассказывал о том, как его отец учился в школе, расположенной в доме, который конфисковали у его отца: «...дед Федька был, с тридцатого года который, которого выгнали [раскулачили], потом в этом доме была школа, в которой учился мой отец. И вот он говорит, я сижу в классе, а вон кольцо от люльки, где качали деда Федьку».

Разница между памятью жителей Дивногорья и Евгоры состоит в том, что в Карелии коллективизация стала лишь началом череды политических потрясений, а на Юге России после Великой Отечественной войны настала относительно спокойная жизнь. Поэтому для жителей Дивногорья тема репрессий и прошлого в целом не так стигматизирована. К примеру, одна из информанток рассказала мне, что держит на видном месте фото репрессированных родственников и недавно показывала их сотрудникам местного краеведческого музея: «Соб.: – А вот у вас так близко лежат прямо фотографии, то есть вы их как-то часто [просматриваете]? Инф.: – Да, часто, потому что интересуются много, я вот эти все фотографии собрала. Все приходят, почему-то сейчас все стали интересоваться. Соб.: А кто – все? Инф.: Да вот Равиль [сотрудник музея], что-то они там пишут про хутор».

Жители Карелии до сих пор испытывают явный дискомфорт, рассказывая об этом, отказываются от интервью или избегают упоминания раскулачивания предков других односельчан. Так, информант из Евгоры, известный своей близкой дружбой с дочерью «кулака», на вопрос о том, известны ли ему случаи раскулачивания, рассказал об истории, произошедшей с семьей, высланной из деревни в полном составе, и умолчал о раскулачивании отца своей подруги:

«Вот опускаетесь вниз на машине, и вот развалина стоит, это клуб был. А напротив стоял двухэтажный дом, были Романовы такие, бога-атые люди. Ну, это по рассказам матери, я-то не застал до войны. Вот их раскулачивали, да <...> Мать как рассказывала, вот этих Романовых брали как. Ночью на лошадях подъедут, погрузят и увезут. Все. Брали только мужиков. <...> Соб.: - А брали в смысле куда-то ссылали? - В город, а куда дальше, никто не знает и до сегодняшнего дня <...> Отсюда потом, говорят, женщины уехали с детьми, или переселили, и все, и так и с концами все».

Москвичи помнят о коллективизации другим образом. Для них имеют большое значение «протезы»: медийные нарративы, цитаты из художественной литературы и документального кино, политические экскурсы, которые выступают своеобразной «рамкой» для семейной истории, фото, дневниковые и архивные материалы, которые удалось найти о раскулаченном предке, и т. д. Истории рассказывают сжато и не разворачиваются сюжетно, а кратко резюмируются. К примеру, мой собеседник, молодой москвич, отметил, что историю раскулаченного предка обычно вспоминает его мать в контексте политических споров: «когда поднимаю в семье коммунистический хайп, ко мне приходит мама <...> и говорит, что семью твоего [пра]деда раскулачили, вообще-то. Все хозяйство отобрали из-за того, что его дом был лучше, чем у других, потому что он хозяйство вел лучше».

Закревская Екатерина Алексеевна,
б.с., м.н.с. Центра славяно-иудаики ИСЛ РАН (Москва)

* * *

Т.С. Зевахина (Москва)

Метафорический потенциал русской глагольной лексики (на материале современной прозы)

Цель исследования – осуществить сплошную инвентаризацию одного художественного произведения на предмет отражения в нем глагольной метафорики. В качестве материала выбран роман Веры Галактионовой "Спящие от печали" (2013). Критики называют стиль письма автора неомодернистским, имеющим в качестве отличительных черт отсутствие классического хронотопа, расширение границ действительности, деление героев на «музыкантов» и «просто хороших людей»,

использование аллюзий и реминисценций. Заметим, что субстантивированное причастие в названии романа уже содержит семантический переход.

В теоретическом отношении мы опираемся на работы А.А. Потебни, утверждавшего, что слово есть вербально воплощенное представление и чувственной картины внешнего мира, и внутренней понятийно-действенной структуры; оно же есть внутренняя форма образа, а также на исследования П. Рикёра, который заявил о необходимости «внедрить понятие образа в семантическую теорию метафоры» и, опираясь на деятельностную сущность образа, свести метафору к действию-отношению «видеть как», с учетом того, что в случае мертвой (стертой) метафоры операция «видеть как» не работает (Рикёр, 1990).

Результаты анализа обобщены в виде таблицы, содержащей сведения о глагольной лексеме, семантическом переходе, диагностическом контексте из романа В. Галактионовой, а также информацию о представленности данного переносного значения в Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова и в НКРЯ. В таблице содержатся диагностические контексты следующего вида: «Вечное Ничто поглощает человеческие судьбы; Но брат почтенного словно истаивает во тьме; Слово «позор» в эту ночь очнулось в Столбцах» (В. Галактионова, С.А. Кузнецов); «А одряхлевшие многоэтажки для рабочего, когда-то, люда зевали на горе выбитыми окнами» (В. Галактионова, в словаре С.А. Кузнецова информация о данном семантическом переходе отсутствует; в НКРЯ представлен, в частности, пример из повести Б.Л. Пастернака «Воздушные пути» – «Зевающий восток нес его на ограду, как белый парус сильно накренившаяся лодки»).

Первоначальная таблица насчитывала более 500 глагольных лексем, однако в ходе анализа с применением принципа П. Рикёра «видеть как» она была существенно сокращена.

Татьяна Сергеевна Зевахина
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ

* * *

Е.В. Зименко (Москва)

Приоткрытый занавес: маршрут Москва – Веллингтон и обратно 1957 года

Речь пойдет о подробном дневнике поездки 38-летнего Владислава Мстиславовича Зименко (1919-1994) – главного редактора журнала «Искусство» – в Новую Зеландию в 1957 году для кураторства первой выставки советского искусства в Веллингтоне и Окленде. Маршрут поездки: Москва – Прага – Париж – Рим – Тегеран – Бангкок – Сингапур – Дарвин – Сидней – Веллингтон. Шанс выехать из страны, находящейся за «железным занавесом», тем более в капиталистическую страну без опыта поездки в какую-то из социалистических стран, был уникален и совпал с периодом начавшейся «оттепели».

Сперва автор дневника выражал тревогу по поводу возможных провокаций. Однако уже в первые дни поездки, занявший почти два месяца, эти ожидания исчезли. Переломным моментом была встреча с попутчиками – немцами Шульманами из Франкфурта, перебравшимися на постоянное жительство в Новую Зеландию. Оказалось, что им есть о чем поговорить, хотя, как и для большинства советских людей той поры, для Зименко разговор по-немецки был травматичным – памятью о недавней войне, но другого языка он не знал. Однако с немцами, которые быстро стали для него «милыми Шульманами», нашлись общие темы: классическая музыка, современное искусство

(сошлись на нелюбви к Пикассо), дети, семья, жилье. Для немцев было шоком, что многие москвичи живут в одной комнате, не имея ни столовой, ни спальни, ни кабинета. Другая встреча в аэропорту Сиднея – с Наташой из Луцка, утнанной с семьей в Германию во время войны, заставило автора дневника взглянуть с сочувствием на ее жизненную ситуацию и поставить под сомнение политику СССР в отношении перемещенных лиц.

Интересны сопоставления быта нескольких стран (Франции, Италии, Таиланда, Австралии, Новой Зеландии) с советским. Внимание привлекли частные дома с гаражами, машины на улицах, кондиционеры, широкоформатные телевизоры, электрокамины, более раскованный стиль одежды, новый материал – нейлон, наполненные товарами магазины, яркая неоновая реклама. В Новой Зеландии советские дипломаты, как и их жены, имели по нескольку пар обуви, костюмов, что заставляло с болью думать о жене, оставшейся в Москве и не имевшей этого.

В некоторых местах дневника пропасть истинно советский менталитет. На заявления Шульманов, что они хорошо относятся к русским, но боятся большевиков, искусствовед отвечал, что он тоже большевик, но не кусается, не покусается на жизнь других людей. При открытии выставки, облачившись во взятый на прокат смокинг, Зименко нашел свой вид «вполне буржуазным». Особым поводом для советской гордости стал запуск первого искусственного спутника, который застал его в Веллингтоне: по вечерам на улицах города стояли толпы людей, задрав головы кверху в надежде увидеть спутник на темном небе.

Иногда в речь автора вкрадывались газетные штампы, хотя он сам же и осуждал такую манеру. К примеру, на слова Шульманов о том, что они жаждут мира и покоя, он отвечал: «Я говорю, что мы, советские люди, также за мир, все люди: и правительство, и широкие народные массы». Открытие выставки для него – «боевой день», «изучал Маркса» – отличная характеристика. Однако на обратном пути, услышав от нашей стюардессы, что надо «приготовиться к приему пищи», он дал осуждающий комментарий: «Так и пахнуло казёнщиной, которая, к сожалению, еще у нас живёт наряду с великими достижениями!»

Отдельная тема – это тема искусства. Автор – поборник реалистического направления, поэтому у него находят неприятие модернистская скульптура у одного из банков в Сиднее или кубисты, которых он не любит и не понимает. Шоком стало знакомство с Лувром, потому что на искусствоведческом отделении ИФЛИ, а потом МГУ искусство изучалось по черно-белым репродукциям, по старым открыткам, по комментариям профессоров, когда-то, еще до революции 1917 г., видевших произведения в их подлинном виде. Удивили размеры: какие-то картины оказались маленькими, какие-то неожиданно большими. Подробно перечислены оттенки цветов, как будто из опасения их забыть. Особое место заняло знакомство с искусством Новой Зеландии, которое вообще не было известно в СССР. Реакции местной публики и художников на привезенные произведения заставили по-новому выстроить «Табель о рангах» светского искусства.

Любая поездка в чем-то меняет оптику нашего восприятия. Автор дневника возвращается на родину с мыслью, что надо детей обучить английскому языку, написать статью о новозеландском искусстве и встречах с художниками, сохранить установившиеся контакты, но не все из этого осуществилось. Мысли об изучении языка возникли из ощущения собственной беспомощности и «безъязычности» автора в английской языковой среде. Мысль о необходимости познакомить советских читателей с новозеландским искусством – из понимания, что наши люди вообще не представляют такую страну, как Новая Зеландия, а не только ее культуру. Поддерживать письменные связи с иностранцами – мысль почти невероятная для человека, воспитанного советской системой. В целом, эти три задачи говорят о серьезном разрушении стереотипов поведения.

Зименко Елена Владиславовна
заведующая сектором изоматериалов Отдела редких книг и рукописей

* * *

Г.А. Золотков (Москва)

Концептуальная экспедиция к границам настоящего: философское исследование современности на полях романа Т. Маккарти «Сатин Айленд»

Продолжает ли теоретический дискурс, встроенный в художественное повествование, работать привычным для него образом? Получает ли автор такого произведения дополнительный уровень для работы с рассматриваемым предметом?

В романе Тома Маккарти «Сатин Айленд» (*Satin Island*, 2015) корпоративный антрополог, работающий на PR-компанию, получает задание написать «Великий отчет» (the Great Report), т.е. исследование настоящего, способное «дать имя тому, что происходит сейчас» (*name what's taking place right now*). Хотя эта задача и сложнее обычных рабочих задач персонажа, в целом она не выходит за рамки привычного для него анализа товаров фирм-заказчиков и концептуального введения этих товаров в контекст современной культуры, необходимого для последующего построения рекламной стратегии оных. В контексте «Великого отчёта», однако, речь идёт о более объёмной задаче, отдаленно напоминающей задачу проанализировать современное состояние знания, поставленную президентом Совета университетов при правительстве Квебека в 1970-х гг. перед Ж.-Ф. Лиотаром. Исследование Лиотара легло в основу его известной работы «Состояние постмодерна» (1979), и на роман Маккарти можно взглянуть как на реконструкцию событий, стоявших за написанием подобной работы. Данная параллель в то же время позволяет взглянуть на роман Маккарти как на одновременно «повышение теоретических ставок» и перенос обсуждения общего культурного контекста современности в художественный текст.

В перенесении данной задачи на страницы или, лучше сказать, на поля романа просматривается методологический ход, направленный на снятие проблематичности настоящего как предмета исследования. Действительно, настоящее, современность, представляет собой пограничный предмет осмысления. Прошлое и будущее естественным образом занимают некоторую дистанцию по отношению к мысли. Напротив, настоящее, строго говоря, предполагает описание, которое включало бы само себя. Так, рассмотрев некоторую предысторию явления, мы затем можем заключить свой экскурс связкой – «а теперь вернемся в настоящее». Перспектива такого возвращения, однако, только представляется меняющейся, по сути, оставаясь смещением внимания от одной абстракции к другой, переходом от одной последовательности событий, внешне окаймленной мыслью, к другой. Начиная разговор о настоящем, мы не предлагаем принципиально иного способа размышления, продолжая мыслить настоящее точно по тем же лекалам, по которым мыслили до этого прошлое. И оно неизбежно ускользает от теоретического осмысления, оказываясь чем-то иным, неким эрзацем. Теория настоящего как бы отчуждает его от себя, саботируя этим анализ.

Перенос проблемы в роман позволяет взять дистанцию еще раз, но теперь уже не от настоящего, а от теоретика, пойманного в ловушку проблемой. Мы проходим за ним через разные языковые игры, разные возможные способы фиксации реальности, по сути дела призванные не столько прояснить настоящее, сколько подчинить его коммерчески-ориентированной теоретической конструкции, встроить в настоящее механический каркас, подменяющий его живую непостижимость искусственной понятностью, броским слоганом, корректирующим форму жизни, вместо ее исследования.

* * *

М.Ю. Игнатьева (Барселона, Испания)

Имя и власть: проблемы передачи имени *San Juan de la Cruz* на русском языке

В российском литературоведении и переводческой практике установилась традиция записывать имя одного из главных поэтов испанского Золотого века *San Juan de la Cruz* с помощью транслитерации: «Сан Хуан де ля Крус». Эта традиция отличается от принятых во всех зарубежных изданиях, где имя переводится: «святой Иоанн Креста». В докладе исследуются корни российской традиции, связанной с историей изучения и переводов испанского мистика на русский язык.

В самой Испании имя *Juan de la Cruz* становится известным в светских кругах только в конце XIX в. Если до начала этого века интерес к наследию Иоанна практически не выходил за пределы кармелитского ордена и близких к нему светских и духовных читательских кругов, то в XIX в. ситуация была отягчена закрытием ордена и далеким от религиозности духом времени.

Несколько факторов повлияли на рост интереса к поэзии мистика из Фонтивероса: 1) речь филолога Марселино Менендес-и-Пелайо при вступлении в 1881 году в Королевскую академию испанского языка, посвященная мистической поэзии Испании; 2) издание в 1912–1914 гг. первого трехтомного собрания сочинений Иоанна Креста; 3) выход в 1925 г. книги Жана Барюзи «Святой Иоанн Креста и проблема мистического опыта» и, в 1929 г., — первой биографии Иоанна о. Бруно Иисуса Марии «Святой Иоанн Креста».

В России к 1917 г.: 1) имя Иоанна Креста еще не было зафиксировано ни в одном русском энциклопедическом словаре; 2) поэт был известен лишь небольшой группе эрудитов, читавших по-испански; 3) эти эрудиты еще не представляли себе значения Иоанна как богослова и святого и по-разному передавали его имя (например, у К. Бальмонта — «св. Хуан де ля Крус»). Однако после канонизации Иоанна Креста в 1926 году и публикации книги Барюзи и о. Бруно русские писатели-эмигранты Д. Мережковский и Вяч. Иванов уже не сомневались в том, как писать имя поэта: Мережковский в 1940 г. напишет биографическую повесть «Святой Иоанн Креста». Так же это имя пишет и Вячеслав Иванов в «Римском дневнике» (1944 г.)

Советская литература и литературоведение сначала игнорировали фигуру Иоанна Креста: его имя, ни в одной формулировке, не появляется в Историях зарубежных литератур и поэтических антологиях. Только в 1974 г. в книге «Европейские поэты Возрождения» выходит первая публикация стихотворений Иоанна Креста, названного здесь «Сан Хуан де ля Крус», это два стихотворных перевода Вл. Васильева. В сборнике «Жемчужины испанской лирики», появившемся спустя десять лет, в 1984 г., не было ни слова о поэте-мистике. В следующем 1985 г. вышла статья З.И. Плавскина «Поэзия зрелого и позднего Возрождения» в 3-м томе «Истории всемирной литературы» с рассказом о нашем поэте. Здесь уже было убрано слово «Сан», но остался «Хуан де ля Крус», где склонялось слово «Крус»

Наконец, в 1992 г. вышла статья Е. Афиногеновой, где впервые на русском языке имел место научный обзор догматического и поэтического наследия испанского мистика. Освобожденный от оков советской идеологии, автор статьи называла своего героя «святой Иоанн Креста».

С этого момента начинается параллельное существование двух имен.

Предлагаемый исторический очерк показывает, что испанизированная версия («Сан Хуан де ла Крус») рождалась в контексте недостаточного знания или понимания его ранга, а также поверхностного прочтения его трудов, и поэтических, и тем более богословских. Созданная за эти годы «традиция» не вызывает прочного доверия, поскольку еще рано говорить о знакомстве русского читателя с наследием Иоанна Креста: основные его трактаты еще ждут критического издания. Иоаннистика у нас еще не развилась в серьезное направление, как мы это видим в исследованиях на основных европейских языках. Разнотечения даже в испанизированном варианте показывают, что этот вариант еще не прижился, а значит, есть возможность его исправления.

Игнатьева (Оганисьян) Мария Юльевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка в Государственной Школе языков

* * *

E.H. Ильина (Вологда)

Словарь диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм: опыт описания корневого гнезда³⁸

В современной русской диалектологии весьма актуальна проблема использования современных информационных технологий, облегчающих работу с большими массивами данных и расширяющих возможности доступа к ранее собранным экспедиционным материалам. В рамках нашего исследования на основе разработанной и апробированной ранее электронной базы данных «Диалектного словаря строения слов» создаётся электронный «Словарь диалектных корневых гнёзд и аффиксальных парадигм». Решаемая нами исследовательская задача – это лексикографическая верификация и экспедиционная проверка данных, а также подготовка многоспектрального лингвистического комментария диалектных корневых гнёзд и аффиксальных парадигм. Для обсуждения предлагается опыт описания одного из таких гнёзд.

-БАДОЖ- // -БАДЫЖ- // -БАТОГ- // -БАТОЖ-

Характер вершины, особенности его лексического состава.

Вершиной диалектного корневого гнезда является общерусская корневая морфема *-батог-* / *-батож-* …, имеющий в исследуемых говорах свободную дистрибуцию: *батог*, *бадог* ‘палка, кол; часть цепа, бьющая по снопам, было’ [СВГ, 1: 24] (ср. также: *батог*, мн. *батоги* ‘палки или толстые орудия с обрезанными концами, употреблявшиеся в качестве орудия телесного наказания’ [БАС, 1: 295–296]). В системе вологодских говоров корень представлен также вариантами морфемы *-бадог-* / *-бадож-* / *-бадыж-*. Общеславянское, этимологически связано с **бат* ‘дубинка’ и *ботать* ‘стучать, тарахтеть; пугать рыбу ударами палки по воде’ [Фасмер, I: 134].

Структурный тип ДКГ.

Гнездо деривационного типа, включает в себя 6 производных. Варьирование согласных *<m>* // *<δ>* в корне производящего слова сохраняется в его производящих, чередование *<ρ>* // *<ж>* объясняется морфонологически. Обособленное положение в гнезде имеет существительное *бадыжина* ‘палка, кол’, которое, с одной стороны, реализует регулярное значение единичности (ср.: *морковь* – *морковина*, *жердь* – *жердина*), однако производящее с корневым морфом *-бадыг-* в источниках диалектной лексики не зафиксировано (ср. также: *бадыжник* ‘ольховник’ (перм.) [СРНГ, 2: 41]).

³⁸ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00123 «Диалектный словарь строения слов: от электронной базы данных к словарю корневых гнезд и аффиксальных парадигм»).

<i>батог</i> → 'палка, кол; часть цепа, бьющая по снопам, било'	<i>батож-ок</i> 'ум.-ласк. палка, кол' <i>батож-[й-о]</i> 'собир. палки' <i>батож-ник</i> → 'палка, кол'	<i>батожнич-а-ть</i> 'ходить, опираясь на палку, посох'
<i>бадог</i> → 'палка, кол; часть цепа, бьющая по снопам, било'		<i>бадож-ок</i> 'палка, кол'
* <i>бадыг?</i>		<i>бадыж-ин-а</i> 'палка, кол'

Семантика ДКГ. Гнездо реализует структурно-семантические отношения отымененного словообразования. Производные первой ступени деривации развиваются первое, основное значение производящего существительного: суффиксально объективируется уменьшительно-ласкательная семантика (*батожок*, *бадожок*), семантика единичности (*бадыжина*, *батожник*), собирательности (*батожьё*). На второй ступени деривации образуется глагол, называющий действие, связанное с применением предмета, который назван мотивирующим существительным (ср.: *костылять*, *хомутать* и др.).

Выводы. Диалектное корневое гнездо с общеславянским предметным корнем *-бадог-* // *-бадож-* // *-бадыж-* // *-батог-* // *-батож-* объединяет семантически соотносительные существительные и глаголы, связанные со значением непроизводного существительного *бадог*, *батог* 'палка, кол'. Диалектную специфику гнезда определяет фонематическое варьирование корня, транслируемое производными (*бадожок*, *батожок*), либо представленное только в производных (*бадыжина*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка Т. 1–17. – Москва; Ленинград: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Ленинграде, 1948–1965.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. – Вологда : ВГПИ ; ВГПУ, 1983–2007. – Вып. 1–12.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–52. – Москва; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2021.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. Т. 1–4. – Москва : Астрель : АСТ, 2007.

Ильина Елена Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

* * *

A.A. Индыченко (Москва)

Сообщения о коренных народах северо-восточных окраин России в чешской публицистике и научной литературе периода национального возрождения 1-й трети XIX в.

Важнейшими задачами чешского национального возрождения – процесса формирования чешской нации современного типа, проходившего с последней трети XVIII

до середины XIX вв., являлись обогащение словарного состава чешского языка и расширение сферы его функционирования. Значительную роль при решении указанных задач в первой половине XIX в. сыграли журналы на чешском языке, в которых публиковался широкий диапазон статей гуманитарного и естественно-научного профиля, а также научные труды, авторы которых ставили себе целью не только познакомить читателя с новой информацией, но и найти адекватный эпохе способ ее выражения на чешском литературном языке, лексическая база которого в указанную эпоху находилась в процессе формирования.

Особый интерес читательской публики в данную эпоху привлекали публикации, посвященные реалиям славянских стран. В своем выступлении мы сосредоточимся на анализе нескольких ранних свидетельств о быте коренных народов крайнего северо-востока России из журналов «Гласател» (1806–1807, 1819), «Поутник словански» (1826) и «Часопис чешского музеум» (1830), а также из ботанических трудов основоположника чешской естественно-научной терминологии Яна Сватоплуга Пресла (1791–1849). Источниковедческий аспект исследования предполагает установление возможных источников переводных публикаций и отслеживание трансформаций оригинала, в то время как лингвистический аспект базируется на выявлении и анализе неологизмов, предлагавшихся авторами публикаций для передачи этнографических реалий, а также различных типов заимствований из русского языка, часть из которых внесла свой вклад в формирование словарного состава чешского литературного языка в XIX в.

Индыченко Артем Андреевич,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Отдел типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН

* * *

Е.В. Инсарова (Санкт-Петербург)

Вопрос космополитизма в письмах М.М. Антокольского

Небезызвестное «дело о врачах» и гонения на деятелей культуры еврейского происхождения в середине XX в. в СССР не было прихотью одного правительства, но культурной парадигмой минимум последних двух веков. О космополитизме в России XIX-XX вв. рассуждало большое количество деятелей культуры: от философов до художников, создавших понятие «космополитическое искусство». Космополитизм, однако, понимался как маргинальная сторона национальной культуры и табуировался как минимум на политическом уровне.

Одна из важнейших фигур художественного сообщества, М.М. Антокольский, русский скульптор еврейского происхождения, также размышлял о космополитической природе искусства и вообще человеческого естества. В 1902 г. в письме к В.В. Стасову он напишет: «...может ли быть искусство космополитическое? Я думаю, как и вы – нет. Но что такое космополитическое искусство? Я знаю одно только искусство, это псевдоклассическое, которое повсюду наложило одну и ту же печать. Даже в аллегории, этом фальшивом языке искусства, и тут уже просвечивается что-то особенное: например, пусть зададут тему, одну и ту же, в роде “Русалки”, “Купальщицы”, “Победы”, “Волны”, “Звёзды” и прочей дребедени – французу, немцу и англичанину, и вы издали укажете, какая работа кому принадлежит. <...> И тут, и в этом отношении, под каким углом ни стал бы художник, как бы далеко он ни отошёл от своего народа, он всё-таки останется верным своему народу, потому что он думает и чувствует именно как его народ. <...> Я думаю, что очень трудно заключить: были ли тогдашние художники националисты или интернационалисты». В.В. Стасов, крупнейший отечественный критик искусства XIX в., в

свою очередь, не смог оценить данную мысль Антокольского, так как он сам развивал и поддерживал национализированную стратегию, заданную В.Г. Белинским, Н.А. Добролюбовым и Н.Г. Чернышевским, последователем эстетики которых он также являлся.

В первую очередь стоит заметить, что Антокольский использует термин «интернационализм» как синоним «космополитизма», так как понятия не имели теоретической основы, они использовались от текста к тексту, в трактовке авторов приобретая порой похожие значения. Во-вторых, скульптор один из немногих так подробно подходит к объяснению именно «космополитического искусства» как альтернативного для национализированной политики России явления. В «Современных заметках» В.Г. Белинского также употребляется словосочетание «космополитическое искусство», которое подразумевает обобщение отдельных элементов и тем искусства, введение искусства в идею, представленную идеализированно.

Позже, в статье «Наши итоги на всемирной выставке», В.В. Стасов на примере Антокольского, объясняет «космополитизм» по-своему, а также подчёркивает, что М.М. Антокольский отошёл от национальных интересов, а «занялся интересами “общечеловеческими”»³⁹, то есть обратился к сюжетам всемирной истории. Данные космополитические наклонности Антокольского привели Стасова к заключению, что работы на иностранные темы безжизненны, так как идеализируются автором, не знающего особенностей изображаемой эпохи.

Инсарова Екатерина Владимировна
магистр, независимый исследователь

* * *

Н.П. Иордани (Москва)

О некоторых языковых особенностях русско-литовских месяцесловов кириллической печати второй половины XIX в.

В докладе будут рассмотрены специфические особенности языка русско-литовских месяцесловов за 1868 и 1869 гг. («Русско-литовскій мѣсяцесловъ на 1868 годъ. Русишкай летувишкасись календорюсъ антъ 1868 (прибувимасъ) мѣту» (Вильна, 1867) и «Русско-литовскій мѣсяцесловъ на 1868 годъ. Русишкай летувишкасись календорюсъ антъ 1868 (прибувимасъ) мѣту» (Вильна, 1868)), которые представляют собой календари, в которых публиковались сведения о церковных праздниках, а также материалы, посвященные бытовым и сельскохозяйственным вопросам. Эти книги также содержали так называемые прибавления, в которых помещались статьи по истории, географии и т.п.

Подобные источники представляют определенный интерес для исследования, поскольку они были созданы в период, когда на территории Российской империи был введен запрет на использование латиницы для печати на литовском языке (действовал с 1864 по 1904 год). За это время было выпущено всего 58 книг, большая часть которых представляла собой учебные пособия, разговорники, азбуки и литературу духовного содержания [Zinkevičius 1990: 94].

В большинстве случаев подобные источники попадали в поле зрения исследователей преимущественно в свете изучения проблем графики и орфографии, поскольку в этот период было разработано несколько систем для передачи литовского языка кириллицей: 1864 году появился алфавит С.П. Микуцкого, в 1865 году – Й. Кречинского и др. [Владимировас 1985: 76].

³⁹ Стасов В.В. Наши итоги на всемирной выставке.
URL:http://az.lib.ru/s/stasow_w_w/text_1878_nashi_itogo_na_vsemirnoy_vystavke.shtml (Дата обращения 13.07.22)

Русско-литовские месяцесловы второй половины XIX в. представляют особый интерес, поскольку в отличие от многих других книг литовской кириллической печати в них статьи представлены параллельно на русском и литовском языках. Это позволяет получить представление о технике перевода, поэтому в докладе пойдет речь о синтаксических кальках с русского в литовском тексте. С другой стороны, эти источники содержат ценный материал для исследования лексики литовского языка, поскольку в них представлено большое количество заимствований из русского языка, что позволяет получить представления о развитии их семантики и морфологической адаптации.

Литература

Владимировас Л. Черты развития литовской книги // *Lietuvos TSR bibliografija. Serija A. Knygos lietuvių kalba*. T. 2. 1862–1904. Kn. 1(A–P). Vilnius: Mintis, 1985. C. 74–85.

Subačius G. *Lietuviška ir rusiška lietuviškų spauginių kirilika 1864–1904 metams* // *Staliūnas D. (red.) Raidžių draudimo metai*. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2004. C. 139–173.

Zinkevičius Z. *Lietuvių kalbos istorija*. 4. Vilnius: Mokslas, 1990. — 336 c.

Иордани Наталья Павловна,
младший научный сотрудник

отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка (группа Словаря
русского языка XI–XVII вв.) ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН

* * *

Ю.В. Кагарлицкий (Москва)

«Вера православная, власть самодержавная»: Еще раз о Булгакове — читателе Мережковского

Настоящий доклад основан на размышлениях докладчика об одном эпизоде из «Белой гвардии» М.А. Булгакова. После пересказа Шервинским очередного слуха о чудесном спасении императорской семьи, все приходят в волнение и, уже захмелевшие, произносят разные патетические тирады, в частности:

— На Руси возможно только одно: вера православная, власть самодержавная! — покачиваясь, кричал Мышлаевский.

— Верно!

— Я... был на «Павле Первом»... неделю тому назад... — заплетаясь, бормотал Мышлаевский, — и когда артист произнес эти слова, я не выдержал и крикнул: «Верр-но», — и что ж вы думаете, кругом зааплодировали. И только какая-то сволочь в ярусе крикнула: «Идиот».

— Жи-ды, — мрачно крикнул опьяневший Карась⁴⁰.

Разумеется, имеется в виду пьеса Д.С. Мережковского «Павел Первый». Заметим, что пьеса эта долгие годы была запрещена, не ставилась нигде (кроме домашней постановки в особняке баронессы В.И. Икскуль фон Гилленбанд)⁴¹. Изображение на сцене цареубийстваказалось бес tactным даже после февраля 1917 года; ср. неудачу постановки пьесы в государственных театрах в 1917 г.⁴² Постановка «Павла Первого» в киевском театре была сенсацией, гвоздем сезона. В комментарии к «Белой гвардии» Е.А. Яблоков пишет:

«В сезон 1918/19 г. драма Д. С. Мережковского (1865–1941) «Павел I» (1907) шла в Киеве в театре «Соловцов». Провозглашаемый Мышлаевским лозунг в оригинале звучит в следующем контексте:

Татаринов. Европа вскоре погрузится в варварство...

⁴⁰ М.А. Булгаков. Белая гвардия. Изд. подгот. Е.А. Яблоков. М.: Ладомир, 2015. С 42.

⁴¹ Гордеев П.Н. «Показать на сцене цареубийство»: к истории неосуществленной постановки драмы «Павел I» Д.С. Мережковского в государственных театрах в 1917 году // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 1. С. 70.

⁴² Там же.

Талызин. Одна Россия, как некий колосс неколебимый, стоит, и основание оного колосса — вера православная, власть самодержавная.

Мережковский 1914: 98

Историческая ситуация, отразившаяся в «Белой гвардии», противоположна той, что изображена у Мережковского, и цитата звучит злой пародией.

Характерно что в фельетоне Булгакова «Грядущие перспективы» (1919) Европа охарактеризована как «выздоравливающая» после мировой войны, Россия же представлена «на самом дне ямы позора и бедствия».⁴³

Здесь обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, Мышлаевский был в театре на скандально антимонархической пьесе, возможно не впервые, и рассчитывает на то, что его собеседники тоже были на спектакле и хорошо его помнят; ни у него, ни у его собеседников пьеса не вызывает какого-либо осуждения. Во-вторых, он цитирует ее так, как будто это пьеса апологетическая по отношению к монархии. В-третьих, он заметно искажает текст, что позволяет ему избежать откровенной нелепости, на которую указывает комментатор.

Мне кажется правомерным сделать следующие выводы. Герои пьесы, не исключая Мышлаевского, давно прошли через осознание, что прежний порядок был обречен.

Характерна фраза, сказанная незадолго до реплики Мышлаевского Алексеем: «...мы теперь научены горьким опытом и знаем, что спасти Россию может только монархия. Поэтому, если император мертв, да здравствует император!»⁴⁴. Тексты вроде текста Мережковского они прочитывали так: в цепи династической преемственности неизбежны неудачи, неизбежны, вероятно, и перевороты, однако на новом витке снова необходима монархия. То, что в «Павле Первом» все конституционные мечтания уступают место монархии, только с подходящим преемником, хотя бы даже и прошедшим через попустительство цареубийству, возможно, казалось им созвучным современности.

Кагарлицкий Юрий Валентинович,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

* * *

E. B. Казарцев (Москва)

«Первый звук хотинской оды» — откуда он?⁴⁵

Как известно, первая русская ямбическая ода была написана М. В. Ломоносовым в Германии после громкой победы русской армии в войне 1735-39 гг. и взятии крепости Хотин на берегу Днестра. Ритмический облик этого текста вызывал немало споров у стиховедов разных стран. Есть основание считать, что он был сформирован под влиянием ритмики немецкого стиха (гипотеза К. Ф. Тарановского). Однако современные исследования обнаруживают высокую степень независимости ритмики данного сочинения от просодических показателей немецкого стихосложения того времени.

Откуда же взялся тот особый звук этой первой русской оды, положившей начало нашей ямбической версификации? Глубокое цифровое изучение ритмики этого текста на фоне различных источников и методы реконструктивного моделирования стихосложения позволяют выдвинуть предположение, что просодический облик данного сочинения сложился в условиях приобретенного билингвизма его автора под непосредственным влиянием немецкого языка, но не стиха. При этом высокая

⁴³ Е. А. Яблков. Примечания // Булгаков. Цит. соч. С. 584.

⁴⁴ Булаков. Цит. соч. С. 42.

⁴⁵ Исследование проведено по проекту «Сравнительное изучение метрического стихосложения на фоне языковой просодии: цифровая аналитическая платформа «Прозиметрон»», поддержанному РНФ, грант № 24-18-00913

ритмическая гибкость русского ямба, развившаяся у Ломоносова позднее, не имела непосредственной связи с этим ранним его опытом; она, очевидно, сложилась в результате перехода на новую технику стихосложения в процессе кардинальной смены ритмического словаря.

Литература

- Гаспаров, М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. Москва. 1974.
- Казарцев, Е. В. 'Ритмика первой духовной оды М. В. Ломоносова в контексте проблемы генезиса русской силлабо-тоники'. Формальные методы в лингвистической поэтике. Санкт-Петербург, 2001. С. 164-175.
- Казарцев, Е. В., Красноперова, М. А. "Ода... на взятие Хотина 1739 года" М. В. Ломоносова на фоне языковых моделей ритмики русского и немецкого стиха'.
- Славянский стих VII: Лингвистика и структура стиха. Москва, 2004. С. 33-46.
- Тарановский, К. Ф. 'Ранние русские ямбы и их немецкие образцы'. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Сборник 10. Ленинград, 1975. С. 31-38.

Евгений Вячеславович Казарцев,
доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ

* * *

А.Л. Касаткина (Москва)

С.И. Гамалея как один из прототипов Радотова в комедии Екатерины II “Обольщённый”

Семен Иванович Гамалея - один из московских розенкрайцеров, против которых Екатерина II написала комедию "Обольщённый". В главном герое "Обольщённого", Радотове, некоторые исследователи видят именно Семена Гамалею. Прежде всего, отождествление зиждется на том, что Гамалея, мастер московской ложи "Девкалион", отчасти также курировавший открытые при масонском Дружеском учёном обществе филологическую и переводческую семинарии, получил у младших братьев по ордену прозвание "божьего человека" и стал персонажем нескольких передававшихся устно, а потом записанных историй-анекдотов, призванных иллюстрировать его глубокую религиозность, аскетизм и бессребреничество - и один из этих анекдотов, по-видимому, нашёл отражение в описании чудачеств Радотова. Гамалея, став жертвой грабителей, отнявших у него кошелёк и часы, отправляется не к стражам порядка, а в церковь, где молится о том, чтобы похищенное у него не обратилось ни во что дурное в будущем. Радотов также совершенно спокойно относится к пропаже ценных вещей. Другая деталь в образе Радотова, его комически поданная попытка проникнуться мистическим смыслом читаемых текстов, может указывать лично на Гамалею как признанного мистика, но скорее на общий характер розенкрайцерских практик. Радотов - персонаж, собранный из черт, отсылающих к разным историческим личностям. Ближайший друг Гамалеи, Н.И. Новиков, также приступает за одной из деталей: когда-то Радотов смеялся над суеверной Чудихиной (Новиков был согласен с Екатериной в оценке непросвещённого общества, изображённого в ранней комедии императрицы), а теперь сам уподобился ей (масонские ритуалы и масонские тексты ничуть не лучше того, во что верит Чудихина). Также покаянный монолог Радотова в конце комедии напоминает рассказ о начале увлечения масонством виднейшего петербургского масона И.П. Елагина.

Таким образом, если в двух других антимасонских комедиях Екатерины II с масонами должны ассоциироваться обманщики Калифалкжерстон и Амбан-Лай, то в "Обольщённом" самые яркие масоны оказались прототипами обманутого персонажа,

заблуждения которого лежат в плоскости философии и религии и не представляют угрозы обществу. Закономерен финал комедии: Радотов (Гамалея-Новиков-Елагин) прозревает и раскаивается, а уголовники Протолк и Бебин (Калиостро и подобные шарлатаны, совершенно не похожие на московских масонов) взяты под стражу. Но помимо рассказа о краже со взломом, осуществленной Протолком и Бебиным, в комедии звучит ещё одно обвинение масонов, гораздо более реалистичное: они - вольнодумцы, "потаённо" заводящие "благотворительные разные заведения, как то: школы, больницы и тому подобные". Эта деталь не гармонирует с образом проходимцев, обманывающих и обворовывающих Радотова и никак не развивается в комедии, но отмечается всеми исследователями как важное указание на то, чем была обеспокоена Екатерина в движении московских мартинистов. Есть вероятность, что Новиков подвергся в 1792 году самому жестокому наказанию отчасти именно потому, что был очевидно успешен в предпринимательской и благотворительной деятельности, в то время как остальные члены масонского кружка оставались в глазах императрицы в чем-то подобны безобидному Радотову, списанному с безобидного Гамалеи.

Касаткина Анна Леонидовна,
старший преподаватель РГГУ

* * *

E.H. Катышева (Томск)

Дневник экспедиции как гибридный текст (на материале студенческих дневников фольклорных экспедиций)

В рамках нашей работы анализируются 56 дневниковых записей, созданных студентами филологического факультета Томского государственного университета в период с 1960 по 1980 год в ходе летних фольклорных практик, которые проводились в сёлах Томской, Новосибирской и Кемеровской областей.

Дневник фольклорной экспедиции как эго-документ передаёт индивидуально-личные впечатления студентов, но одновременно с этим описывает ход студенческой практики как научный отчет. Можно сказать, что данные дневники отражают взаимодействие дневникового, научного, фольклорного дискурсов, в результате которого возникает гибридный текст, подтверждая слова О.В. Соколовой о том, что «гибридные тексты формируются в зоне междискурсивного взаимодействия» [1]. Понятие гибридности текста является важным инструментом в современной филологии и предполагает сознательное или бессознательное сочетание в одном произведении разнородных элементов, принадлежащих к разным типам дискурса, жанрам или стилям.

Дневник экспедиции представляет собой гибридный текст, что проявляется как на языковом уровне, так и на уровне речевого жанра. На языковом уровне отметим использование иноязычных включений, образных средств, заимствованных из других дискурсов, отступление от грамматических норм, смешение разговорной и научной речи. *Но qui quaerit, reperit – ура; Наши десант забросили в Тунгусовку; Впоследствии выяснилось, что эта деревня относилась к сфере влияния нашего колбинского десанта, однако улов у нас там была большой.* Использование терминологии, характерной для фольклористики, не исключает внедрение разговорной речи, эмоционально окрашенных выражений, а также простых синтаксических конструкций, диалектизмов, характерных для речи местных жителей. *Написали такие песни как «Пятьдесят молодцов»: круговые, хороводны; Поют по всем правилам, с «зачином» и «выносом»; Хозяин-то? Да нет его дома-то. Рыбачит где-то. Вечером заходите, небось дома-то будет. Она знает уйму песен.*

Анализируя уровень речевого жанра, выделим в дневниках жанры приветствия, прощания, назидания, агитации, а также элементы, относящиеся к фольклорным жанрам, признаки научного отчёта, путевых заметок. Как научный отчет дневник фиксирует собранный материал, данные об информантах, состав группы. *Мы побывали у Ткачук, у Малиновской, записали песни, сказки, частушки; Урожай собрали богатый. 100 частушек (без четырех) и почти полный свадебный*

обряд; *Дневник фольклорной экспедиции в составе Дроздовой Тамары, Остасевич Ирины, Фоминской Татьяны студенток 316 группы историко-филологического факультета Томского Государственного Университета. Июль 1972 г.* Описание хронологии событий, маршрута экспедиции можно определить как признаки путевых заметок. В 8 часов утра мы были в Парабели, а в 8 вечера в Томске.

В докладе планируется более подробно рассмотреть примеры языковой и жанровой гибридности исследуемых дневниковых текстов, показывающие взаимодействие элементов различных дискурсов. Выявить языковые явления, приемы, «выполняющие роль дискурсивных скреп» [2. С. 444].

Литература

1. Соколова О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 1. С. 50—86.
2. Ишемгулова А.И., Чанышева З.З. Гибридные тексты как результат смешения дискурсивных практик // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, №. 2. С. 441—446.

Катышева Екатерина Николаевна
аспирант 1 года обучения НИ Томского государственного университета

* * *

И.Б. Качинская (Москва)

Этнолингвистический словарь Кенозерья: Пробные словарные статьи. Веник⁴⁶

Национальный парк «Кенозерский» вошел в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В Парке проводится огромная работа по изучению животных, растений, почв, археологи исследуют древние стоянки, архитекторы - деревянное зодчество, художники - росписи. Много сделано по восстановлению деревянной архитектуры. На территории Парка имеются музеи и проектируются современные музейные комплексы. Одним из проектов деятельности Парка является готовящийся «Этнолингвистический словарь Кенозерья». Принципом отбора лексем является их культурная составляющая.

Веник может выглядеть и называться по-разному в зависимости от назначения. В бане обычно используют березовый веник (*Миный ваня, друг зеленый, помни, как наяривал...*). Заготавливают банные веники обычно на Иванов день. С помощью березового веника не только парятся, но и гадают: *Ивановская баня. Парились новым веником, надо из свежей берёзы наломать веников. Спиной к речке кидали веник назад. Упадет веник по течению – в этом году замуж выйдешь. Упадет против течения – не выйдешь в этом году. Старые то же самое: умрёшь в этом году – не умрёшь.*

Для очищения пода в устье русской печи употреблялся веничек, связанный из сосновых веток и насаженный на длинную палку (*помело*): *А не дедушкино бы помело, дак у бабушки всё заросло.*

Подметали полы во дворе и в доме веником из прутьев (*голиком*): *Скручен, связан, по избы пляшет.* С помощью голика и мелкого щебня, полученного из прокалившихся, рассыпавшихся камней баниного очага (*дресвы*), очищали деревянные поверхности: некрашеные полы, стены, потолки, лавки.

С функцией веника как инструмента выметания, очищения связаны многочисленные предписания и запреты. Так, мести сор рекомендовалось только к порогу и желательно вдоль, а не поперек половиц, иначе жизнь домашних будет *поперечная, недружная*. Запрещалось подметать, пока в доме находился гость: тем самым ты показываешь, что ему пора «выметаться» из дома. Но если гость засиделся, то с помощью

⁴⁶ Работа выполняется благодаря Договору с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Концептуальные основания и структура этнолингвистического словаря Кенозерья».

веника ему можно намекнуть, что пора уходить. «Закрыть» человеку дорогу в дом можно было, заметя веником его следы.

Схожие запреты накладывались и на мусор, собранный веником. После выметания пола мусор не выносили из дома сразу, а какое-то время оставляли в углу под веником.

В похоронной обрядности *венник* использовался, чтобы закрыть путь, не дать возможности умершему возвратиться к живым родственникам. С этой целью остающиеся в доме женщины подметают и моют полы сразу же после выноса тела: *Надо ведь мыть полы только в одну сторону. Чтобы он не возвращался обратно. Говорят, допустим: «Был у меня муж Витя и нет, был и нет». Три раза поговоришь и трубу откроешь в печку, чтоб он ушёл туда, дух. Подметают не так, как обычно, а наотмашь, от себя.*

В апотропейической магии веник использовался в отгонных целях и как надежное средство защиты от нечистой силы. Его клали на пол под детскую зыбку, сейчас кладут под детскую кроватку или под коляску: *А когда вот уходишь, например, ребенок уснул, за водой или за дровами, под коляску или под кроватку надо метёлку ложить. Не знаю до сих пор почему, а вот ложат метёлку, чтобы как бы никто его не напугал, не спугал там, не разбудил.*

В обрядовых практиках посредством веника можно было не только указать на выход или «закрыть» дорогу, но, наоборот, «открыть» путь. Так, при переходе в новое жилище перед хозяином веничком символически расчищают дорожку. Аналогичным образом поступали и на свадьбе, когда крестная невесты подметала дорогу перед родственниками жениха.

Появились и некоторые новые приметы, связанные с веником: во многих домах начали ставить веник в угол метелкой не вниз, а вверх - для привлечения («наметания») в дом денег.

Качинская Ирина Борисовна,
канд. филол. Наук, Филологический ф-т

* * *

К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко (Москва)

Минималистичная идиома *от и до*: разные способы интерпретации крайних точек и пространства между ними

В русской идиоматике можно выделить небольшую группу выражений, имеющих структуру «от X до Y»: *от мала до велика, от А до Я, от головы до пяток* и др. В большинстве случаев X и Y совпадают: *от доски до доски, от корки до корки, от зари до зари, от темна до темна, от звонка до звонка, от сих до сих* и др. Эта группа идиом близка по своему устройству к фразеологизмам-конструкциям (X, он и в Африке X), однако в позиции X-а и Y-а могут быть слова из очень короткого списка.

Предельного уровня абстракции идиомы этого типа достигают в выражении *от и до*, в котором X и Y вообще не выражены. При этом внутренняя форма идиомы *от и до* порождает разные значения, для которых можно увидеть соответствия среди остальных идиом группы.

Для конструкции *от и до* (т.е. точной последовательности из трех элементов) в Основном корпусе НКРЯ было найдено 187 примеров употребления, из них более 150-ти – после 1960 года. Для совокупности идиом вида «от X до Y» таких примеров значительно больше.

Далее мы хотим остановиться на особенностях значения и употребления идиомы *от и до*. Надо оговориться, что некоторые примеры, найденные в НКРЯ, неидиоматичны. Они представляют собой свободное сочетание двух предлогов и союза; это сочетание отсылает к исходной и конечной точкам некоторого маршрута, которые в данном случае

совпадают:

- Эти корабли пустыни отмеривали мертвым шагом тысячи километров с товарами пустыни, <...> и это степное сырье и ресефесерские фабрикаты шли тысячи километров *от и до* Ташкента, Семипалатинска, Алма-Аты. [Б. Пильняк. Созревание плодов (1935)]

Идиоматичные в той или иной степени употребления распадаются на четыре основных типа.

1. От начала до конца. Речь идет о некотором полностью заполненном интервале, промежутке (часто временном), но интерпретироваться эта заполненность может по-разному. Самые близкие по смыслу аналоги – *от звонка до звонка, от зари до зари*.

- Она всю войну прошла от и до. [Г. Щербакова. Актриса и милиционер (1999)]
 - <...> при хрупком здоровье Мариночки ей трудно высиживать на службе каждый день от и до <...>. [С. Шуртаков. Возвратная любовь (1970)]
 - Да, описывать ежегодное собрание акционеров ИТТ, так сказать, «*от*» и «*до*» нет смысла. Я хочу рассказать лишь об одном небольшом эпизоде. [М. Стуруа. Будущее без будущего (1975)]

Применительно к чтению интервал задается двумя обложками или первой и последней страницами. В этом случае ближайшие аналоги – идиомы *от доски до доски, от корки до корки*.

- Жена на лавочке читает «Панораму» от и до, а Феликс слушает кассеты. [С. Довлатов. Иностраница (1985)]

2. Ограничения и ограниченность. Идиома может употребляться без глагола и даже приобретать свойства существительного. В этом случае предлоги иногда берутся в кавычки. Описываемая ситуация обычно оценивается отрицательно. Из других идиом этой группы ближе всего по смыслу идиома *от сих до сих*, которая обыгрывается в «Балладе о прибавочной стоимости» Александра Галича.

- Нас всех губит отсутствие дерзости и смелости в видении проблемы. Мы боимся позволить себе фантазировать. «*От*» и «*до*», и ни шагу в сторону. Вот наша главная ошибка. [Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны (1968)]
 - Господи, разве я не хотела, не пыталась полюбить его? Но он такой был... добропорядочный и мелкий, без изюминки и изъяна... весь *от и до*. [М. Веллер. Колечко (1983)]
 - Хоть бы раз эта коробочка преодолела свои «*от*» и «*до*», взлетела бы в небо или, на худой конец, провалилась бы в землю! [А. Инин. Осторожно — лифт! (1986)]

3. Полнота как знак качества. В этом типе употреблений явно выражена положительная оценка. Полнота (заполнения некоторого интервала) интерпретируется как тщательность, глубокое знание предмета, профессионализм или совершенство в чем-л. (даже в одежде). Наиболее близки по семантике «алфавитные» идиомы: *от альфы до омеги, от аза до ижицы, от а до я*.

- Среди нас нет ни одного контрабандиста, все проверены досконально, как говорят — «*от и до*». [В. Аблазов. Дневник (1979)]
 - Галочка, ты знаешь, оказывается здесь в Целинограде большую роль играет одежда. Если ты одета от и до тогда с тобой дружить будут, а если нет, тогда нет. [Письмо сестре (1981)]
 - <...> оставайся он прежним, ни за что так не поступил бы, службу знал от и до... [А. Бушков. Дверь в чужую осень (2015)]
 - Он знать хотел всё от и до, но не добрался он, не до... [В. Высоцкий. Прерванный полет (1973)]

- Кто осмелится сказать, что он нигде не задолжал, сделал все от и до?
[В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)]
В этом значении идиома часто используется в контексте глаголов *знать, выучить, проверить, разобраться*.

4. Интенсификатор. Если в контексте уже есть явно выраженная оценка, идиома часто используется как интенсификатор общего характера, усиливая, делая более категоричной эту оценку:

- Ну что тут скажешь – мне нравится Джон Крамер. *От и до*.
Персонаж совершенно роскошный, удивительный, претендующий на себе целую франшизу из семи фильмов. [Форум: Лучшие злодеи в кино Топ-25 (2013)]
- Андрей Вознесенский, наряду с Валерием Брюсовым, Томасом Манном <...>, относится к авторам, деятельность которых я не приемлю *от и до*, готов оспаривать их книги всегда и везде, считаю их деятельность опасной и вредной для жизни человека. [И. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)]

В основе внутренней формы единиц этой группы лежит идея исчисления всех сущностей, находящихся между двумя точками. Это могут быть предельные точки на какой-либо шкале (*от мала до велика*); точки, задающие отрезок времени (*от звонка до звонка, от зари до зари, от темна до темна*); части тела человека, которые осмысляются как самая верхняя и самая нижняя точки его тела (*от головы до пяток, от пяток до ушей*); части книги, которые осмысляются как ее начало и конец (*от корки до корки, от доски до доски*), и, наконец, первая и последняя буквы алфавита (*от а до я, от аза до ижицы, от альфы до омеги*).

Киселева Ксения Львовна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Козеренко Анастасия Дмитриевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

* * *

И.В. Козлова, С.В. Белянин, Е.Ф. Левочская (Москва)

День пионерии – праздник юности или политическое высказывание

В праздничном календаре современной России многие праздники, появившиеся в советское время, значатся и по сей день. Но, пожалуй, только Новый год и День победы безусловно признаются и празднуются большинством современных россиян. Какие-то советские праздники остаются официальными выходными (как 23 февраля, 8 марта, 1 мая), другие (как 7 ноября) утратили этот статус, но продолжают праздноваться в определенных кругах, например членами Коммунистической партии Российской Федерации проведением митингов или хотя бы съездов, или просто пожилыми людьми по привычке дома за столом. Но есть и праздники, которые никогда не были выходными днями, но тем не менее были важны для многих советских людей и для части из них они остались важны. Например, к таким праздникам относятся День рождения комсомола (29 октября) и День пионерии (19 мая).

Безусловно, празднование этих праздников большинству россиян сегодня покажутся маргинальной практикой, поскольку ни ВЛКСМ, ни пионерии, созданных в 1922 году, нет уже больше 30 лет, казалось бы, зачем праздновать дни рождения давно отживших свой век организаций? Однако будучи в экспедиции в Тотьме летом 2017 года мы узнали от жителей, что в мае на центральной площади города проводились мероприятия, посвященные Дню пионерии, в которых принимали участие люди, бывшие когда-то пионерами, а в качестве зрителей были приглашены школьники. Мы записали несколько интервью с участниками представлений и с

молодыми зрителями. Для школьников представление было в диковинку, а пожилые участники сказали, что празднуют день пионерии ежегодно, просто в предыдущие годы праздновали не так масштабно и не приглашали молодежь. В той же экспедиции мы съездили в деревню, где также встретили участниц мероприятия, и они также рассказали, что сами праздновали день пионерии ежегодно у себя в деревне, а на 95-летие ездили в город, где праздник проходил совсем по-другому.

Основными участниками праздника и там, и там оказались пенсионеры. Но сценарии праздников деревни и города довольно сильно различались: городской праздник был больше ориентирован на зрителя, в сельский – на самих участников. Занявшись практиками празднования Дня пионерии, мы узнали, что празднование этого праздника вовсе не уникально, он проводится в разных городах России (хотя и не во всех), но везде проводится по-разному. Например, в Санкт-Петербурге, и в некоторых других мегаполисах, главные его участники – это дети и молодежь. (Добавим, что похожую параллель мы наблюдали в случае празднования Дня комсомола в Санкт-Петербурге и Краснодаре – в первом случае около 90% участников уличного митинга были моложе 30 лет, а во втором – 90% было старше 60 лет).

Получается, что есть два сценария празднования Дня пионерии, и вероятно то же справедливо и для Дня комсомола: в одном случае это праздник для тех, кто находится в пионерском возрасте, и он направлен на то, чтобы дети от 10 лет и старше вступали в пионеры, предполагает, что при хорошем развитии потом в ЛКСМ и в конечном итоге в КПРФ. Второй сценарий – это празднование Дня пионерии людьми, давно вышедшими из «пионерского» возраста, для себя, он празднуется для того, чтобы участники могли вспомнить свою пионерскую юность, почувствовать себя снова молодыми и счастливыми. Между этими двумя полюсами встречаются какие-то промежуточные варианты, к которым, кажется, и принадлежит Тотьма, где на сцене выступают пенсионеры, но на площадь приглашаются «пионеры». Гипотетически мы предполагаем, что первый сценарий больше характерен для «центра», то есть для мегаполисов, а второй для «периферии», то есть для сельской местности, при этом в малых городах и областных центрах могут быть смешанные сценарии.

Козлова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС

Белянин Сергей Владимирович,
научный сотрудник
Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС

Левочская Елена Федоровна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ

* * *

И.Е. Колесова (Вологда)

Проблемы отождествления корней при создании «Словаря диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм»⁴⁷

При изучении периферии русского культурного пространства трудно переоценить роль диалектологического материала, ведь именно язык той или иной группы людей лучше всего отражает ее мировоззрение и культурные особенности. А на современном этапе изучения русской диалектологии весьма актуальной становится проблема использования современных информационных технологий, облегчающих работу с большими массивами данных и расширяющих возможности доступа к ранее собранным экспедиционным материалам. Наше исследование посвящено созданию электронного

⁴⁷ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00123 «Диалектный словарь строения слов: от электронной базы данных к словарю корневых гнезд и аффиксальных парадигм»).

«Словарь диалектных корневых гнёзд и аффиксальных парадигм» на основе разработанной и апробированной ранее электронной базы данных «Диалектного словаря строения слов», опирающейся в свою очередь на «Словарь вологодских говоров». В рамках исследования проводится лексикографическая верификация и экспедиционная проверка данных, а также подготовка многоаспектного лингвистического комментария диалектных корневых гнёзд и аффиксальных парадигм.

При создании электронной версии словаря, оснащенной разными видами поиска, возникла острая необходимость разработки принципов, позволяющих разграничить омонимичные корни и отождествить их формальные варианты.

Диапазон варьирования корневых морфем в диалектах гораздо шире, чем в литературном языке, в первую очередь благодаря устной форме бытования говоров. При многообразии вариантов лексемы трудно определить, где эти варианты связаны с вариативностью морфемы, а где объясняются произносительными особенностями информанта или погрешностями записи.

Можно сформулировать четыре основные проблемы, диалектного корневого варьирования (все примеры приводятся по данным «Словаря вологодских говоров»):

- выделение корня в рамках спорного аффиксально-корневого комплекса;

В ряде случаев перед нами оказывается аффиксально-корневой комплекс, который допускает несколько вариантов членения на морфемы, а соответственно и выделение разных корневых морфем. Сюда же следует отнести сложные случаи морфонологических изменений на стыке корня и суффикса. Например: корни *-ван-* и *-вапл-* и многие им подобные. С одной стороны *-л-* участвует в словообразовании, а значит, это суффикс, но с другой стороны *-н-* и *-пл-* это морфонологическое изменение одной праславянской фонемы, а значит *-вапл-* следует признать морфонологическим вариантом корня *-ван-*. В подобных случаях следует учитывать множество факторов и решение этой проблемы упирается в неразработанность диалектной морфонологии.

- определение статуса детерминативов;

Например: *вица* ‘гибкий прут’, *вичка* ‘гибкий прут’. Этимологически оба слова родственны глаголу *вить*, но следует ли нам признать детерминативы частью корня? Или в этих словах следует выделять корень *-ви-*, считая *-ц-* и *-ч-* суффиксами?

Чаще всего критерием разграничения считают сохранность семантической связи с исторически производящим словом, но этот критерий достаточно субъективен. Также возникает вопрос, что делать со словами, которые сохраняют семантическую связь с глаголом, но имеют корень, не функционирующий в говорах без детерминатива, например, корень *-лё-* (в) в *полёва* ‘сильный дождь’ и *лёв* ‘сильное кровотечение’. Можно отнести такие случаи к слабым морфемно связанным корням, но остается проблема их маркировки в словаре.

- определение статуса корней: синонимы или варианты;

В вологодских диалектах возникают фонетические варианты, принципиально невозможные в литературном языке, а перед исследователем встает вопрос: считать ли эти слова именно вариантами, входящими в одно корневое гнездо, или описывать несколько корневых гнезд с совпадающей семантикой, например, в следующих случаях: а) оглушение согласных в сильной позиции: *падог/0, бадог/0;* б) вариативность гласных в корнях: *менд/a, мянд/a;* в) вариативность сочетаний согласных и гласных: *олии/няк, олоши/няк, олеши/ник, ольши/анник, ольх/овник, олюши/няк, лонши/няк.*

- широкая семантическая вариативность формально тождественных корней.

Наличие в вологодских говорах целого ряда формально тождественных корней, имеющих широкую и частично пересекающуюся семантическую вариативность, затрудняет разделение омонимии и полисемии, а также отнесение ряда морфем к тому или иному корневому гнезду.

Выводы. Вышеизложенные наблюдения наглядно демонстрируют ограниченность применения компьютерных технологий при построении электронной версии «Словаря строения слов» и необходимость прибегнуть к проверке в полевых условиях, а также

обратиться к данным других говоров и этимологии слов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной.
– Вологда: ВГПИ; ВГПУ, 1983–2007. – Вып. 1–12.

Колесова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук,
БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека»,
ученый секретарь

* * *

T.B. Корбачёва (Минск, Беларусь)

Семантика наименований компонентов суточного цикла в русском языке: диахронический аспект

В современной лингвистике сформировалась концепция языкового знака как антропологического феномена, находящегося в неразрывной связи с различными аспектами человеческой жизни. Результат познавательной деятельности, то есть знания, формируемые у человека в процессе взаимодействия с окружающим миром, есть то мыслительное содержание, которое находит свое выражение в значениях лексических единиц. Ключевым аспектом взаимодействия семантики и концептуального мира человека является неразрывная связь и постоянное взаимодействие знаний, которые заключены в языковых единицах, и знаний о постоянно изменяющемся мире, что находит отражение в когнитивных структурах, формирующихся в результате восприятия окружающей действительности. «Установить характер этого взаимодействия, селективность и тип информации, заключенные в языке, ее стабильность и/или динамичность – одна из наиболее значимых задач современной лингвистики» [Харитончик 2015, с. 187]. Предлагаемая работа выполнена в русле указанной проблематики.

В докладе будут представлены результаты сопоставительного анализа семантики лексических единиц, репрезентирующих суточный цикл в русском языке (*утро, день, вечер, ночь*). Источниками материала для изучения стали Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, опирающийся на народную речь первой половины и середины XIX века, Толковый словарь Д. Н. Ушакова, где были отражены социальные перемены, заметно повлиявшие на русский язык в первые два десятилетия XX века. Как справочник по современному русскому языку применялся Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова. В эмпирическую базу вошли также материалы фразеологических словарей, взятые из национального корпуса русского языка примеры речевого употребления циклических имен в различные исторические периоды. Данные дополняются результатами прямого лингвистического интервьюирования.

В докладе будут представлены виды преобразований семантических характеристик названий периодов суточного цикла.

Литература

Харитончик З. А. Семантика и прагматика лексических единиц в зеркале деривационных процессов // В поисках сущностей имен. Избранное : сб. науч. ст. - Минск, 2015. - С. 185-198.

Корбачёва Татьяна Валерьевна
Старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики испанского языка, Минский государственный
лингвистический университет

* * *

3.А. Корнилов (Нижний Новгород)

Дивеевский текст: от церковной окраины к сакральному центру

Письменная и устная традиция Дивеевского монастыря складывается в XIX в. на периферии церковной среды — в одной из многочисленных женских общин Нижегородской епархии. Авторы этой традиции — носители маргинального статуса по преимуществу: неграмотные крестьянские женщины, монахи, находящиеся в конфликте со своим монастырем и идущие против церковных обычаяев; «служка» святого Серафима Н. Мотовилов, принимаемый современниками за «тихого помешанного», и т. д. — вплоть до маргинальной группы «церковных людей» (А. Тарабукина), современных хранителей устного предания о Дивееве.

Формирующаяся в таких условиях текстуальная традиция существует вне соприкосновения с актуальным литературным процессом. Ее следует рассматривать как «остаточное явление» (Д. Лихачев) русской средневековой «словесности» — в этих дискурсивных рамках может быть выявлена эстетическая специфика возникающего в дивеевских преданиях образа мира.

Значительная нарративная и смысловая однородность позволяет описать дивеевскую литературную традицию как локальный сверхтекст, занимающий доминантное положение в дивеевской семиосфере (как совокупности всех, в т. ч. несловесных, текстов, связанных с пространством монастыря, включая, например, непосредственно зависящий от письменного предания архитектурный ансамбль обители). Нормативным ядром дивеевского текста и семиосферы — их «самоописанием» (Ю. Лотман) — стал труд митрополита Серафима (Чичагова) «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», в котором дан упорядоченный «свод» наиболее значимых дивеевских произведений, в т. ч. устных рассказов стариц о Серафиме Саровском, записок Н. Мотовилова, жития Серафима Саровского, его наставлений, житий дивеевских сестер и блаженных и некоторых др.

Главенствующую роль в порождении дивеевского текста играет библейская «литературная модель» (Р. Пиккио), что отражается как в композиционном построении «Летописи» по принципу «открытой книги», так и в последовательном задействовании библейских аллюзий на всех тематико-сюжетных уровнях текста.

Примером высокой степени изоморфизма дивеевского текста и библейского нарратива является житие Серафима Саровского: образ святого отклоняется от абстрактного *imitatio Christi* в пользу воспроизведения-«разыгрывания» евангельских событий: Серафим претерпевает крестные муки (избиение разбойниками), основывает после долгого затвора Мельничную общину из 12 сестер, подвергается гонениям со стороны своей братии, преображается перед учениками и сестрами, предсказывает предательство одной из сестер, предупреждает о явлении лжеученика, наконец пророчествует о своей смерти и воскресении (замечательно, насколько большую роль в дивеевском тексте играет пророчество, жанр, относительно редкий для агиографии). Бросается в глаза и общий параллелизм «Летописи» и Священной истории: дивеевский метасюжет разворачивается от легендарного «творения» (учреждения Богоматерью четвертого удела) через «новый завет» (основание Мельничной общины) — к «апокалипсису» (дивеевской «смуте»: периоду борьбы дивеевских сестер с «антихристом» — монахом Иоасафом).

Причиной такой близости к библейскому образцу, сообщающей исключительный масштаб дивеевскому миру и мифу, предположительно является разложение агиографической эстетики: главный голос в «Летописи» принадлежит не цензурирующему канону, возводящему частное к общему, а живому преданию с характерным для него свободным мифотворчеством. Свою лепту внесла и

расположенность монастыря в провинции — пространстве, относительно свободном от регулятивной деятельности властных инстанций.

Корнилов Захар Алексеевич, аспирант первого курса, кафедра русской литературы Института филологии и журналистики ННГУ им. Лобачевского

* * *

А.В. Коротаев (Санкт-Петербург)

Записная книжка П.Т. Безумова как биографический документ и свидетельство эпохи

В фондах Музейного объединения Ненецкого автономного округа (г. Нарьян-Мар) хранится интересный документ личного характера — записная книжка Петра Тимофеевича Безумова⁴⁸.

Пётр Тимофеевич родился 9 января 1891 г. в с. Великовисочное Пустозерской волости Печорского уезда Архангельской губернии. Это обширная территория - окраина Российской империи, примыкающая к побережью Баренцева моря. В 1912 г. - призван в армию⁴⁹, в 198 пехотный полк. После начала Первой мировой войны принимал участие в боях в Восточной Пруссии; в сентябре 1914 г. попал в немецкий плен.

В 1918 г. Пётр Тимофеевич вернулся в Россию, вступил добровольцем в РККА и начал службу на военно-транспортном пункте в г. Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар). Известно, что он участвовал в Гражданской войне⁵⁰, кампании против Польши в 1920 г. На польском фронте вновь попал в плен и был интернирован в Германию. В июле 1921 г. во второй раз вернулся из Германии в Россию. С 1922 г. работал на различных должностях (продавец, член правления кооператива, председатель сельсовета и др.) в Пустозерской волости. Скончался в 1966 г.

Собственно, записная книжка представляет собой блокнот размером 14,7 x 9,2 x 0,7 см, объёмом 60 листов. Разлинованная бумага со временем приобрела тёмно-бежевый оттенок. Почерк некрупный; записи выполнены чёрными, красными чернилами, карандашом. На внутренней стороне обложек — данные о владельце.

Точная дата начала и окончания ведения записей не установлена, но судя по имеющимся датам и косвенным данным это осень – зима 1914 г. – осень 1922 г. (?). Все записи можно разделить на две части. Это деление условное, так как чёткой границы между ними нет, абсолютное большинство пометок не датированы, в ряде случаев разновременные записи встречаются и на одной странице. Первая из них относится к военному времени и содержит русско-немецкий словарь, записи по грамматике немецкого языка (л. 1 – 30 об.; 37 - 49), небольшой русско-французский словарь (л. 31 – 34 об.). Иностранные слова в словарях транслитерированы кириллицей, но с л. 13 об. слова немецкого языка дублируются латиницей – наглядное свидетельство прогресса в изучении языка. Словарный порядок слов первоначально не соблюден и вводится автором с л. 13 об. – первое слово на «А» - «аппетит». В конце (л. 53 об. – 60) не структурированные пометки: имена и адреса сослуживцев, записи личного характера, о службе, документах, тексты песен («Интернационал», «Похоронный марш» («Мы (так в документе) жертвою пали...») и др.

Вторая часть содержит датированные летом – осенью 1922 г. пометки хозяйственного характера (л. 45 об. - 47, 50 об. – 52), например, скрупулёзные описания посадок картофеля с указанием их площади, веса, качества и даже источника

⁴⁸ МО НАО КП ОФ № 451 / 5.

⁴⁹ ГААО. Ф. 1599. Оп. 1. Д. 323. Л. 55 в об.

⁵⁰ ГА НАО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 19. Л. 129.

происхождения высаженного картофеля (июнь 1922 г.; л. 50 об. – 52). Отметим, что Пётр Тимофеевич был одним из первых крестьян Нижнепечорья, кто стал выращивать в домашнем хозяйстве картофель. Можно, предположить, что на это повлияло его нахождение в плену, где часть русских военнопленных была задействована на работах в сельском хозяйстве, в том числе фермерском и где он мог получить новый опыт и знания.

Записная книжка, хотя и не содержит записей, касающихся осмыслиения её автором происходивших событий, является весьма информативным источником и личным документом, в некоторой степени, характеризующим своего владельца как человека грамотного, способного к изучению нового и даже агронома-исследователя.

Алексей Васильевич Коротаев,
ООО «Строй-Эксперт» (г. Санкт-Петербург); начальник отдела археологии

* * *

К.П. Костомарова (Москва)

Хорошо ли быть хорошим? Языковые метаморфозы советской морали

Наиболее яркие черты советского языка – аббревиатуры, новояз и риторика лозунга. Именно им обычно уделяется внимание в работах, посвященных советскому лексикону, см. хотя бы (Mazon, 1920; Карцевский, 1923; Винокур, 1925; Селищев, 1928; Ожегов, 1974; Земцов, 1985; Мокиенко, Никитина, 1998; Гюнтер, 2000; Добренко, 2000; Вайс, 2007), этими же элементами представление о советском языке — стилистически разнородном, бриколажно сочетающем черты старого и нового — зачастую и ограничивается.

В этом докладе, напротив, рассматривается история изменения одного маргинального слова, которое не было порождением нового времени и не стало в советскую эпоху маркированным «советизмом», а именно – прилагательного *хороший*. При помощи партийных документов, агитационных лозунгов, писем во власть и литературных текстов 1920–1930-х годов в докладе будет показано, как слово *хороший* превращается в универсальный маркер, отражающий соответствие новым общественным и политическим стандартам.

В период НЭПа это прилагательное перемещается с языковой и понятийной периферии в центр⁵¹ и становится ключевыми социалистическими понятием.⁵² Прилагательное *хороший* и наречие *хорошо* превращаются в общий оптимистический штамп – характеристику общества и всей жизни, которая сводится к положительному, вдохновляющему опыту построения «правильного» социалистического мира: *Такую бы жизнь — Ленину, / Хорошую, / Как у нас! (И. Уткин. 1924-1925); На смывах / октябрябрьского вала / нам жизнь / хорошую / строить дано* (В. Маяковский. 1928).

Вместе с переоценкой окружающего мира, новые советские реалии требовали и новой субъективации, изменений в представлении о *хорошем человеке*, живущем в *хорошой стране*, которым обязательно станет *каждый хороший мальчик и хорошая*

⁵¹ Говоря о центре и периферии раннесоветского языка, нужно помнить о его более сложном, нелинейном устройстве. Как отмечает Ю. К. Щеглов, для 1920-х годов характерна своеобразная лоскутность узуса, «стилистическая разноголосица» в рамках которой возможно сосуществование старых и новых языковых единиц и стереотипов (Щеглов 2009, с. 21).

⁵² Важно уточнить, что новый советский оптимизм был искусственно декларируемой эмоцией, а не естественной реакцией на изменения мира и жизни, ср. воспоминания Е. Петрова: «Вместо морали — ирония. Она помогла нам преодолеть эту послереволюционную пустоту, когда неизвестно было, что хорошо и что плохо» (Петров 2001, с. 62). В начале XX в. прилагательное *хороший* встречается в самых разных типах текстов, чаще всего характеризуя при этом людей и нематериальные объекты. В модернистских и авангардных текстах начала XX в. прилагательное *хороший* фиксируется сравнительно редко.

девочка. Традиционного набора качеств *хорошего человека* (добродетельный, сострадающий, стремящийся к доброму) для новой жизни оказалось недостаточно, поэтому *хороший человек* постепенно уступает место идеалу *настоящего человека*. Особый интерес представляет противопоставление *хорошего человека* и *хорошего коммуниста*. Если первый остается носителем традиционных моральных качеств (доброты, честности, порядочности), то второй обретает новое содержание, связанное с идеологической лояльностью, дисциплиной и преданностью партии.

В докладе будет показано, как язык становится инструментом «перековки» не только людей, но и представлений о нормах и ценностях. Это отражается в текстах различной направленности — от лозунгов и официальных документов до детской литературы, где через упрощенные схемы *хорошего* и *плохого* воспитывается новое поколение советских граждан.

Литература

1. *Вайс Д.* Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 34–60.
2. *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1925.
3. *Гюнтер Х.* Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 41–48.
4. *Добренко Е.* Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 31–40.
5. *Земцов И.Г.* Советский политический язык. Лондон, 1985.
6. *Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин, 1923.
7. *Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии, СПб., 1988.
8. *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 20–36.
9. *Петров Е.* Мой друг Ильф: Сост. и comment. А. И. Ильф. М., 2001.
10. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
11. *Щеглов Ю.К.* Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.
12. *Mazon A.* Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–18), Paris, 1920.

Костомарова Ксения Павловна
младший научный сотрудник сектора теоретической семантики ИРЯ РАН

* * *

O.E. Кошелева (Москва)

Расспросные речи беглых крестьян как эго-документы XVIII в.

Часто встречается утверждение, что о крестьянах прошлого ничего не известно, поскольку они слабо связаны с письменной культурой и оставляли по себе мало свидетельств, а их образ жизни представляется замкнутым и однообразным, иначе говоря — малоинтересным. Это совершенно ошибочное утверждение! В архивах содержатся тысячи рассказов, записанных со слов беглых крестьян, которые производились властями при их поимке. Но они до сих пор не привлекали к себе внимания исследователей как эго-документы.

В настоящем докладе я опираюсь на материалы XVIII в. провинциальных судов и канцелярии городов Пощеконье, Сузdalь, Гороховец, Шацк, Белгород. Углич и др., находящиеся в фондах местных учреждений РГАДА. Около 45% этих дел относятся к расспросам беглых крестьян и дворовых людей (и мужчин, и женщин). Вопрос состоит в возможностях и вариантах использования этой огромной информации, ведь по таким документам с трудом удается проследить истинное поведение людей прошлого, поскольку в зеркале судебного делопроизводства реальность претерпевала существенные искажения. Чтобы их минимизировать, необходимо учитывать весь комплекс факторов, связанных с судебными процессами, и то, что допрашиваемые говорили не то, что хотели бы сказать, а то, что нужно было говорить в данной ситуации.

Тем не менее, мой немалый опыт знакомства с текстами расспросов беглых крестьян говорит о широких возможностях использовать их в качестве эго-документов. Хотя тексты обычно содержат только историю жизни крестьянина в бегах, встречаются случаи, когда рассказ оказывается длинною в жизнь. Например, крестьянин Макаров показал, что ему 71 год, а в бегах он оказался со всей семьей еще в малолетстве. Место жительства он менял 10 раз и дал более-менее целостный рассказ о своем прошлом (РГАДА. Ф. 939. Д. 47). Иногда в канцелярию доставляли несколько родственников, бежавших вместе. В этом случае появлялись истории, пригодные для сравнения друг с другом.

Недостаток расспросных речей также и в том, что они следуют судебному формуляру, в который входили только те вопросы, которые интересовали власти. Иначе говоря, в большинстве случаев они представляют собой «принудительные автобиографии».

Начало расспросных речей всегда содержит имя, возраст, название родной деревни, имя владельца, а также год и обстоятельства побега. После уточнения личности крестьянина, его в канцелярии спрашивали: «От помещика своего каким ты отбывательством отбыл, и в котором году, и куда пришел, и у кого жил?» Ответ на него оказывается наиболее информативным из всех прочих, поскольку сам характер вопроса предполагает обстоятельный рассказ. Он, как правило, не изобилует деталями и подробностями, но в ряде случаев запись оказывается достаточно насыщенной событиями.

При всей формализации записей крестьянских показаний в суде, мы не найдем двух одинаковых историй, двух похожих дел. Их чтение одно за другим не кажется утомительным, напротив – оно увлекательно, ибо в каждом случае разворачивается своя интрига. Женские истории отличны от мужских, семейные отличны от историй «одиноких бегунов» и т.д. Сюжет любого из рассказов беглых крестьян связан с драматической и экстраординарной частью их жизни. Беглым приходилось вступать в очень сложные отношения с окружающим миром, ибо они оказывались на нелегальном положении. Драматичным моментом всегда являлась поимка беглого. Случались самые невероятные истории.

Рассмотрению допросов беглых как интереснейших автобиографических свидетельств иногда препятствуют сомнения в правдивости их рассказов: реальные события они старались скрыть или исказить, хотя каждый подписывался в том, что он сказал «сущую правду». Однако выдуманные истории жизни мне представляются особенно интересными потому, что представить судьям правдоподобный рассказ о ней оказалось далеко не просто: нужны были знание жизни, воображение и даже талант. Рассказ не должен был иметь подозрительных временных лакун, допрашиваемый по срокам перечислял, где, у кого и сколько времени он жил, зачастую сочиняя все это.

Так или иначе, это возможно и необходимо – постараться расслышать крестьянские голоса из их расспросных речей.

Кошелева Ольга Евгеньевна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

* * *

А.Г. Кравецкий (Москва)

Пляска семи цензоров: к истории цензурных запретов в России начала XX века

1. В докладе пойдет речь о четырех культурно-значимых проектах, которые были запрещены как оскорбляющие религиозные чувства. По мере того как в российском законодательстве постепенно смягчались наказания за преступления против Православной Церкви, возникали новые механизмы защиты традиционных представлений. Для запретов были необходимы хотя бы какие-то формальные критерии. В частности, не допускалась демонстрация на театральной сцене и киноэкране священных изображений (икон, крестов и т.д.). Актеры не могли играть Христа, Богородицу и канонизированных святых. Именно на этом основании были запрещены те проекты, о которых пойдет речь в докладе. Работа

основана на архивных делах, хранящихся среди материалов Синода и Министерства императорского двора.

2. В культуре Серебряного века О. Уайлд занимал весьма значимое место. В 1904-1917 г. В России вышло не менее 10 изданий его «Саломеи». Режиссеры видели в этой пьесе идеальный литературный материал, дающий широкое поле для сценических экспериментов. В 1907 г. В.И. Немирович-Данченко обратился в Главное управление по делам печати с просьбой о разрешении поставить в Художественном театре мистерию Байрона «Каин» и драму Уайльда «Саломея». Это письмо было составлено весьма дипломатично. Немирович-Данченко подчеркивает, что его театр дистанцируется от политики и постановка «Каина» и «Саломеи» нужны театру исключительно для решения художественных задач. Синод запретил обе постановки поскольку они дают «неверные представления о лицах и событиях священной истории» и «могут произвести немалый соблазн среди верующих».

3. Чтобы обойти цензурные запреты, стали создаваться переделки «Саломеи» («Царевна», «Пляска царевны» и «Пляска семи покрывал», «Грезы старого Нила»), в которых текст оставался почти нетронутым, но действие переносилось в другое место, а имена библейских персонажей менялись на нейтральные. В 1908 г. постановку «Царевны» готовил театр Комиссаржевской. Однако в день премьеры П.А. Столыпин запретил постановку. Запрет имел огромный общественный резонанс. Комиссаржевская обратилась в Синод с просьбой разрешить спектакль, соглашаясь на любые переделки. «Царевна» была дана на отзыв епископу Иннокентию (Беляеву), который в своем отзыве выразил надежду, что Синод «встанет на защиту христианских верований русского народа и не позволит священные евангельские события ... делать предметом театральных зрелиц».

4. В том же 1908 г. готовилась благотворительная постановка другой переделки, которая называлась «Пляска царевны». Инициатором этой постановки была Ида Рубинштейн, а в качестве режиссера выступал В.Мейерхольд. Постановке, которая должна была состояться на сцене Михайловского театра, покровительствовал великий князь Сергей Михайлович. Императорские театры не подчинялись Министерству внутренних дел, поэтому имелась возможность обойти запрет Столыпина. В докладе будет продемонстрирована переписка, в результате которой эта постановка все-таки была запрещена. Любопытно, что в переписке Министерства императорского двора, которому подчинялся Михайловский театр, сильны антисемитские мотивы, в то время как в документах Синода эта тема отсутствует.

5. Последний из интересующих нас проектов связан с кино. В 1914 г. А.А. Ханжонков обратился в Синод с просьбой разрешить съемку серии документальных фильмов, посвященных русскому православию. Предполагалось снимать не только наиболее значимые храмы, монастыри и центры паломничества, но и достопримечательности провинциальных епархий. Для того чтобы выяснить, где именно целесообразно проводить съемки, была составлена специальная анкета, которую предполагалось рассыпать архиереям. Синод запретил этот проект, поскольку в таких фильмах на экране неизбежно окажутся кресты и иконы.

6. Историческая память сохраняет историю запретов культурных проектов благодаря мемуарам их участников. Ведомственная переписка синодальных и придворных чиновников позволяет услышать голоса другой стороны, что делает картину более объемной.

Кравецкий Александр Геннадьевич,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

* * *

Т.Ю. Кравченко (Москва)

Воспоминания Н.А. Северцовой и роман Л.М. Леонова «Русский лес»

Для решения вопроса о прототипах тех или иных литературных персонажей неизбежно приходится обращаться к эго-документам: воспоминаниям, переписке и дневникам. Поскольку такого рода источники – личные суждения и всегда носят оценочный характер, невозможно полагаться на них с абсолютной уверенностью. Однако в дневниковых записях или в воспоминаниях, которые автор не предполагал публиковать, можно почерпнуть немало интересных сведений, предоставляющих широкий простор для гипотез и правдоподобных предположений.

Воспоминания художницы Натальи Алексеевны Северцевой – уникальный эго-документ, содержащий сведения о жизни творческой интеллигенции Москвы и Петрограда 1910-начала 1920-х годов. Его автор – дочь Алексея Николаевича Северцова, известного биолога, основоположника эволюционной морфологии животных, и жена Александра Георгиевича Габричевского, историка искусств и литературоведа, пользовавшегося большим авторитетом в кругу научной и творческой интеллигенции. И события, и люди (а среди друзей дома Габричевских были известные литературоведы, музыканты, философы, переводчики, писатели) в воспоминаниях Н.А. Северцевой часто раскрываются с неожиданной стороны, острый и насмешливый взгляд художницы подмечает то, что обычно скрыто от стороннего наблюдателя. Поскольку это воспоминания «для себя и семьи», автор не считает нужным быть политкорректной, и ее оценки тех, чьи имена сейчас вошли в учебники, не всегда совпадают с общепринятыми взглядами.

Одним из персонажей воспоминаний стал Леонид Леонов. Отношения Леонова и Габричевского в биографиях Леонова обычно никак не рассматриваются, поскольку это было отнюдь не близкое знакомство. Тем не менее, некоторые эпизоды воспоминаний Н.А. Северцовой позволяют предположить, что для Леонова оно носило знаковый характер. Леонов и Габричевский познакомились в Коктебеле в 1922 году, когда оба гостили у Максимилиана Волошина, потом было еще несколько встреч. Основываясь на воспоминаниях Северцовой, а также на некоторых фактах из жизни семьи Габричевских (о которых Леонов был осведомлен), можно предположить, что Леонов, создавая образ Александра Грацианского в романе «Русский лес», имел в виду отчасти и А.Г. Габричевского. Сейчас считается, что прототипом Грацианского был П.И. Лебедев-Полянский, но персонаж романа – образ собирательный, и А.Г. Габричевский вполне мог стать одним из его «компонентов».

Кравченко Татьяна Юрьевна,
научный сотрудник отд. истории славянских литератур
Института славяноведения РАН

* * *

И.П. Кулакова (Москва)

«Ты слушаешь ли, царь?»: хозяйка тетради в коленкоровом переплете и ее тексты 1850-х – 1890-х годов

Эта тетрадь была куплена мной в С.-Петербурге в букинистическом магазине на пересечении Невского и Лиговского лет восемь назад. Тетрадь достаточно толстая, как небольшая книга формата 4° (есть следы имевшегося замка). Нелинованная желтоватая плотная бумага, плотные же записи, датировка которых укладывается в интервал 1855 – 1890-х: в основном это переписанные стихи, реже прозаические отрывки; последняя часть тетради заполнена фрагментарными разнохарактерными записями. Собственно здесь мы

имеем тип сборника сложного неустойчивого состава, наследующего старые, еще древнерусские традиции, как, впрочем, и традиции альбомной культуры XVIII – 1 пол. XIX в. Появление самого жанра печатных сборников было подготовлено многовековой отечественной традицией составления сборников рукописных. В культуре чтения вплоть до XX в. рукописные сборники занимали значительное место: читающие люди переписывали как тексты из других подобных «заветных тетрадей» и рукописных «песенников», так и тексты из доступных печатных книг, альманахов и журналов. В древности репертуар сборника, переписываемого от руки, подчинялся по большей части традиции, состав же сборников XVIII – XIX вв. определялся скорее «естественным отбором», личными интересами составителя⁵³. Если мы обратимся к текстам нашей «тетради», то увидим, что главная характеристика основного объема текстов – «вольнолюбие». Формирование социально ориентированного слоя русского читателя началось условно с конца XVIII в., а благодаря толстым журналам 1830-х развернулась публикация общественно значимых текстов. Но «потаенная» литература, тетради запрещенных текстов – стихов и прозы (один из подвидов рассматриваемого вида сборников) – ходили из рук в руки, компенсируя жажду свободолюбия и критизма⁵⁴. «Никогда столько не писали и прозы и стихов, вне цензуры, как в десятилетие после 1815 и после 1854 года», – замечал Н.П. Огарев. Наша тетрадь – один из подобных сборников, включивший сначала тексты 1850-х годов (переписанных сначала неуверенным подростковым почерком) и продолжавшийся в отрывочных записях до 1890-х гг. Он принадлежал предположительно петербурженке – девушке, затем молодой женщине. Такой вывод можно сделать на основании присутствия среди переписанных стихов «программных» женских текстов Е.Ростопчиной и посвященных Н.Долгорукой и др. Подтверждает эту гипотезу и карандашный рисунок (девочка с козочкой), и он вряд ли принадлежал мужчине, с датой чернилами – 21 октября 1855 г., которая и позволяет предположительно датировать начало записей. Исследуя «пласты» текстов сборника, можно реконструировать процесс внесения их в рукопись: отбор может выступать как индикатор меняющегося «настроения» пишущей: начиная с сочинения «Релеева. Вайнаровский», стихов Вольтера, защитника свободы и пролетариата Ламартина, «Из Шене» Пушкина, и далее – «Насильный брак» без авторства (но мы знаем, что это стихотворение Е.Ростопчиной 1846 г.) и ее же «Жена». Далее – Языков, Пушкин, Лермонтов («Демон»), опять Рылеев, Павлов («Есть звезда в небесах»), Аксаков (отрывки из «Бродяги»), поэма И.И. Козлова «Наталья Долгорукая» (1828), М.Деларю и т. п. На нескольких листах находим тщательно зачеркнутые около 1,5 стр. французского текста. После перерыва в заполнении листов тетради появляются уже не стихи, а выписки совершенно иного характера (почерк небрежный, более взрослый, устоявшийся).

Содержание записей указывает на появление новых интересов пишущей, соответствующих, впрочем, общекультурным ориентирам читаельской публики 1880-х – 1890-х в целом: интерес к восточной философии, естественно-научной проблематике, астрономическим явлениям («Огненные шары, не сопровождающиеся падением камней, называются болидами...»). Ряд записей представляет собой что-то вроде конспекта: «Слушать есть пассивное состояние ума, – читать – активное»; «В воздухе, которым мы дышим, в воде, которую мы пьем, в земле, по которой мы ступаем, везде открывается жизнь...» и т. п. Отражается в записях внимание к трудам Спенсера (идеи эволюционизма, оказавшие большое влияние на интеллектуальную атмосферу 1870-х – 1890-х);

⁵³ Среди ранних находят и т. н. «шалберные тетради»: шалберить (-берничать) – шалобродить, баклужничать, повесничать, шляться, шатаясь без дела, дурить (Толковый словарь В.Даля); наполненные смеховыми текстами (Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси Л: Наука, 1984. - 295 с. URL: https://philologos.narod.ru/smeh/smeh_main.htm).

⁵⁴ Ср.: «К стихам приобрел я некоторый навык, переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами, именно: «Опасного соседа», «Критику на Московский бульвар», «на Пресненские пруды» и т.п.» (Пушкин А.С. История села Горюхина, написанная во время «болдинской осени» 1830 г.).

приводится перечень душевных болезней (актуальная тема для 1870-х). - Не исключено, что эти «конспекты» - следствие посещения девушки открывающихся в Петербурге с 1878 г. Бестужевских женских курсов. «Женское», впрочем, опять прорывается, но уже в виде специфического текста: «Таинство Любви» (К.М. Фофанов, 1885). Однако «вольнолюбивые» тексты продолжают оставаться излюбленными и в этой части тетради.

– Теперь это «Послание к Чаадаеву» Пушкина, «На смерть Пушкина» Лермонтова, а также текст «революционной» песни «Ночь темна лови минуты» на слова Н.Огарева. Завершают последний раздел тексты, относящиеся к разным времененным пластам, но объединенные критической позицией по отношению к власти: не только Рылеев и Пушкин, но и «Русскому народу» П.Л. Лаврова и его же «Проснись, мой край родной». Наконец, в тетрадь переписан прозаический анонимный текст - «Восточный вопрос с русской точки зрения» (принадлежащая Б.Н. Чичерину статья, ходившая в то время «по рукам», как сам автор отмечал в мемуарах). Завершают тетрадь стихи, известные под названием «Всероссийское эхо после объезда министров» и обличавшие проведение контрреформ 1889 - 1892 гг. Итак, можно констатировать стойкую антиправительственную направленность большинства переписываемых текстов при том, что повзросление принесло интерес к информации другого рода. Т.о., данный сборник – это документ, отражающий становление конкретной личности в специфических условиях радикализации слоя молодых столичных интеллектуалов. А жанр «заветных тетрадей» можно рассматривать и как способ собирания и хранения актуальных для конкретного времени текстов, и как путь самовыражения нововременного человека.

Кулакова Ирина Павловна, доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ

* * *

H.A. Курзина (Санкт-Петербург)

Автобиография и родословная Маргариты Ивановны Доможировой: «Хранить вечно лет»

Доклад будет посвящен документу, полученному нами в 2018 году во время экспедиции в д. Совполье Мезенского района Архангельской области от Маргариты Ивановны Доможировой (1938 – 2024 г.). Это родословная, составленная и записанная нашей информанткой, на первой странице которой можно найти пояснение: «Родословную написала со слов и рассказов родных и знакомых, и что запомнила из своей жизни». Время написания февраль – март 2011 года, объем – 60 листов А4, также в папке хранятся статьи Маргариты Ивановны для мезенской газеты «Север» - о своих детских воспоминаниях, о переезде в г. Мезень, отдельно хочется отметить статью, которая называлась «Я из пострадавших», где Маргарита Ивановна рассказала о сложной судьбе своих родителей в годы репрессий и раскулачивания. Маргарита Ивановна вставляет в документ с родословной собственные воспоминания и сведения о себе и своей жизни, вплетая свою биографию в историю рода. На титульном листе папки, в которой хранится документ, наша информантка написала: «Хранить вечно лет».

Маргарита Ивановна родилась в Совполье в 1938 г., работала секретарем сельсовета, потом была бухгалтером в колхозе. В 1962 г. вышла замуж за Юрия Доможирова. В 80-е годы семья переехала в город Мезень, но каждое лето Маргарита Ивановна приезжала в Совполье, в дом своей матери.

В экспедициях 2018 и 2019 гг. Маргарита Ивановна стала нашей постоянной собеседницей. Как от активной исполнительницы мезенского хора, а также участницы всех мероприятий совпольского дома культуры, мы записали от нее более пятидесяти

песен, частушки, колыбельные, описания свадебного, родильного и похоронного обрядов и невероятно ценные нарративы о жизни деревни в 1950–1980-е гг.

Отдельного внимания заслуживал подробный архив с описанием биографии матери и отца, сведениями и документами о родной деревне, её жителях и домах. Рассказывая историю своей семьи, Маргарита Ивановна любит загадывать следующую загадку: «У папы первая дочка, а у моей мамы первый сын. У папы три дочки, у мамы три сына да я — так сколько нас детей?» Отец Маргариты Ивановны овдовел и остался один с тремя дочками (первая жена умерла при родах). Мать Маргариты Ивановны, Ксения, дочь владельца кожевенной мастерской в деревне Кимжа, первый раз выходит замуж в 17 лет. Но уже в 19 лет она овдовела. Шесть лет она прожила у первых свекров, после чего ее дедушка Осип (отец Ксении), «пожалел» дочь, так как она в чужих людях работницей живет, и выдал замуж второй раз. В деревню Совполье уже была выдана замуж сестра матери Ксении, Мария, поэтому она посчитала, что лучше выйти замуж туда, где есть родственники, и согласилась. В декабре 1929 г. Иван и Ксения поженились, Иван привез Ксению в Совполье. Прожили они до ноября 1937 г. У них родилось три сына — Николай (1931 г. р.), Аркадий (1933 г. р.), Геннадий (1935 г. р.) и Маргарита Ивановна (1938 г. р.). Но Иван так и не увидел младшую дочь, в ноябре 1937 г. ночью его «приходят и забирают». Ксения осталась с шестью детьми, беременная и в статусе «семьи врага народа». Семья сестры Ксении, Марии, к тому времени уже уехала из Совполья. Сложно представить, как Ксения выжила одна с семью детьми в то время, но прожила она 73 года.

Кажется, самым красноречивым показателем глубины этой семейной трагедии будет то, что в родословной Маргарита Ивановна на первую страницу поместила справку о реабилитации отца. Этот документ оказывается важен, с одной стороны, как подтверждающий ошибочность и несостоительность обвинений, которые, по сути, сломали судьбу человека. С другой — реабилитируют мать М.И., которой было невероятно трудно воспитать детей одной. С третьей — хотя бы немного облегчает тяжелые воспоминания о детстве Маргариты Ивановны. В спетых нам песнях она особенно выделяла «Лучше бы я, девушка, у батюшки жила...», называя ее «маминой песней», и «Мальчик из Уржума» — ее Маргарита Ивановна считала своей, так как это песня сироты.

В докладе мы рассмотрим как в данном документе выстраивается ось повествования, какие биографические сведения о себе и о своих родственниках Маргарита Ивановна упоминает и что становится важным для информантки при выстраивании истории рода.

Надежда Александровна Курзина
Магистр филологии
н.с. АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования
в области традиционной культуры» / м.н.с. Научного архива МАЭ (Кунсткамера) РАН

* * *

A.B. Лаврентьев, A.A. Преображенская (Москва)

«Душегубивый Олег» и «антихристов предтеча» Епифан Кореев: антиязанские инвективы в памятниках Куликовского цикла

Литературные сочинения, посвященные сражению 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, как известно, представлены тремя разновременными и разножанровыми текстами: Задонщиной, поэтическим описанием победы, созданным вскоре после битвы; Сказанием о Мамаевом побоище (нач. XVI в.) и Летописной повестью. Последняя известна в двух редакциях, краткой (нач. XV в.) и созданной на ее основе пространной (40-е гг. XV в.), в пользу такой датировки и соотношения текстов убедительные аргументы приведены М.А. Салминой.

В отличие от краткой, пространная редакция Летописной повести обладает всеми чертами литературного повествования. Особой эмоциональностью в ней отмечено описание негативных героев событий, союзника Орды и Литвы, великого князя рязанского «душегубивого Олега» и его боярина, отправленного на переговоры к Мамаю и Ягайло, «антихриста предтечи» Епифана Кореева. О предательском поведении Рязани, что любопытно, в Задонщине не говорится вообще, более того, в некоторых списках присутствуют павшие на Куликовом поле «бояре рязанские». Таким образом, пространная редакция Летописной повести – первый и самый ранний текст в кругу памятников Куликовского цикла, в котором действия первых лиц Рязани описаны как предательские по отношению к общерусскому делу.

Появление такого мотива в памятнике московского летописания шесть десятилетий спустя после Куликовской битвы, в которой Рязань действительно не участвовала, но и только, выглядит странным. Московский и рязанский велиокняжеские дома породнились еще при жизни Дмитрия Донского и Олега Рязанского, и с тех пор отношения Москвы и Рязани были более чем мирными, рязанские князья в докончаниях с московскими признавали себя «братьями молодшими». С середины XV в. Рязань, вплоть до ликвидации ее самостоятельности в 1521 г., находилась под прямой опекой Москвы.

В 1456 г. осиротевший малолетний рязанский князь Василий Иванович, правнук Олега Рязанского был взят на воспитание внуком Дмитрия Донского Василием Васильевичем Темным, прожил в Москве до 1462 г., и великий князь отпустил его «на Рязань», женив на собственной дочери. В эти годы Рязанским княжеством управляли московские наместники из рязанских бояр, верных Москве, и даже рязанская монета чеканилась с титулом московского князя. Интересно, что в думе рязанских князей тогда «сидел» чашник Епифан Давыдович, носитель, как и его тезка из пространной редакции Летописной повести, редчайшего для русского именослова имени.

Мы не знаем ничего о той политической борьбе, что шла в Рязани в годы московской опеки. Но «антирязанские» инвективы пространной редакции московской Летописной повести, созданной около этого времени, могли появиться в ней как отражение борьбы в рязанских элитах по вопросу о будущем княжества.

В докладе будут представлены некоторые наблюдения над текстом Летописной повести в контексте взаимоотношений Москвы и Рязани.

Лаврентьев Александр Владимирович,
к.истор.н., доцент, ведущий научный сотрудник,
Лаборатория лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ

Преображенская Анастасия Александровна,
к.филол.н., доцент, старший научный сотрудник, ИРЯ РАН

* * *

Т.В. Левицкая (Москва)

Литературное наследие Лидии Лашеевой в контексте эпохи

Лидия Алексеевна Лашеева (1862–1941) — русская писательница, переводчица. Автор романов «Клуб Козицкого дворянства» (1893), «Конец „Голубятни“» (1895), «Новоселковское кладбище» (1901), «Кружковцы» (1905), «Торговый дом Бахвалова сыновья» (1916), сборника рассказов «Будни» (1915) и др. Переводила произведения Э. Золя, М. Сервантеса, А. Крэка и других авторов. Работала зубным врачом, прекрасно ездила на велосипеде (первая женщина, получившая в 1895 году разрешение ездить по всем улицам Санкт-Петербурга). Творческое наследие Л. А. Лашеевой до сих пор не получило развернутого анализа. В докладе особое внимание будет уделено ее работам, посвященным Южной Америке (1897), в частности, очерку «Еврейские колонии в

Аргентине» (1898) и роману «Записки эмигранта в Южной Америке» (1902, посвящен Л. Н. Толстому). Внимания заслуживает нетривиальный подход Лашеевой к созданию авторского образа: писательница подписывалась мужским псевдонимом (Марк Басанин) даже в личной переписке и при публикации своих воспоминаний («На пороге жизни. Из детских воспоминаний», «Литературное приложение к журналу “Нива”», 1894, № 10–11), но при этом писала о себе в женском роде. Критики воспринимали Марка Басанина как мужчину, но периодически в печати появлялись иронические заметки о Марке Басанине — женщине (например, «Г-жа Эмансипация», «Петербургский листок», 1895, № 262). Несмотря на увлечение «мужскими» занятиями (велосипедный спорт, путешествия, писательская деятельность), Лашеева не отказывалась от традиционного «женского» мира, стремясь сочетать материчество (у нее было девять детей) с активной жизненной позицией и творчеством.

Левицкая Татьяна Владимировна,
кандидат филологических наук, редактор, Издательский дом МГ

* * *

Е.Е. Левкиевская (Москва)

Церковнославянские богослужебные тексты в структуре народного «отпевания» (на примере украинского анклава Саратовской обл.)

В докладе будет рассмотрено использование фрагментов богослужебных текстов на церковнославянском языке в рамках так называемого «народного отпевания» — неформальной религиозной практики, развившейся в советское время в качестве субститута церковного отпевания. В докладе используются материалы этнолингвистической экспедиции 2012-2019 гг. в старожильческий украинский анклав Самойловского р-на Саратовской обл. (пять «отпевальных» тетрадей), а также экспедиции 2015 г. в Богучарский р-н Воронежской обл. (комплекс тетрадей от одной информантки). Корпус текстов, используемых в подобного рода «отпеваниях», крайне разнороден. Значительное место в нем занимают фрагменты канонических богослужебных текстов, включающие в себя ирмосы «Последования по исходе души от тела», фрагменты пасхальной заутрени (в том числе пасхальный тропарь), а также отдельные короткие молитвы, расположенные в разных частях тетрадей и по-разному инкорпорированные в структуру «отпевания», в частности, «Трисвятое». Если короткие молитвы и возгласы типа «Трисвятого», «Господи помилуй», «Упокой Господи душу раба Твоего» и др. используются в традиции и фиксируются в тетрадях в их канонической форме, то более обширные фрагменты богослужебных текстов на церковнославянском языке подвергаются искажениям и переработкам. В результате инкорпорирования церковнославянского текста в народную традицию происходит его «редактирование» на всех уровнях: синтаксическом, лексическом, семантическом. Наибольшие изменения касаются лексического уровня — здесь частично изменяется вербальный состав фразы в том случае, если носитель традиции сталкивается с церковнославянской лексемой с непрозрачной внутренней формой или с непонятной грамматической формой слова. В результате этого «редактирования» переосмысливается общий или частный смысл текста. При этом окончательная герменевтическая работа с текстом носителя традиции часто происходит не при переписывании тетради и не при исполнении песнопения, а при его интерпретации и толковании постороннему человеку, например, собирателю под воздействием его вопросов.

Примером этого служит тропарь литии из тетради Н.П. Тищенко (с. Ольшанка): «Со духе праведных скончавшихся Душу раба(ы) твоего(ея) упокой сохраняя новоблаженного жизни, я же у тебе человеколюбче». Приведем для сравнения

канонический текст этого тропаря: «Со духи праведных скончавшихся души раб Твоих, Спасе, упокой, сохраняя *их во блаженней жизни, яже* у Тебе, Человеколюбче». Можно заметить, что искажения канонического текста (сравниваемые фрагменты выделены курсивом) вполне осмыслены: сочетание предлога *во* и прилагательного в форме предложного падежа *блаженней* превращается в неологизм *новоблаженного*, явно построенный по той же словообразовательной модели, что и лексема *новопреставленный*, хорошо знакомая носителям традиции и входящая в «отпевальный» узус. Более сложной интерпретации подверглось указательное местоимение *я* с частицей *же* (со значением ‘который’) – оно было переосмыслено как личное местоимение (им. п. ед. число) *я* с частицей *же*. В результате смысл всего фрагмента преобразился. Вместо обращенной к Богу просьбы упокоить душу праведника и сохранить ее в блаженной жизни – «той, что у тебя, Человеколюбче», в «отпевальной» редакции налицо не только просьба о посмертной участи «новоблаженного» (упокоить и сохранить его *жизни*), но и стремление самому остаться под Божиим покровительством («я же у тебе человеколюбче»).

Левкиевская Елена Евгеньевна
доктор филологических наук, независимый исследователь

* * *

В.А. Левонтина (Москва)

О футуристических практиках в русскоязычной музыке

Доклад посвящен анализу и сопоставлению двух кейсов обращения к футуристическому методу в музыке: у андерграундного рок-коллектива 1980-х “Тупые” и современного реп-исполнителя Boulevard Dero. Одной из отличительных черт русскоязычного рока, особенно в советский период, оказывается его текстоцентричность. К середине 2010-х можно утверждать, что реп замещает рок в качестве главного музыкального жанра, наследуя многим чертам последнего, в частности приоритизации поэтического элемента. В этом контексте совсем не удивительно, что авторы обоих жанров достаточно часто обращаются к текстам литературной “классики”, как для прямой цитации, так и для косвенных аллюзий и заимствования поэтических приемов. Футуристическая поэтика оказывается далеко не самым востребованным направлением, однако для названных авторов именно ее можно считать основным источником.

Футуризм явно оказал большое влияние на поэтику «Тупых». Отсюда и панибратское отношение к классике: «раньше, Саша, ты бы был как Пушкин, а теперь тебя, дружок, в психушку» («Любишь ли ты Rolling Stones?»), и словотворчество. Причем, соответствуя «Пощечине общественному вкусу», «Тупые» увеличивают свой словарь и произвольными («урцгульцмуг», «джамамильяма»), и производными («гомункульность», «всенижний») словами. Считывается и влияние итальянского футуризма, с его воспеваниями технологий, однако технологизация жизни изображается скорее как антиутопия, «машинность» мира и «гомункульность» людей мучает героев, приводя к дьяволу и потустороннему. Авторы, безусловно, учитывают близость итальянского футуризма к итальянскому фашизму. «Первый манифест футуризма» Филиппо Томазо Маринетти гласит:

Да здравствует война — только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, любовь к Родине, разрушительная сила анархизма, высокие Идеалы уничтожения всего и вся! Долой женщин!

Метафоры, связанные с фашизмом, у «Тупых» встречаются часто: Бог в «Предателях родин» назван «Фюрером всей вселенной», в песне «Гестапо любви» окружающая авторов действительность сравнивается с Гестапо. «Антиэротика» и «машинный секс», безусловно, отсылают к «Антисексусу» Платонова, тексту о

механизации чувств, «империалистическом цинизме», и не случайно, одним из главных ценителей антисексуса в брошюре оказывается Муссолини, лидер итальянского фашизма. Для «Тупых», как и для Платонова, расцвет технологий означает не прорыв, а катастрофу.

В современной действительности, где технологический прогресс происходит все более стремительно и занимает центральное место во всех общественных процессах, футуристическая фантазия приобретает новую актуальность. Это ярко отражает недавняя работа Boulevard Dero, его альбом “Футуроархаика” 2024-го года. Одна из самых показательных в этом отношении композиция “Дырбулщиц”, отсылающая к поэзии А. Крученых: ее текст сочетает в себе фоноцентризм хип-хоп поэзии с методом поэтической зауми. В композиции “Дифирамб стримингу” звучит запись авторского прочтения стихотворения Крученых “Дифирамб магнитофону”, таким образом, проводится параллель между технологическими достижениями разных эпох и их способностью менять искусство, в особенности работающее со звучащим словом. Тем не менее, как и у “Тупых”, здесь присутствует критический элемент: “Две мегатонны дофамина в мозг / Не предложение рождает спрос / Его рождает прибыль и коммерческий прогноз / Это еще одно нечто, что внедрено и прижилось”.

Важное различие описанных примеров в том, что несмотря на критический подход к технологиям обоих, практически они приходят к противоположным решениям. Если “Тупые”, называвшие себя “неадекватным балетом” занимались исключительно живыми выступлениями, то Boulevard Dero работает в первую очередь как записывающийся артист. Ему присуща априори футуристическая ориентация на приоритет звучания над содержанием: “слово — кляп / Это слово-слово-слово — проститут / Слово — плут, слово — гад / Это слово — институт, слово — пульт, слова — раб”. При этом “Футуроархаика” — футуристический проект не только с поэтической точки зрения, он очень сложно сделан с точки зрения звуковой инженерии, по сути, возвращая слушателя к проекту итальянского футуризма, где машина — это двигатель искусства.

Левонтина Варвара Андреевна
независимая исследовательница
магистр филологии РГГУ

* * *

И.Б. Левонтина, Т.А. Михайлова (Москва)

Если любит кто кого (о синкетизме субъекта и объекта эмоционального отношения)

В статье [Михайлова 2015] описано прилагательное галльского языка *caros*, *cara*, повлиявшее и на галльскую латынь. Автор приходит к выводу, что «галльск. *caros* одновременно могло означать и ‘любимый’, и ‘любящий’, что подтверждается не только, точнее, не столько морфологической неразвитостью смешанных галльских диалектов (особенно в зонах длительных контактов с народной латынью), сколько потенциальной лабильностью самого понятия ‘любить — вызывать любовь’» (с.133). Иными словами, перед нами пример архаического семантического синкетизма. В работе И. Левонтиной (в печати) показано, что в русском языке довольно много прилагательных эмоционального отношения с аналогичной многозначностью (субъект чувства — объект чувства): *мил мне* vs. *мил ко мне, любезный мне* vs. *любезный ко мне, безразличный мне* vs. *безразличный мне*⁵⁵ и др. У слов *симпатичный, любовный* ранее тоже была такая же многозначность. Ср. также *ненавистная физкультура* vs. *ненавистный взгляд*.

⁵⁵ Ср. понятие лабильности [Летучий 2013].

Перенос с субъекта на объект в структуре многозначности русских прилагательных, в принципе, иногда встречается: *слепой человек* vs. *слепой текст, ленивый человек* vs. *ленивые вареники*; ср. также [Птенцова 2023], где высказано предположение, что *жестокое тело* князя Игоря «Слова о полку Игореве», может значить ‘жестоко израненное’. Это в целом не очень типично, во всяком случае, для русского языка. Однако в области эмоциональной лексики такой переход совершенно естественен. На первый взгляд кажется удивительным, что такой переход возможен. Но действительно, люди плохо различают субъект и объект эмоции. Философы и психологи давно обратили внимание на этот феномен:

«Эмоция, таким образом, проецируется на другого, а затем, на третьем этапе, происходит процесс так наз. «рационализации», т.е. – придуманной самим индивидом мотивировки собственной эмоции. Например: 1. Я ненавижу тебя (констатация); 2. Ты ненавидишь меня (проекция); 3. Я ненавижу тебя, потому что ты ненавидишь меня (рационализация)» [Brosin 1952, 184].

Проекция в классическом, фрейдовском понимании термина – есть по сути явление бессознательное:

«проецирующий человек не способен удовлетворительно отличить внешний мир от внутреннего. /.../ Человек, склонный к проекции, напоминает того, кто сидит в доме с зеркальными стенами. Куда бы он ни посмотрел, ему кажется, что он видит сквозь стекло мир, тогда как на самом деле перед ним предстают лишь отвергнутые частицы его личности» [Перлз 2000, 208-209].

Отметим, что сходное явление отмечается и в лингвистической поэтике [Апресян, Гронас 2019]: «Метактант — это троп, в котором сливаются (отождествляются) или меняются местами разные актанты одной ситуации или один из актантов — со всей ситуацией в целом». Приводятся такие примеры: *Я и садовник, я же и цветок* (О. Мандельштам); *Кто был охотник? — Кто — добыча? / Все дьявольски — наоборот!* (М. Цветаева).

Замечательную иллюстрацию синкетизма субъекта и объекта эмоционального отношения мы видим в известном стихотворении Евгения Евтушенко «Любимой», положенного на музыку Эдуардом Колмановским (Песня-78): *Любимая женщина все понимает, / Как никому не понять. / Любимая женщина так обнимает, / Как никому не обнять. / Любимая женщина плачет украдкой, / Пряча страданья в себе. / Любимая женщина верной солдаткой / Ждет, как никто на земле. / Любимая женщина много не просит, / Только чтоб честно ты жил.* Последний тезис вызывает особенное изумление, поскольку еще с 1912 г. все знают от Ахматовой, что *Столько просьб у любимой всегда! / У разлюбленной просьб не бывает.* И почему *Любимая женщина непременно плачет украдкой?* Если бы речь шла о *любящей* женщине, это было бы более понятно.

Что здесь имеется в виду? Если обнимет любимая женщина, то человеку кажется, что она обнимает как-то фантастически. А если любимая женщина даже слегка кивнет, человеку кажется, что она поняла его как никто. Но уж рассуждая о том, как любимая женщина плачет или ждет, человек полностью заменяет реальность воображением, это чистая проекция.

Возможна, однако, и альтернативная рационалистическая интерпретация текста Евтушенко. Стихотворение является прескриптивным текстом, содержащим инструкцию, как быть любимой: надо с пониманием относится к проблемам этого и не отмахиваться от них (*всё понимает*), надо обладать эротической привлекательностью и знанием хотя бы азов сексуальной коммуникации (*так обнимает*), самостоятельно переживать собственные фрустрации, не вовлекая этого в эти переживания (*плачет украдкой*). Лирическая героиня известного стихотворения Марины Цветаевой «Вчера еще в глаза глядел» обращается к бывшему партнеру с эксплицитной просьбой указать ей ее коммуникативные ошибки (*Мой милый, что тебе я сделала?*). Героиня на первый взгляд

допускает наличие таких ошибок (*Я глупая, а ты умен, / Живой, а я осталбенелая... и др.*). Однако это кажущаяся импликатура: на самом деле, как можно предположить согласно Перлзу, героиня хочет видеть не реальный мир за стеклом, а свой собственный облик, который ей плохим не кажется (*О воле женщин всех времен*). Таким образом частному случаю придается характер универсальности. И здесь сказываются гендерные различия авторов.

Нельзя не упомянуть сонет 130 Шекспира «Ее глаза на звезды не похожи», который демонстрирует отказ от проекции: лирический герой настаивает, что любит реальную женщину, а не проекцию. Но сам пафос сонета показывает, что это воспринимается как необычный вид любви.

Литература

- Апресян В. Ю., М. Гронас. Что такое метакант и с чем он нас ест? // Складчина. Сборник Статей к 50-летию профессора М. С. Макеева Под редакцией Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. 2019, сс. 11-26.
- Летучий А. Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Михайлова Т. А. К проблеме архаического семантического синкетизма: галльск. *cara* vs. лат. *cara** Вопросы языкоznания 2015 No 5, сс. 120—135.
- Перлз Фр. Эго, голод и агрессия. М. 2000, с. 208
- Птенцова А. В. От сорочки к Олекше: сборник статей к 60-летию АА Гиппиуса. Издательский дом ДЕЛО, Мск, 2023, с. 166-175
- Brosin H.W. Contributions of Psychoanalysis to the Study of the Psychoses // The impact of Freudian Psychiatry. Ed. Fr. Alexander and H. Ross. Chicago-London. 1969. Pp. 178-199. P. 184.

Левонтина Ирина Борисовна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН

Михайлова Татьяна Андреевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН,
профессор ИВКА РГГУ

* * *

С.С. Левочкин, Е.Ф. Левочская (Москва)

Литературный костер в призме «периферийного зрения»: культурно-философский подход

Существуют вернакулярные⁵⁶ практики почитания известных российских поэтов в форме регулярных собраний, известные как литературные костры. Они проводятся в определенных местах, как правило, связанных с биографией поэтов. Так, один из Цветаевских литературных костров проходит в Тарусе⁵⁷, Рубцовский костёр – в с. Никольское Вологодской области⁵⁸, а Бальмонтовский – в д. Гумнищи Ивановской области⁵⁹.

По результатам проведенных нами исследований Цветаевских и Рубцовских костров⁶⁰ можно обнаружить на первый взгляд противоречие: организация литературных костров в регионах скрывает «пустоту места», наполняя его содержанием местного культурного

⁵⁶ Ср. по ВИКИПЕДИИ: **Вернакулярный** район (англ. **vernacular** — местный, народный, родной) — тип географического района, бытующий в обыденном сознании общества или его части в виде образа территории, обладающей названием и специфическими качествами.

⁵⁷ <https://tsvetaevamok.ru/map/index.php?lang=ru>

⁵⁸ https://tottmamuz.ru/portfolio/rubcov_koster

⁵⁹ <https://balmont-museum.ru/item/1594013>

⁶⁰ <https://ctsf.ru/news/rezulatty-issledovaniya-cvetaevskie-kostry-kak-ritual-kulturnaya-scena-i-emotionalnoe>

наследия. В этом отношении можно рассматривать костры как вернакулярные практики отдельных энтузиастов для культивирования локальной исторической памяти. Такой взгляд на природу кострового движения делает мероприятие периферийным по отношению к культурному центру. Однако практически в каждом конкретном случае организаторы сами избирают форму, стиль и пространство мероприятия. В этом отношении мы можем говорить о мировой сети костров, в которой каждый костер – уникальный центр. Кроме того, литературный костер в некоторых случаях изменяет своей природе, превращаясь из камерного и приватного в большое и официальное мероприятие, открытое широкой публике.

Разрешение этого противоречия проливает свет не только на природу литературных костров, но и на природу творчества самих авторов, в честь которых костры зажигаются. Как нам представляется, ключ к этой проблеме заключен в концептуальной метафоре «периферийного зрения», играющей важную роль в антропологии чтения поэзии Цветаевой, Рубцова и Бальмонта.

Согласно концепции «периферийного зрения», уходящей корнями в традицию европейского романтизма и впоследствии получившей развитие в философии экзистенциализма, человеческое существо, высшей манифестации которого является художественное творчество, обретает подлинность своего бытия в «периферийном взгляде»: недодуманные мысли суть самые важные, как и несостоявшиеся события непройдой жизни. Потенциальное и скрытое оказывается важнее актуального и явного. «Периферийное зрение» оказывается способом сблизить жизненный нарратив читателя и автора, что в свою очередь становится новым способом прочтения и присвоения текста.

Призма «периферийного взгляда» предлагает читателю и участнику литературных костров еще раз пережить «опыт непройдого». Актуальность творчества поэта устанавливается через место отсутствия, становящееся местом присутствия во время проведения костра. В этот момент собрание людей есть центр мира. Событие литературного костра поэтому справедливо назвать ритуалом⁶¹.

Отвечая на вопрос о принадлежности литературного костра к центру или периферии, мы можем сказать, что субъективно и объективно литературный костер осуществляется в сложной динамике центрального и периферийного, где периферийное – становится как вызовом, так и преимуществом. Романтический поэт воспринимается читателем в динамике «вечного (воз)вращения» от периферии к центру и наоборот, этим обусловлены форма и дух литературных костров.

Левочкин Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент Института социальных наук Первого Московского Государственного Медицинского Университета им. И.М. Сеченова

Левочкина Елена Федоровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора Российского Государственного Гуманитарного Университета

* * *

П.В. Лукин (Москва)

Ключи и посулы: претензии ганзейских купцов к политическому строю Великого Новгорода

Нам уже неоднократно приходилось писать о восприятии новгородского республиканского строя европейскими современниками, в том числе и ганзейскими немцами, и делать акцент на его позитивных аспектах (отождествления с собственными

⁶¹ Левочкин С. С., Левочкина Е. Ф., Морозова А. М. Человек, читающий стихи: ритуальная природа поэтического костра // Шаги/Steps. Т. 10. № 1. 2024. С. 270–296

коммунами, вплоть до сопоставлений с Венецией) [Лукин 2018, с. 532-534]. А что касается Византии, то в июле 1434 г. Исидор, будущий митрополит киевский и всея Руси, подписавший впоследствии, в 1439 г., Флорентийскую унию, в качестве члена византийской делегации выступал перед участниками собора Католической церкви в Базеле и назвал Новгород аж «величайшей демократией Руси» (ἡ τῶν Ῥῶν μεγίστη ... δημοκρατία) (обнаружено Д.В. Каштановым) [Anecdota Isidori 2018. 29, р. 75].

Тем не менее, немецкие купцы, прекрасно знавшие на своём – нередко горьком – опыте – особенности новгородской политической практики, были далеки от идеализации «величайшей демократии». Можно указать две темы, которые вызывали особое недовольство.

Во-первых, несоблюдение новгородцами собственных же или оговорённых совместно правил, а также плохая и неадекватная запросам зарубежных партнёров работа новгородских политических институтов и должностных лиц. Сюда относятся, например, требования к тысяцкому, ответственному за разбор конфликтов между новгородцами и немецкими купцами, вершить свой суд именно перед церковью св. Иоанна на Опоках, и его возражения о том, что в ливонских городах тамошние фогты судят там, где хотят [HUB, 6, № 359. S. 638]. Иногда проблемы носили даже отчасти комический характер или, во всяком случае, приобретали таковой в ходе переговоров немцев с новгородскими властями. Существовала практика, согласно которой в периоды, когда ганзейское подворье в Новгороде пустовало, ключи от него передавались двум самым надёжным новгородским магистратам – архиепископу и архимандриту Юрьева монастыря. Однако одного из хранителей могло не оказаться дома, как выясняется из послания дерптских властей новгородскому архиепископу Симеону, опасавшихся за судьбу «дорогого образа в золотой оправе» (*een durbar bilde ... dat mit gholde bewracht is*), хранившегося в церкви св. Петра на Немецком дворе: «... игумена святого Юрия не было тогда дома, поэтому ключей они не получили». Такие прозаические причины могли оказывать влияние на динамику дипломатических отношений – дерпты просили новгородского владыку «поговорить с аббатом святого Юрия» о выдаче послу ключей, «чтобы он смог взять этот образ из церкви», а потом хранители могли бы снова забрать ключи себе [LECUB, 5, № 2105, Sp. 189].

Во-вторых, воспринимавшаяся как коррупционная практика функционирования новгородских республиканских политических институтов. В 1416 г. послы ливонских ганзейских городов (Ревеля, Дерпта и Риги) жаловались новгородским властям: «...тысяцкие хотят, чтобы их приглашали в гости и одаривали, а их ведь часто переизбирают» (*de hertogen willen to gaeste gebeden sin vnde begyftiget, der vele gekoren werd*) [Полехов и др. 2024, с. 71]. Проблема сохранялась и в дальнейшем. В 1439 г. ганзейская купеческая община в Новгороде писала в Ревель: «...у нас здесь большие неудобства от посадника и тысяцкого. Как раньше, так и теперь, когда новый посадник или тысяцкий возводятся, они хотят иметь подарки и дары и говорят, что это их (немцев. — П.Л.) обязанность [давать их]. Если мы их всех будем одаривать, то [двору] святого Петра нужно много денег, так как они их возводят и смещают их по [своему] усмотрению» [LECUB, 9, № 546, S. 393]. Дело было не только в частой смене магистратов из-за выборов. Ещё в 1331 г. в ходе урегулирования одного из самых острых конфликтов между ганзейскими купцами в Новгороде и новгородцами посадник заявил: «В ту же ночь послал тогда посадник к немцам ... если они [немцы] хотят положить конец делу, то немцы должны дать ему 20 штук серебра и два красных платья, и на меньшее он не согласен» [Лукин 2018, Прил. 2, с. 550]. Сюда же относится и тема послов новгородским должностным лицам, которая, очевидно, по-разному трактовалась новгородцами и ганзейскими купцами. Так, в 1419 г. ганзейские купцы из Новгорода жаловались дерптским властям в связи с конфликтом с новгородскими соседями-уличанами на то, что «посадник и тысяцкий изо дня в день устраивают нам большие неприятности, хотят

получать от нас посулы и подарки (*possul und gave*), и запрещают нам строить частоколы» [HUB, 6, № 220. S. 121; о посулах в древнерусских источниках, в т.ч. в берестяной грамоте, и об их квазилегальном функционировании см. также: Гиппиус 2023, с. 8-9].

Источники и литература

Anecdota quaedam Isidori abbatis futuri cardinalis Rutheni, Demetrii Hyaleae, Theodori Agalliani prae sulumque quorundam Graecorum ad Unionem Sanctae Ecclesiae spectantia ediderunt / ed. C. Hajdú, S. Hajdú // Cahiers de l’Institut du Moyen-Âge Grec et Latin. 2018. Vol. 87. P. 39–179.

LECUB, 5, 9 – Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Bd. V / hrsg. von F.G. von Bunge. Riga, 1867; Bd. IX / fortg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1889.

HUB, 6 – Hansisches Urkundenbuch. Bd. VI / bearb. von K. Kunze. Leipzig, 1905.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2022 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2023. № 5. С. 7-28.

Лукин П.В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

Полехов С.В., Лукин П.В., Сквайрс Е.Р., Лукин П.В. Новые источники о новгородско-ганзейских переговорах 1416 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 3 (97). С. 67-82.

Лукин Павел Владимирович,
д.и.н., профессор РАН,
г.н.с. Института российской истории РАН,
в.н.с. ИОН РАНХиГС

* * *

В.Д. Любков (Москва)

«Наивная» автобиография: эго-текст Абрама Булыгина как уникальный феномен в литературе России конца XVIII в.

В 1936 г. О.Э. Вольценбургом в журнале «Книжные новости» была опубликована заметка об удивительной книге, которая не имела ни выходных данных, ни данных о прохождении цензуры или любых иных атрибутирующих зацепок, кроме бумаги с филигранью «1797», что позволило датировать создание источника самым концом XVIII в. Еще более интригующим было название книги — «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах». «История...», записанная со слов малограмотного Булыгина неким неизвестным лицом, рассказывала раешной рифмой автобиографию тульского мещанина Абрама Антоновича Булыгина (1737/1738 — ?), который был, судя по всему, своего рода скоморохом екатерининской России. Эго-текст Булыгина представляет собой некий симбиоз «наивного» письма и раешного выступления. Если бы не данные официальных документов, был риск принять Абрама Булыгина за персонаж лубочной литературы, бывшей столь популярной у неискушенного читателя рубежа XVIII и XIX вв.

Помимо службы на Оружейном заводе, в автобиографии Булыгина нашли отражение организация фейерверков в Туле, путешествие в Москву и Петербург и игра на скрипке в созданной им же песенной артели, которая исполняла некую «азиатскую музыку», а также являлась автором «Толкования о чижиной охоте», книги, которая инкорпорирована в текст автобиографии.

По всей видимости, одним из главных побудительных мотивов составления и издания автобиографического сочинения Булыгиным было желание подвести итог своей жизни и рассказать современникам и потомкам ее достаточно успешную историю, что не вступало в противоречие с другой целью — желания на этом предприятии заработать, так как подобные тексты, созданные простыми людьми, пользовались на рубеже XVIII-XIX вв. большой популярностью. Но нельзя исключать и той версии, что экземпляр текста — единственный из всех существующих, и был создан по просьбе сослуживцев Булыгина, тульских оружейников, в память о своем популярном и чтимом собрате.

Целью доклада является демонстрация того, каким образом действует автобиографический герой А.А. Булыгина во фрагментах, посвященных музыкальной артели «азиатской музыки», и почему именно эти действия становятся финалом его эго-повествования.

Источник

Булыгин А.А. История города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах // Юркин И. Н. Абрам Булыгин: чудности, веселости, «непонятная философия». Тула: Рарус, 1994. С. 74—130.

Публикации автора

Любков В.Д. Тульские «веселые» екатерининской России в автобиографическом сочинении Абрама Булыгина. 2025. (в печати).

Любков Владимир Дмитриевич,
аспирант 3-его года обучения ГАУГН
(направление – Источниковедение), преподаватель экономического факультета ГАУГН

* * *

Ф. Б. Людоговский (Банска Быстрица, Словакия)

Четыре письма 1969 года из США в СССР

Разбиная недавно в очередной раз семейный архив, я обнаружил несколько писем. Они были написаны родными сёстрами – Валерией Георгиевной Ляпуновой (урождённой Мюленталь; 1908–1995) и Еленой Георгиевной Мюленталь (1909–1998), а адресатом была Нина Феликовна Мурзо-Маркелова (1893–1982), вдова двоюродного брата сестёр Мюленталь – мемуариста Владимира Дмитриевича Маркелова (1889–1966; см. о нём тезисы моего доклада на «Маргиналиях–2010»). Мать Валерии и Елены, Валерия Михайловна Мюленталь (урождённая Маркелова; 1876–1930; см. о ней тезисы моего доклада на «Маргиналиях–2012») в 1920 году уехала с дочерьми в Эстонию, к родственникам покойного мужа. Из Эстонии через Германию сёстры после Второй мировой войны попали в США, где жили до конца жизни и где в настоящее время живут внуки и правнуки Валерии Георгиевны. В Эстонии семейство Мюленталь (и особенно Елена Георгиевна) дружило с Тамарой Милютиной, которая неоднократно упоминает Лену в своих воспоминаниях. В свою очередь, Нина Мурзо была близкой подругой Анастасии Цветаевой, которая также многократно пишет о Нине в своих мемуарах. Таким образом, и адресанты, и адресат писем, сами по себе не обладая звучными именами, оказываются на полях (и даже внутри) биографии людей, жизненный путь которых известен вполне хорошо.

Переписка сестёр Мюленталь с родственниками, оставшимися в Советском Союзе, длилась многие десятки лет. Из Москвы им писали: 1) упомянутая Нина Мурзо, 2) моя бабушка – двоюродная племянница сестёр и родная племянница В. Д. Маркелова – Наталья Константиновна Людоговская (урождённая Жовнеровская-Маркелова; 1922–2006), 3) Вера Владимировна Свистунова (1894–1976), давняя знакомая Маркеловых; возможно, в переписке состояли также и некоторые другие родственники и знакомые. Если бы была возможность собрать все письма, летавшие через Атлантику в течение всех этих лет, мы получили бы прекрасный источник по семейной истории и быту, с одной стороны, русских эмигрантов и с другой – советских «бывших». Однако на данный момент нам доступны лишь четыре письма, отправленные весной и летом 1969 года.

Эти письма были отправлены в два приема: в марте и в июне 1969 года. Каждая из сестёр писала своё отдельное письмо, однако оба раза они отправляли их в одном конверте, т. е. с точки зрения почтовой службы это было одно письмо. Так получилось,

что и в мартовских, и в июньских письмах речь шла о довольно значительных для американской части семьи событиях. А именно: в марте у Валерии Георгиевны родился внук – сын её родного сына Святослава Всеволодовича Ляпунова (1936–2014). А в июне получил докторскую степень её приёмный сын – Вадим Всеволодович Ляпунов (1935 – ?). Впрочем, в письмах обсуждаются и события, происходившие в Москве. В частности, упоминается мой отец, который как раз в том году окончил МИФИ. Что касается Елены Мюленталь, то она никогда не была замужем и не имела своей семьи, однако детей и внуков сестры всегда воспринимала как своих собственных детей и внуков; по этой причине письма, одновременно написанные и отправленные сёстрами в Москву, оказываются содержательно весьма близки друг к другу: Валерия и Елена выделяют одни и те же ключевые события и говорят о них практически с одинаковой степенью эмоциональности.

Фрагменты указанных писем сестёр Мюленталь я планирую включить в очередное издание «Затишинской мозаики» (об этой книге см. тезисы моего доклада на «Маргиналиях- 2014»), снабдив их историко-генеалогическим комментарием.

Федор Борисович Людоговский,
кандидат филологических наук, независимый исследователь

* * *

A.B. Малыгина (Нижний Новгород)

Максим Горький и Максим Дмитриев: значение иконографии нижегородского периода для мировой известности писателя

Русская фотография конца XIX – начала XX века – уникальная, полная достижений и открытий страница отечественной культуры. Стремительно воспринимая, развивая и совершенствуя все, что делалось в области фотографии в Европе, русские фотографы проявили себя и замечательными изобретателями, и талантливыми художниками, сохранив при этом свою самобытность и любовь к Отечеству.

Сергей Левицкий и Андрей Деньер, Василий Каррик и Дмитрий Никитин, Андрей Карелин и Максим Дмитриев – разумеется, ряд этот далеко не полон и названы в нем далеко не все известные русские фотографы, но совершенно очевидно, что имя Дмитриева все равно в числе первых. Природный талант в сочетании с незаурядной работоспособностью помогли безродному тамбовскому крепостному мальчику стать известнейшим в стране и за ее пределами фотографом.

Фотографии, сделанные Максимом Дмитриевым (1858-1948) более ста лет назад, почти не утратили своего первоначального изобразительного великолепия – сочность тонов и пластику светотеневых переходов в сочетании со строгой изысканностью оформления паспарту. Большинство его негативов печатаются сегодня так, как будто они проявлены вчера.

В 1874 году Дмитриев впервые посетил Нижний Новгород, работал в павильоне М.П. Настюкова на Нижегородской ярмарке, где и познакомился с фотографом-художником А.О. Карелиным, навсегда ставшим для него кумиром и образцом для подражания.

В 1877 году переехал в Н.Новгород, а уже в 1886 открыл «Новую фотографию» на Осыпной улице рядом с Большой Покровской. Расположенное на бойком месте, фотоателье пришлось публике по душе. Своеобразным итогом первых лет его работы стало объявление М.П. Дмитриева, опубликованное в местной прессе в августе 1893 года: «Фотограф М.Дмитриев снимает моментально, во всякую погоду, портреты, группы, виды зданий и проч., продаются снимки волжских видов, типов, сцен, пейзажи зимние и летние <...> При фотографии имеется фототипия. Фотография открыта ежедневно от 8 ч. утра до 6 ч. вечера».

За свою долгую творческую жизнь Дмитриев проявил себя почти во всех жанрах фотографического искусства. Особой художественной выразительности он добился в одиночных и групповых портретах. Созданная им огромная портретная галерея современников поражает своим многообразием, высокой художественностью и психологизмом.

Особняком в этой галерее стоят фотопортреты писателя Максима Горького (1868-1936). Несмотря на то, что в Н.Новгороде работало много фотографов-профессионалов, Горький предпочитал работать именно с Дмитриевым: может быть, дружеские отношения имели значение (Пешковы и Дмитриевы дружили семьями), а, возможно, резкий почерк человека нового времени более привлекал Горького, чем, к примеру, академизм и мягкость художника Карелина. Горький говорил о себе: «Лицо у меня неудобное, на нем видно все, о чем я думаю, чтобы скрыть этот недостаток, я морщусь, делаю злые и суровые гримасы...».

Близкий друг и родственник М.Горького А.А. Богданович вспоминал, что «превосходный мастер своего дела М.П. Дмитриев, <...> залучив к себе популярного писателя, снимал его многократно, в разных видах и позах, и изготовил множество карточек для продажи, а также больших портретов для своих многочисленных выставок в витринах». «В этой «иконографии», - писал Богданович, - М.П. Дмитриев затмил всех своих соперников: он сам бывал нередким гостем на Канатной, и его жена Анна Филипповна, женщина представительная и красивая, вошла в число близких знакомых семьи Пешковых».

Действительно, Максим Горький часто попадал в объектив известных фотографов конца XIX – начала XX века: А.О. Карелина, Н.Н. Симанского, Л.В. Средина и др. Кроме того, близкими людьми и родственниками были созданы целые серии фотографий писателя «домашнего изготовления». Однако именно портреты, созданные М.П. Дмитриевым, стали в прямом смысле «визитной карточкой» набиравшего популярность и мировую известность писателя. Именно образ Горького нижегородского периода, сошедший с фотографий Дмитриева, стал основой для памятника писателю на главной площади города работы знаменитого скульптора В.И. Мухиной. Лишенным изящества и светского лоска мужиком в рубашке-косоворотке, высоких сапогах, с зачесанными назад волосами, с острым пытливым взглядом предстает перед зрителем писатель Максим Горький. Фотографом М.П. Дмитриевым был создан не просто образ, а по сути, имидж нового русского писателя мирового масштаба. Он не только несет с собой новое слово, но и сам принадлежит к другому миру, о котором нельзя сообщить художественными средствами карелинской картинно-романтической эстетики. Дмитриев сознательно отказывается от эффектных изобразительных приемов в пользу более лаконичных, простых и скромных, чтобы ничто не мешало главному – показать писателя вступающего в свои права XX века. Дмитриев фактически создал версию русского Ницше – немецкого мыслителя, образом которого был очарован сам Горький со времени знакомства с учителем Н.З. Васильевым в середине 1890-х гг.

Многие деятели культуры посещали М.Горького в родном городе и, по рекомендации писателя, посещали ателье знаменитого нижегородского фотографа. Дмитриев снимал Ф.И. Шаляпина, который, будучи в Нижнем, «дурял, как молодой бог», снимал «подмаксимовиков» Скитальца (С.Г. Петрова), Л.Н. Андреева, которого Горький назвал единственным другом среди литераторов. Дмитриев – автор и мистификации, которая долгие годы вводила в заблуждение горьковедов и краеведов, выдавая писателя Леонида Андреева в костюме бояка за подлинного бояка.

Нельзя не упомянуть и про масштабные мистификации в виде «совместных» фотографий А.М. Горького с А.П. Чеховым и Л.Н. Толстым в Крыму, смонтированных в ателье М.П. Дмитриева. По замыслу двух Максимов, они должны были повысить репутацию Горького, поместив его в необходимый литературный контекст.

Фотографом запечатлено многое в Н.Новгороде, связанное с жизнью и творчеством Горького. Панорама Балчуга в Почаинском овраге с его Ветошным рынком и старьевщиками выглядит на фото точно так, как во времена босоногого детства писателя. Снимки Дмитриева сохранили для будущих поколений «живой» образ Нижнего Новгорода «горьковской» поры с его неповторимыми народными типами и особым бытом, и образ нижегородского цехового Алексея Максимовича Пешкова – всемирно известного писателя Максима Горького.

Малыгина Анна Валентиновна,
независимый исследователь

* * *

T.A. Матасова (Москва)

Шторма в памятниках русской агиографии и дипломатической документации XVI-XVII вв.

По мере активного освоения русской культурой берегов Белого и Баренцева морей в XV-XVII вв. в памятники книжности (агиография, летописи и др.), в актовый материал и даже в дипломатическую документацию попадали описания «неистовящегося моря» (по выражению Андрея Курбского), представляющих не только символическую («многомутное море житейское»), но и вполне реальную угрозу. Памятники северной агиографии пестрят «морскими» чудесами северных святых, представляющими собой сцены спасения терпящих бедствие на море. На сегодняшний день существует немало исследований, посвященных изучению различных граней этих ярких сюжетов.

Тем не менее, в науке, как кажется, внимание не уделялось тому обстоятельству, что эти сюжеты были эмоционально близки не только участникам промыслов, книжникам, купцам и другим людям, постоянно жившим в пространстве Русского Севера, которое и породило эту богатую литературную традицию. Повествования о чудесном спасении на водах были востребованы и в Москве, например, в среде деятелей Посольского приказа. Посольства в Западную Европу в XV-XVII вв. были многотрудным и опасным делом, предполагавшим многомесячные переходы по бурным водам северных морей. На страницах статейных списков посольств в Англию, Францию, Испанию, Венецианскую республику и Тосканское герцогство нередко попадаются пространные и колоритные зарисовки морской непогоды, «бившей» корабли в волнах в течение многих недель. Это приводило к различным трагическим последствиям (смерти участников посольств, серьезной порче их имущества и мн. др. бедствиям). Известно, что участники дипломатических миссий, мечтая преодолеть морские пути живыми и здоровыми, брали с собой не только Евангелие, но и иконы (в первую очередь, свт. Николая Чудотворца) и даже частицы мощей святых. Подробности проявлений религиозных переживаний послов по источникам восстановить, к сожалению, почти невозможно, но нет сомнения в истовых молитвах, возносимых ими во время штормов.

В докладе будет представлено соотнесение связанных со штормами мотивов, сюжетов, образов из памятников северной агиографии со свидетельствами, содержащимися в дипломатической документации. Эти описания не были связаны текстологически, но являлись попытками запечатлеть в слове сходный опыт переживания смертельной опасности во время штормов. В памятниках обоих типов отражено сходное осмысление мятежного морского пространства и шире - базовые устремления и идеалы русской культуры XV-XVII вв.

Матасова Татьяна Александровна
кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой
истории России до начала XIX века исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

* * *

A.A. Машукова (Москва)

Роль эго-документов в воссоздании истории Московской государственной театральной студии под руководством Алексея Арбузова и Валентина Плучека (1938 – 1945)

Московская государственная театральная студия под руководством Алексея Арбузова и Валентина Плучека (или Арбузовская студия, как ее чаще всего называют) осталась в истории советского театра благодаря спектаклю «Город на заре» о строительстве Комсомольска-на-Амуре. Пьесу «Город на заре» студийцы сочиняли в течение двух с половиной лет коллективно, при помощи импровизационных актерских этюдов, собирая воедино придуманное и редактировал его Алексей Арбузов, а поставил эту «романтическую хронику» Валентин Плучек. Премьера спектакля, состоявшаяся 5 февраля 1941 года, сопровождала ажиотаж; до начала войны «Город на заре» прошел 43 раза, став важным событием духовной жизни того поколения, что на рубеже 1940-х годов оканчивало школы и институты, а позже ушло на фронт.

Работая на протяжении шести лет с архивом Арбузовской студии, находясь в процессе написания книги об этом ярком театральном явлении, возникшем в годы Большого террора без какой-либо указки «сверху», приходилось искать ответы на множество разных вопросов. От уточнения конкретных обстоятельств жизни студии до темы реального восприятия пьесы и спектакля публикой того времени. В этом процессе неоценимую помощь оказали это-документы, хранящиеся в частных и государственных архивах. А именно личные дневники и письма студийцев, тетрадки с набросками ролей, дневник наблюдения за спектаклем «Город на заре», который вел архивариус студии Исаи Кузнецов, более ста записок от зрителей, присланных создателям «Города на заре» во время студенческих диспутов, и многое другое. О том, что удалось установить при помощи этих личных свидетельств и как они повлияли на содержание книги об Арбузовской студии, я и планирую рассказать в своем сообщении.

Машукова Александра Владимировна,
младший научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук РАНХиГС

* * *

Г.Н. Мехнечова (Пермь)

Воспоминания П.С. Богословского о встречах с выдающимися людьми

Предмет настоящего сообщения – воспоминания П.С. Богословского о встречах с выдающимися людьми его времени, хранящиеся в виде автографа в Государственном архиве Пермского края (ГАПК, ф. р-973, оп. 1, №110). Рукопись имеет авторский заголовок – «Встречи. (Кого видел, слышал, с кем встречался, беседовал, переписывался)» и датируется февралем 1965 года. Воспоминания П.С. Богословского представляют интерес, в первую очередь, как документ, характеризующий различные стороны научной, общественной и культурной жизни России на переломе эпох (1910–1930-е гг.), а также как ценный биографический источник.

Павел Степанович Богословский (1890–1966) – литературовед, фольклорист, этнограф, краевед, внесший немалый вклад в развитие отечественной гуманитарной науки. Большая часть его исследований неразрывно связана с родным для него Уралом, посвящена различным аспектам изучения историко-культурного наследия региона.

Жизненный и научный путь П.С. Богословского можно разделить на несколько крупных этапов. 17 (29) июня 1890 г. – рождение в семье священника с. Веретия Соликамского уезда Пермской губернии. 1901–1913 гг. – получение образования (Соликамское духовное училище, Пермская духовная семинария, затем Историко-филологический институт и Археологический институт в Петербурге). 1913–1932 гг. – пермский период жизни, который следует признать наиболее плодотворным:

преподавание в Пермском университете, мужской гимназии, активное участие в работе Пермского епархиального церковно-археологического общества, Пермского научно-промышленного музея, руководство Кружком по изучению Северного края и Литературно-театральным музеем, действовавшими при университете, написание научных работ в области фольклористики, истории литературы, археологии, церковной старины и др. 1932 г. – вынужденный, во избежание политического преследования, переезд из Перми в Москву, 1932–1935 – работа в Центральном научно-исследовательском институте методов краеведческой работы, одновременно с этим – заведование библиотекой в Государственном историческом музее, преподавание в Орехово-Зуевском педагогическом институте. Апрель 1935 г. – арест, судебный приговор по ст. 58 (за контрреволюционную агитацию), последующая высылка в исправительно-трудовую колонию КАРЛАГа в Казахстане, где П.С. Богословский пробыл до апреля 1940 г. 1940–1946 гг. – профессор в Карагандинском учительском институте. Возвращение в Пермь (тогда г. Молотов), 1946–1948 гг. – профессор в Молотовском государственном университете. 1948 – переезд в Москву к одному из своих сыновей, ведение обширной переписки с разными лицами, написание мемуаров. Скончался 28 марта 1966 г.⁶²

Воспоминания П.С. Богословского о встречах с выдающимися людьми (всего 49 персоналий) можно дифференцировать различным образом: 1) по принадлежности того или иного лица к определенной профессиональной среде; 2) по хронологической соотнесенности встреч с тем или иным периодом жизни П.С. Богословского; 3) по степени полноты / краткости передачи воспоминаний. Беря за основу первый принцип систематизации, перечислим имена, содержащиеся в рукописи:

- представители научного сообщества (историки, археологи, этнографы, литературоведы, фольклористы, слависты, востоковеды, правоведы, экономисты, математики, астрономы, геофизики и др.): А.Ф. Кони, П.К. Козлов, Д.К. Зеленин, А.Е. Ферсман, П.Н. Луппов, И.А. Орбели, А.А. Спицын, Н.И. Веселовский, Н.К. Никольский, О.Ю. Шмидт, Н.И. Кареев, П.А. Лавров, В.Ф. Миллер, А.Я. Брюсов, Г.А. Шайн, М.В. Птуха, Н.А. Крюков, В.Ф. Смолин, В.Г. Вайнштейн, М.К. Вентцель, А.С. Ященко, Н.П. Кашин, В.Ф. Матвеев, Л.В. Успенский, И.Н. Бороздин, Н.П. Лихачев, В.И. Вернадский, Ф.И. Успенский;
- представители творческой среды (писатели, поэты, композиторы, пианисты, певцы, актёры, чтецы, художники, скульпторы, а также члены их семей): Ф.И. Шаляпин, И.Энери (Горянинова), К.А. Варламов, М.П. Чехова, К.С. Петров-Водкин, Е.П. Пешкова, И.С. Козловский, П.Н. Васильев, И.П. Уткин, В.А. Луговской, Р.Ивнев (М.А. Ковалёв), А.Б. Мариенгоф, В.И. Качалов, В.В. Вересаев (Смидович), Д.Г. Френкель, М.Д. Михайлов, Ф.С. Мухтарова, И.Н. Жуков, Н.Н. Ходотов;
- советские государственные деятели: А.В. Луначарский, А.С. Бубнов.

Кроме того, в рукописи упоминаются С.К. Булич, Э.Ф. Направник, М.Н. Кузнецова, С.Ф. Ольденбург, В.В. Латышев, Ю.М. Соколов, А.А. Хребтов, П.А. Генкель, А.Н. Толстой, О.Л. Книппер-Чехова, М.С. Голодный, С.Я. Елпатьевский, В.Я. Шишков, К.М. Шишкова, И.Н. Розанов и другие.

Мехнечева Галина Николаевна,
научный сотрудник Института гуманитарных исследований
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН

* * *

М.А. Мизерная (Москва)

⁶² Подробнее см.: Иванова Т.Г. П.С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 3–35.

«Вся моя вина в том, что я периферийный писатель»: проблемы периферийных авторов в столичном издательстве «Советский писатель» в 1930-х гг.

Издательство «Советский писатель» было основано в 1934 г. в первую очередь для работы с авторами, которые ранее не имели доступа к литературе – поэтому одной из его ключевых задач был поиск талантов на периферии и публикация их текстов. Работа с «периферийным» писателем входила и в систему литературных убеждений М. Горького, который был знаковой фигурой для издательства, и в соцреалистическую концепцию литературы как открытого и демократичного поля. На практике публикация периферийных авторов в столичном издательстве оказывалась крайне сложной как с точки зрения логистики, так и в отношении восприятия их текстов в Москве.

Доклад будет основан на материалах делопроизводственной документации издательства «Советский писатель» за 1930-е гг. (переписка и стенограммы заседаний), а также публицистических текстов, опубликованных в «Литературной газете». На основе этих материалов будет рассмотрен ряд проблем, возникавших перед теми периферийными авторами, которые стремились издать свои книги в Москве. Наиболее очевидные из этих проблем носили географический характер: физические расстояния между Москвой и отдаленными частями РСФСР препятствовали регулярной письменной коммуникации, которая была необходима для заключения и соблюдения обоюдных договоренностей. Однако периферийные писатели сталкивались и с иными преградами: разница в статусе между столичными и областными авторами редко проговаривалась эксплицитно, но определенно была болевой точкой советской литературы 1930-х гг.

Для компенсации этого несоответствия издательство осуществляло комплекс мер по работе с периферийными писателями. Среди таких мер было литературное консультирование многообещающих новичков и сотрудничество с областными комиссиями Союза советских писателей, которые сообщали «Советскому писателю» о перспективных, но пока не известных в столице авторах. Впрочем, все эти средства не могли помочь полностью преодолеть разрыв в символическом капитале между авторами, успевшими обосноваться в Москве и Ленинграде, и прочими советскими писателями. Эмоциональная реакция периферийных авторов на эту несправедливость иногда результировала в укреплении альтернативных писательских сообществ: хотя они могли быть малочисленными и рассеянными по большим территориям, но, имея доступ к публичному полю (например, к СМИ), они выступали значимым противовесом столичной гегемонии.

Примечательно, что периферийность в вопросе издания того или иного писателя могла трактоваться и как пейоративная категория, и как аргумент в пользу публикации: на пересечении официальной риторики о демократизации советской литературы и реальной диспозиции сил в среде советской литературной интеллигенции это несоответствие выглядело особенно остро. В ходе доклада будет показано, как этот конфликт между правительственной культурной политикой и стратегией столичного издательства реализовывался на уровне взаимодействия отдельных писателей с издательством.

Мизерная Мария Алексеевна,
аспирантка 1-го года Школы филологических наук НИУ ВШЭ

* * *

T.A. Михайлова, В.П. Руднев (Москва)

Об одной фотографии: память, реальность и параллельные миры

В феврале 1982 года я поехала в Тарту на конференцию молодых ученых, посвященную 60-летию Ю.М. Лотмана. Со мной поехали мои друзья с филологического факультета МГУ, уже как бы завзятые «таргусцы». Они познакомили меня с местными, а еще другими - из Ленинграда, Пскова, из Риги... Впечатлений было так много, что запомнилось далеко не все и не все. Потом, уже в 1990 году, когда я познакомилась с Вадимом Рудневым и вскоре стала его женой, мы говорили о том, что упустили возможность познакомиться еще тогда, в феврале 1982 года, потому что Вадим в той молодежной конференции участия не принимал... (Т.М.)

Когда Лотману исполнялось 60 лет, я уже жил в Риге и ездил в Тарту только на военную кафедру. Я ездил в Тарту часто и значения этим поездкам не придавал. В той молодежной конференции я участия не принимал, сейчас уже не помню, почему. Тем не менее я занимался в семинаре у Лотмана. Потом, много лет спустя (не так уж много по сравнению с временем настоящим) мы с Таней вспоминали яркую «молодежную» жизнь в Тарту, и я жалел, что нам не довелось познакомиться еще тогда. Может быть, моя жизнь сложилась бы иначе... (В.Р.)

Прошло еще несколько лет, изменились формы меморации прошлого, и вот в сети начала «гулять» фотография с той памятной конференции. Внизу, в углу сидит на корточках Т.Михайлова, а в самом центре в кепке рядом с Ю.М. Лотманом и З.Г. Минц стоит В. Руднев. Таким образом, мы получили документальное свидетельство того, что мы оба были в Тарту в феврале 1982 года, причем - в один день. Но при совпадении локуса и времени не произошло совпадения «действия»: один принимал участие в конференции, а другой - нет. Поэтому познакомиться мы просто и не могли, находясь как бы в параллельных мирах.

Этот необычный, но реальный случай показывает, что мы находились на разных сторонах движущейся ленты Мёбиуса (терминах книги В. Руднева «Новая модель реальности», 2016). Согласно гипотезе Жака Деррида («О грамматологии») о том, что письменная речь и более того – речевая коммуникация возникли позже, чем иконическая система информационных образов, фотография, о которой будет идти речь в докладе, возникла раньше, чем наша последующая совместная жизнь в ее эксплицитной иллокутивной перспективе. Но пока мы не знали о существовании этой фотографии, сам факт «встречи» был для нас несуществующим, что заставляет в целом усомниться в надежности свидетельств, опирающихся на память.

В ходе доклада будет продемонстрирована фотография, что даст возможность вспомнить юбилейную конференцию и ее участников.

Т.А. Михайлова
д.ф.н., профессор
Институт языкоznания РАН, РГГУ
Ведущий научный сотрудник, профессор

В.П. Руднев, д.ф.н.,
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
Ведущий научный сотрудник

* * *

М.Ю. Михеев, С.М. Евграфова (Москва)

Создание нового (паразитического) – по ходу – способом «уплотнения», или компрессии старых, в языке уже существовавших до того значений⁶³

⁶³ Благодарим Анну Зализняк за созиательную критику и действенную помощь в написании.

Речь пойдет о сравнительно новом в русском языке выражении *по ходу* (или, может быть, лучше орфографировать его дефисным или даже – слитным написанием: *по-ходу* или *походу*), пришедшего в язык из молодежно сленга. Скорее всего, это произведено усечением законно существовавшего в языке, несколько канцелярского фразеологизма *по ходу дела* (с вариантами последнего слова в виде – *разбирательства / исследования / расследования / следствия / следования / движения / лекции...* итд., итп.), или «наследованием», как бы «впитыванием в себя» семантики – любого или сразу всех из них...

Вот частота наиболее частых сочетаний, включающих в свой состав данное выражение, согласно НацКорпусу (или НК): *по ходу дела* (с глаголом *разбираться / разобраться* – с 1923 г. по 2009 г. оно встречается в НК 15 раз, но только в прозе: *Мне лишь бы по ходу дела разобраться* [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)]. Или с глаголом *Выяснить/-ить(ся)* – 11 раз, а с глаголом *Решать/-ить(ся)* – 20 раз... В подобных случаях семантика выражения прозрачна: в ней прослеживается изначальное значение слова *ход*. Однако в последние годы в разговорной речи выражение *по ходу* активно используется в совершенно ином значении, например: *Он, походу, вообще не просёк ситуацию*. Ревнители русского литературного языка такое употребление категорически отвергают, но в разговорной речи многие, особенно младшее и среднее поколение носителей языка, его используют, не испытывая при этом ни малейших затруднений. Более того, оно и по НК, т.е. в письменном языке, уже нередко. Интересно установить причины такого неожиданного развития семантики.

В докладе предполагается рассмотреть промежуточный статус выражения *по ходу*. Данное словосочетание пребывает, по сути, на грани между, во-первых, презрительно-брезгливым, но все-таки использованием его, а во-вторых – категорическим неприятием, отвержением его, иначе говоря, где-то между своей "матерью" (или известным и устойчивым в канцелярском языке выражением *по ходу дел/а* (у него по НК более 300 употреблений в прозе), с одной стороны, а с другой – всеми возможными "отцами", каковых тоже немало: их даже общее количество не может быть точно установлено. Перечислим ниже только некоторые, наиболее явные, по нашему мнению – в порядке убывания их «фамильного сходства»:

Похоже (в силу созвучия, аллитерации выражения с усечением: *Походит* на ч.-л., к.-л.); *по ходу (движения/следования)*, т.е. само гео- или топографическое значение, с указанием направления, или трафика движения: *по ходу налево/справа/вперед* итп.; *по дороге / по пути / попутно / на ходу / на бегу / по делу / кажется / не так ли / верно? / правильно? / видимо / возможно / вероятно / скорее всего / значит / стало быть / итак / подводя итог / короче (говоря) итд., итп. (а ведь тут еще и со стороны «матери» пропадают такие имплицитные составляющие (подчиняющие клаузу Р), как: *по-ходу Р = по ходу <дела/разбирательства, выяснилось/стало понятно/ обнаружилось, что, на самом деле> (Р=то-то и то-то)...**

Но чем же, собственно говоря, способно *прирастать* значение этого выражения, почему так много обнаруживается у него квазисинонимических «бабушек», «дедушек» и «тетушек»? Если рассматривать примеры, представленные в НК, то самое первое по времени употребление сочетания предлога *по* с существительным в ед.дат. *ходу* (из их общего числа 19, засвидетельствованных в Поэтическом корпусе) относится как раз к указанному выше «топографическому» значению и появляется не ранее – 1826 г., в стихотворении **Н. Языкова**: *Холодный ветер суеты / Надуй и мчи мои ветрила / Под океаном темноты / По ходу бледного светила...* [Н.М. Языков. К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву], т.е. его значение описывается так: ‘в согласии с направлением движения (в данном случае, Луны по небосводу)’: и еще 18 подобных употреблений, однако все последующие – уже на столетие позже, начиная с 1959 г. (со стихотворения **О. Бергольц** «Стихи о херсонесской подкове») и, как правило, с заполнением валентности объекта-

обладателя: *по ходу – чего?*: т.е. – по ходу какого-то процесса или совершения действия субъектом (бега, вечеринки, поезда, операции, пьесы...). Но вот только в 1989 г.(!) находим у **Парщикова** – употребление этого выражения уже без какого-либо объекта, как будто вполне современное, адвербиально (там говорится о сходстве как собеседника автора, так и Хрущева, обоюдно – с бубликом): *Черта по ходу закрепляется и снова / выпячивается* [А.М. Парщиков. Мемуарный реквием : «От поясов идущие, как лепестки, подмышки бюстов...» (1988)], иначе говоря, в значении ‘на ходу, как бы сама собой, беспрепятственно’. За ним по времени следует текст **Кривулина** (1996), у которого это наречно-обстоятельственное образование уже прочто согласуется с глаголом: *…где шепоты приобретали по ходу / очертания поезда...* (имеется в виду опять-таки – вполне тривиальный – *ход поезда*). А вот в тексте опять того же **Парщикова** на десять лет позже (1999) – с согласованием только уже с существительным (как несогласованное определение), в искомом нами значении: *Пассажир по ходу периферийный – демон раскоординированности и забвения.* («Сомнамбула на потолочной балке ангара...»). Заметим, что тут обстоятельство отвечает не на вопрос *что делает?* (*идет или едет*), а на вопрос *какой?* т.е. «пассажир» – *по ходу периферийный*.

И позднее также во многих случаях встречаем употребление вполне традиционное, с опущением глагола, таких как: *по ходу – (автобуса / движения / улицы...)*, и даже такое, как у Юнны **Мориц**, где поэт представляет свое тело – чем-то длящимся в пространстве и во времени: *Это – рукопись поэства, / Рукопись меня в природе, / Рукопись по ходу тела...* [Ю.П. Мориц. Рукопись : «Это вам не галерея...» (2008)].

Если же перейти к Прозаическому корпусу в составе НК, то там *по ходу* встречаем уже намного чаще – более 2,5 тысяч! Первым из них по времени оказывается текст **Долгорукова** (1799-1802), где «ход» – это попросту ‘движение’, или собственно ‘скорость изменения’: *Не удивлюсь, если скоро по ходу, каким идет наша мнимая филантропия в нынешнем веке, христиане сделаются вдруг деисты и уподобятся язычникам.*

Выделяется же специально, «кристаллизуется», или только-только начинает застывать в искомом нами современном значении выражение *по ходу* – где-то только к концу 19 в., вот как, например: *Но когда я сопутствовал, то приказывал брать извозчика, по ходу первого попавшегося.* [А.П. **Боголюбов**. Записки моряка-художника (1885) // «Волга», 1996]: его уже можно понять – так сказать, в том «облегченном» и формально урезанном (но по смыслу как раз расширенном!) значении: ‘совсем не выбирая, не задумываясь, как бы между делом, само собой’. То же выражение находим и в первой четверти XX в. – в значении ‘по ходу <своего движения>’: *Лодка по ходу чуть-чуть отставала от «Ермака», но все сближалась с ним, чтобы вслед за ним проскочить в пролет минного поля.* [С.Т. **Григорьев**. Красный бакен (1923)], где это употребление стоит как бы на месте вполне традиционного понимания ‘при сравнении скорости (лодки) со скоростью (парохода)’ и как бы накладывается на него.

Всего же по НК находится 2553 примера *по ходу* в прозе и 19 в стихах – первый по времени, как было сказано, в стихах – у Языкова (1811), а первый в прозе, чуть ранее – у **Долгорукова** (1799).

Того же приблизительно времени и первые примеры в значении ‘согласно показаниям, по данным <какого- то измерительного прибора>’: *По ходу хронометровъ, повѣренныхъ Астрономомъ Горнеромъ многими имъ произведенными точнѣйшими наблюденіями во время продолжительной бытности нашей у острова Св. Екатерины, вышла долгота мыса Санъ-Жуана слѣдующая (...)* [И.Ф. **Крузенштерн**. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» (1809)]. А вот значение ‘топографическое’, с указанием направления: *По ходу + (налево / слева / направо / справа / прямо / вперед / сзади / назад...)*, т.е. включая сюда даже и употребление в противоположном значении, т.е. ‘в обратном направлении’ – в прозе все

они встречаются 153 раза (и – только уже в XX в., а в поэзии вообще отсутствуют). Как вот, например, в песне **В.Высоцкого**: *Там слева по борту, там справа по борту, Там прямо по ходу – мешает проходу Рогатая смерть!* [по: Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002)].

В целом же, *по ходу* – это такое современное и все еще звучащее несколько хулигански-жаргонно сокращение, употребляющееся преимущественно в «подростковой» или «приблудненной» среде, взамен (для сокращения) принятого-официального-канцелярского – а то даже, скорее, и нескольких таких разговорных выражений, перечисленных выше, – просто некоторым удачным (или «насильственным») образом – их в себе объединяющее, контаминируя и «сжимая» их разноплановую семантику (сразу нескольких, а может быть, и всех) перечисленных выше смыслов:

Михеев Михаил Юрьевич, дфн, вис ИРЯ РАН

Евграфова Светлана Маратовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка (РГГУ; РАНХиГС)

* * *

E.A. Мишина (Москва)

Употребление форм императива от глаголов разного вида в эпистолярных жанрах XVII–XIX вв. (от семантики к pragmatike)

Как известно, в современном русском языке употребление форм императива от глаголов разного вида в контекстах с отрицанием подчиняется сложившейся функционально-прагматической дистрибуции: императив несовершенного вида (НСВ) имеет прохихитивное значение (выражается запрет: *Не открывай окно!*), а императив совершенного вида (СВ) имеет превентивное значение (выражается предостережение: *Не поскользнись!*). Как правило, значение прохихитива и превентива связывают с контролируемостью (прохихитив) и неконтролируемостью (превентив) выражаемого действия, несовершение которого пытается каузировать говорящий [Бирюлин, Храковский 1992] и др. Однако в древнерусском языке, в отличие от современного русского, на выбор вида императива под отрицанием в гораздо большей степени влияла аспектуальная семантика, на которую могли накладываться дополнительные прагматические функции [Мишина 2020]. Таким образом, на протяжении исторического периода внутри оппозиции «императив СВ vs императив НСВ» имел место семантический сдвиг по направлению от более объективных акциональных функций к более субъективным (прагматическим). Об одной такой функции будет идти речь.

С.М. MacRobert заметила, что в старославянских текстах наблюдается довольно последовательная прагматическая дистрибуция: императив СВ практически всегда употребляется при обращении к Богу, а императив НСВ в большинстве случаев, хотя и не всегда – при обращении к человеку [MacRobert 2013]. В древнерусских текстах эта дистрибуция тоже наблюдается, хотя и менее последовательно: императив СВ за редким исключением употребляется в молитвах, а в обращениях к людям СВ/НСВ встречаются примерно в равных пропорциях [Мишина 2020]. Тем не менее, начиная с древнерусского периода, в восточнославянских текстах формы императива СВ в отрицательных контекстах чаще выбираются тогда, когда просящий находится ниже статусом и/или в зависимом положении от адресата. При этом сама просьба/мольба часто стилистически строится по аналогии с обращением к Богу: *не помяни злобъ нашихъ. а кр(с)тъ к намъ цълоуи* (Киевская летопись, ср. Пс 78:8). Список частотных глаголов, встречающихся в таких контекстах довольно ограниченный: большинство лексем совпадает с частотными в молитвах (*не дай, не погуби, не оставь, не осуди, не*

покинь, не откажи и др.), ср. в молитвах: Господи, не оставь меня; Не отвергни моления моего; Не отврати лица Твоего; Не вниди в судъ с рабомъ своимъ; смерти не предажь мене и т.п.

Начиная примерно с кон. XVII в. (а продолжается эта тенденция и в письмах XVIII–XIX вв.) употребление отрицательного императива совершенного вида в эпистолярных жанрах можно рассматривать уже в качестве своего рода стилистического приема (эпистолярной формулы), когда пишущий как бы намеренно приижает себя перед адресатом, к которому он обращается с просьбой, что имеет своей целью усилить просьбу: *не остави при сеи нужде нас; не даи голодную смертию помереть; не покин женишку мою; не презри моего прошения; не отриньте, милостивой мой государь, прочтения приложенных при сем строк и др.*

Литература

- Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб, 1992. С. 5–50.
Мишина Е.А. Отрицательный императив в древнерусском языке // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 1. С. 154–181.
MacRobert C.M. The problem of the negated imperative in Old Church Slavonic // Miklosichiana Bicentennalia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča. Belgrade, 2013. Р. 277–291.

Екатерина Андреевна Мишина
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

* * *

А.Б. Мороз (Москва)

Неудобный ойконим: деревня Блядово и ее обитатели

Несмотря на кампании по переименованию населенных пунктов с неблагозвучными названиями, проводившиеся и ранее, но с особой силой развернувшиеся в 1920–1930-х гг. на общей волне переименований, и проходящие до сих пор, значительное количество таких названий по-прежнему сохраняется. Среди них встречаются и обсценные (или сейчас так воспринимаемые). Когда речь идет о микротопонимах, обозначающих луга, заимки, болота и проч., в глазах местных жителей они выглядят как курьез и объясняются или их природными свойствами (ср. болото Дристунье или озеро Пиздодрань) в Каргопольском р-не Архангельской обл.), или актуализирующим соответствующий смысл сюжетом: Блудная гора – «Туда парочки уходили после гулянья» [Березович 2009: 61]. Сложнее – когда речь идет о жилой деревне, так как с неизбежностью встает вопрос об оправданности названия, а местным жителям приходится мириться с непристойным ойконимом и катойконимом. В докладе рассматривается одна конкретная ситуация: топоним Блядово в Устьянском р-не Архангельской обл. и мотивирующие его тексты.

Как это распространено на Русском Севере, деревни как правило имеют два, а то и три наименования, из которых одно – официальное – жители расценивают как новое и навязанное, а второе как исконное и старинное – что обычно не соответствует действительности. Оба ойконима: Маньшинская и Блядово – встречаются как минимум с XVII в. В переписной книге 1692 г. деревня называется Маншинская (Бледова) в Устьменской вол. [Кузнецов 2010: 61]. Видимо, первая попытка предложить этимологию обоим топонимам, а заодно и объяснить их парность принадлежит уроженцу Дмитриевской волости краеведу Михаилу Романову: «"Маньшинская" переиначено из [зырянского] "Маньсенкор", что значит "блядье городище", а "Туткомино" составлено из слов "тють" и "коми", из которых последнее – племенное название зырян» [Романов 1925: 98]

11]. Похоже, что М. Романов опирался на устное предание, пытаясь придать ему вид научной этимологии.

В ходе полевой работы в бывшей Дмитриевской волости экспедицией РГГУ было записано более 20 текстов – местные жители весьма охотно сами выходили на разговор о курьезном топониме и предлагали его мотивировки. В их основе лежит один из трех основных мотивов:

- I) происхождение ойконима из другого языка, само иноязычное название не произносится;
- II) отантропонимическое происхождение ойконима;
- III) происхождение ойконима в связи с тем, что (первоначально) там жили в основном (гулящие) женщины.

Все три мотива представлены в нескольких реализациях и детализируются очень по-разному. Во всех случаях заметна попытка дивергенции актуализируемых в топониме смыслов и семантики соответствующего апеллятива: название возводится к антропониму (*пан Блядовский*), от иноязычного слова, от гулящих женщин, но живших здесь давно (при Петре Первом ссылали), от большого количества живших тут давно женщин (во время войны мужиков всех забрали на фронт).

Литература

Березович 2008 – *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.

Кузнецов 2010 – *Кузнецов А.* Именослов устьянских волостей. Тотьма – Вологда, 2010.

Романов 1925 – *Романов М. И.* История одного северного захолустья. Великий Устюг, 1925.

Мороз Андрей Борисович,
доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ, РГГУ

* * *

И.В. Мухачёва (Москва)

Почему тут всегда пробка?: о чём и как пишут сообщения в «Яндекс Навигаторе»

Перемещение в пространстве – будь то путь из дома на работу или путешествие из Москвы на Дальний Восток – составляет неотъемлемую часть жизни русского человека, что находит отражение и в русской литературе (мотивы дороги и странничества, образ Руси-тройки и т. п.), и в русской языковой картине мира. Как справедливо отмечает Анна А. Зализняк, анализируя «не переводимый ни на один европейский язык» глагол *добраться*, «перемещение в другую точку пространства – процесс долгий, трудный и непредсказуемый» [Ключевые идеи 2005: 96].

Находясь внутри этого процесса, перемещающийся может иметь различные потребности, испытывать разные чувства и эмоции: от необходимости узнать информацию о затруднениях на пути до желания просто поболтать. Такое средство передвижения, как личный автомобиль, на котором зачастую перемещаются в одиночку, казалось бы, лишает водителя возможности удовлетворить свои запросы. Однако современные средства связи решают эту проблему: в приложении «Яндекс Навигатор», которое многие водители используют за рулем, есть опция «Разговорчики», позволяющая оставлять на карте короткие сообщения, видные другим пользователям. В настоящем докладе будет представлен небольшой обзор и анализ того, что пишут водители в «Яндекс Навигаторе» (материал собран автором при поездках по г. Москве и по России).

Такие сообщения интересны, на наш взгляд, во-первых, с точки зрения коммуникативного намерения говорящего. Среди них встречаются речевые акты разных

типов: вопросы, в том числе риторические (*Почему тут всегда пробка???*⁶⁴; *За выходные ехать разучились?*); сообщения (*ДПС!!!; стоят друзья за бугорчиком снега*); предупреждения (*По мкаду бегает собачка! Будьте аккуратнее*); просьбы (*не тупите пожалуйста едьте*) и т. д.

Во-вторых, «Разговорчики» интересны с лингвистической точки зрения – тем, как пишущие используют русский язык и его выразительные возможности различных уровней, а также приемы языковой игры и эвфемизаций: *Кто вообще права выдает этим ездюкам?; Стоямба!; Грачи поехали на дачи* и т. п.

Наконец, иногда в «Разговорчиках» встречаются такие шедевры народного творчества, которые несомненно заслуживают внимания и будут рассмотрены в докладе:

*Пройдут года, достроят все развязки
И понесемся мы по МКАДу 150
Ни пробок, ни аварий, все как в сказке
За полчаса домой и по 50.
Полицию не будут отвлекать без дела
Таксисты перестанут подрезать
И на заправках днем и ночью
Бензин бесплатно станут раздавать
И кажется вот вот уж очень скоро
Все это непременно к нам придет
Постой-ка! кто сигналит? Да так громко!
Вот блин! Опять заснул я в пробке за рулем.*

Литература

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

Мухачёва Ирина Валерьевна,
кандидат филологических наук, МГУ имени М. В. Ломоносова,
старший преподаватель

* * *

Е.Н. Никитина, Н.В. Чудова (Москва)

«Объяснения» и «рассуждения» ИИ глазами психолога и лингвиста

Предмет обсуждения в нашем докладе является своеобразной маргиналией по отношению к текстам, находящимся в центре внимания конференции о маргинациях, поскольку основные интересы участников конференции сосредоточены на «эстетическом», «национальном», «культурном», «индивидуальном» аспектах текста. В нашем же докладе речь пойдет о текстах, порожденных ИИ. Тем самым мы обращаемся к произведениям без Я, без индивидуальности, это результаты письменной «речевой деятельности», инициатива и цель которой принадлежит не исполнителю, а внешнему каузатору. Каузатор обладает результатом, может анализировать и оценивать его, но не контролирует сам процесс производства текста, а исполнителю не принадлежит результат его деятельности и он не в состоянии рефлексировать относительно порожденного им текста, хотя по заданию каузатора может в разной степени контролировать процесс производства текстового продукта. Можно говорить о том, что фигура автора разделилась на две инстанции – личностную (человек-каузатор) и беличную (ИИ-исполнитель), или

⁶⁴ Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сообщений сохранены.

редуцировалась до второй. Если искать ближайшие аналогии в традиционном текстопроизводстве, то в плане сосуществования двух самостоятельных сфер каузатора и исполнителя текста – это ученический текст (за тем исключением, что обе инстанции личностные, и потому функции инициативы, контроля и анализа могут перераспределяться между ними), в плане отсутствия колорита «национального» и «художественного» – это научный текст. Соответственно, тексты ИИ располагают эксперта к тому, чтобы судить о них с точки зрения предметной и речевой «правильности», научной «оригинальности» и «новизны», а также с точки зрения принципов взаимодействия (отношения) человека с ИИ, поэтому тексты ИИ на тему психологии оценивали психолог и лингвист.

Охарактеризуем наш объект исследования и подходы. Благодаря усилиям программистов в последние годы появился новый объект лингвистического анализа – продукция «текстопорождающей» активности т.н. искусственного интеллекта. Генерация искусственных текстов возникает при решении задачи пояснения результатов процедуры автоматической категоризации объектов нейросетевым алгоритмом, сформированным на больших корпусах. Эти «тексты ИИ» интересны тем, что, не будучи текстами в полном смысле слова, т.е. появляясь не в результате разворачивания авторского замысла с помощью языковых средств в связное высказывание, тем не менее производят впечатление почти полноценных текстов. При первом взгляде на продукцию ChatGPT4 или Deepseek человек воспринимает её как более или менее связный текст, как удовлетворительное объяснение, как разумное рассуждение.

Целью нашего исследования являлось описание феномена «искусственного текста» как последовательности токенов, производящей на читателя впечатление текста, порождённого субъектом интеллектуальной деятельности. Характерные для человеческой интеллектуальной деятельности действия обобщения и умозаключения приписываются генеративной активности ИИ, что в свою очередь порождает отношение к символосодержащим последовательностям как к верным или ошибочным «суждениям».

Материалом послужили тексты, порождённые ИИ при классификации корпуса эссе, написанных больными депрессией и здоровыми людьми, а также сам корпус этих эссе на тему «Я, другие, мир». Получение «объяснений» и «рассуждений» в ходе процедуры классификации текстов классификатором, предобученным на большой языковой модели (LLM), осуществлено программистом ФИЦ ИУ РАН; нами было проанализировано 32 «объяснения», предложенных ИИ, а также сами эссе – 16 текстов больных и 16 текстов здоровых, которые классификатором были отнесены к категории «депрессивные». Также был проведен анализ «рассуждений», созданных на этом же материале китайским генератором искусственных текстов Deepseek.

Исследование текстов ИИ осуществлялось в следующих аспектах: 1. Жанровое своеобразие (жанр «психодиагностической интерпретации текста»: текст человека \Rightarrow искусственный текст); 2. Композиция; 3. Логическая связность и предметная (психологическая) содержательность, а также содержательная оригинальность или новизна. В ходе нашего исследования в качестве отдельного направления выделился экспертный анализ тех текстов здоровых авторов, которые ИИ ошибочно охарактеризовал как обнаруживающие депрессию (искусственный текст \Rightarrow текст человека). В них эксперт действительно может усмотреть признаки субдепрессивного состояния, что очевидным образом и послужило для ИИ основой для психодиагностической категоризации.

Результатом анализа текстов ИИ в плане «правильности» стала типология предметных и риторических «ошибок», а также статистика представленности их в изученном корпусе искусственных текстов. (При этом мы не могли опираться на существующие классификации аномалий для антропогенного текста, значимой характеристикой которых является намеренность/ ненамеренность.) Анализ в плане «оригинальности» и «новизны» приводит к мысли о том, что в зависимости от

формулировки промпта результаты взаимодействия с ИИ могут варьировать от полезных семантических находок *ad hoc* до тривиальных ответов ИИ, аналогичных откликам поисковых машин на поисковые запросы пользователя. В докладе будут представлены эмпирические результаты и теоретическое объяснение феномена доверия к искусственному тексту (анимизм, антропоморфизм).

Елена Николаевна Никитина,
канд.филол.наук, ФИЦ ИУ РАН, с.н.с.

Наталья Владимировна Чудова,
канд.психол.наук, ФИЦ ИУ РАН, с.н.с.

* * *

A.B. Носов (Москва)

Крест Павла Обнорского: сакрализация периферийного пространства и почитание

Преподобный Павел Обнорский (†1429) – ученик Сергия Радонежского, выдающийся русский анахорет. Большую часть своей жизни он провел в отшельничестве и скитаниях по пустынным лесам костромских и вологодских земель. Как и другие пустынники «монастырского возрождения» XIV – XV вв., прп. Павел искал особой духовной браны с демонами, поэтому вселялся в места их обитания, согласно представлениям средневековых книжников, что впервые было установлено автором в результате комплексного исследования памятников агиографии [Носов, 2022; Носов 2023]. Аскетическими подвигами, сугубым постом и молитвой он освящал «нечистое» пространство, чтобы в конечном итоге преобразовать его в «мѣсто свято».

Начальным этапом сакрализации пространства является воздвижение креста на месте вселения отшельника. Данный сюжетный мотив представляет собой распространенный агиографический топос [Рыжова, 2006]. Однако известны вещественные свидетельства о крестах преподобных (например, сохранившиеся кресты Саввы Вишерского, Савватия Соловецкого и Кирилла Белозерского (копия)), которые позволяют говорить о существовании практики поставления креста в начале отшельничества преподобных. Случай с крестом Павла Обнорского не раз отмечался в историографии, однако до сих не рассматривался детально. Он несколько отличается от обозначенной традиции: прп. Павел хранил меднолитой крест, который был подарен ему Сергием Радонежским перед уходом из Троице-Сергиева монастыря: «[...] дать ему непобѣдимое оружие крестъ Господень».

Пребывая в полном одиночестве и безмолвии, прп. Павел имел перед собой этот крест как единственный образ Божий, иконически развертываемый в полноценный иконостас и даже церковь, и как видимый знак сакрализации места, где он подвизался, попирая крестной силой многочисленные дьявольские наваждения, описанные в Житии в качестве мотива духовной браны. Все это позволяет поместить крест прп. Павла в один ряд с восприятием образа креста как оружия против бесов и символ сакрализации в других житиях преподобных XIV – XV вв.

После преставления прп. Павла крест стал особо почитаемой сакральной реликвией на ряду с мощами преподобного: на момент составления Жития (около 1530-х гг.) он был положен на гробе Павла Обнорского. Монастырские описи и другие источники свидетельствуют, что он лежал на гробе и в XVII – XIX вв. Крест регулярно золотился, не позднее 1687 г. для него был изготовлен кипарисный ковчег. Не позднее первой половины XIX в. к нему были припаяны два малых медных крестика и шесть образов. Изображение

и описание креста известно по публикации вологодского краеведа Н.И. Суворова (1861 г.). Среди медальонов лик Сергия Радонежского и два изображения Никиты Бесогона – яркий и понятный образ борьбы с демонами.

На протяжении всей монастырской истории почитание креста Павла Обнорского осмыслялось в русле житийных образов: крест как благословение духовного отца, великого русского святого Сергия Радонежского, и крест как ключевое орудие прп. Павла в борьбе с демонами, с помощью которого осуществлялась сакрализация пространства и последующее основание Троицкого Павло-Обнорского монастыря.

Литература

Носов А.В. Сакрализация пространства основателями русских монастырей в XIV – XV веках: автореф. дис. [...] канд. ист. наук. М., 2023. С. 3 – 24.

Носов А.В. Духовная брань преподобных в XIV – XV вв. в ходе сакрализации пространства // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 1. С. 3 – 21.

Рыжова Е.А. Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агиографической традиции Русского Севера // От Средневековья к Новому времени: Сб. статей к 80-летию О. А. Белобровой / Под ред. М. А. Федотовой. М., 2006. С. 37 – 58.

Носов Артём Владимирович
кандидат исторических наук, старший преподаватель
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

* * *

Т.А. Опарина (Москва)

Пересекая границы: путь "греков" в Россию (первая половина XVII в.)

Миграция «греков»⁶⁵ в Россию в первой половине XVII в. осуществлялась через различные пункты. В Архангельск на кораблях добирались «греки» через Западную Европу, в Путивль – через Дунайские княжества и Речь Посполитую. В Воронеж они приезжали в составе дипломатических миссий: османских или же русских. Русское правительство всячески поощряло «греческую» миграцию, покровительствуя переселению православных или изначально православных из бывшей Византии. Никаких препятствий со стороны властей не было не только для православных, но и для мусульман первого поколения. Как насилию обращенные, пройдя миропомазание, они входили в приходы Московского патриархата. Возвращение в веру предков бывших подданных султана подчеркивало роль России как последней хранительнице православия. Все это в полной мере относилось к тем, кто самостоятельно приехал в Россию (в Архангельск или Путивль). Что касается «греков», вошедших в состав османских посольств (они пересекали границы в Воронеже), то к ним отношение русских властей было более сложным. В присутствии османских послов русские чиновники, избегая дипломатических конфликтов между двумя странами, опасались принимать в русское подданство исламизированных «гречан». Сложные коллизии, возникающие в таких ситуациях и станут предметом обсуждения данного выступления.

Опарина Татьяна Анатольевна,
Кандидат исторических наук, профессор,
Заведующая кафедрой РАЖВиЗ Ильи Глазунова,
Старший научный сотрудник ИРИ РАН
с.н.с. Института российской истории РАН

⁶⁵ Под «греками» в русских документах рассматриваемого периода понимались все православные (или изначально православные) бывшей Византии: греки, сербы, болгары, влахи, арабы-христиане и др.

* * *

Я.А. Пенькова (Москва)

Для чего книжникам Руси было нужно местоимение *етеръ*?

Доклад посвящен истории местоимения *етеръ* в русской письменности XI–XVII вв. Это местоимение вызывает интерес в связи с тем, что долгое время его существования в русской письменности (до середины XVII в.) противоречит редкости и архаичности данного слова уже в старославянских текстах.

В древнерусской письменности местоимение *етеръ* также было очень редким, но при этом многозначным и встречалось в трех значениях: ‘один из двух’, ‘иной, другой’ и ‘некоторый, некий’. Судя по всему, второе и третье значения развились у этого местоимения именно на основе исконной семантики ‘один из двух’, поскольку только такое развитие подтверждается данными типологии об источниках грамматикализации неопределенных местоимений (хорошо известно развитие неопределенных местоимений из значения ‘один’). Первое значение, наиболее архаичное, представлено на древнерусской почве только в тексте Хроники Георгия Амартола и — как калька греческого местоимения *έτερος* — в Чудовском Новом Завете. По-видимому, древнерусские книжники могли воспринимать это местоимение как грецизм, хотя этимологически славянское *етеръ* и греческое *έτερος* не являются когнатами. Общее происхождение имеют только суффиксы обоих местоимений (*-ter-). В качестве показателя неопределенности местоимение *етеръ* было распространено в древнерусской письменности шире, чем в значении ‘иной, другой’. Последнее представлено в ограниченном круге преимущественно переводных источников.

В среднерусской письменности в употреблении местоимения *етеръ* происходят изменения: оно перестает употребляться в роли модификатора со значением ‘иной, другой’ и сохраняется только в функции неопределенного местоимения. По-видимому, такая эволюция связана с тем, что значение ‘иной, другой’ поддерживалось ориентацией на греческие образцы.

В качестве неопределенного местоимение *етеръ* употреблялось в самых разных семантических типах контекстов: контекстах слабой определенности (известность говорящему, неизвестность слушающему, ср. совр. рус. *один*), неизвестности (неизвестность говорящему, ср. серию местоимений на *-то* в совр. рус.) и нереферентности (ср. совр. рус. *-нибудь*), хотя обычно разные типы неопределенных местоимений специализируются на конкретных «видах неопределенности». Таким образом, местоимение *етеръ* представляло собой своеобразный «джокер», который при необходимости был способен заменить практически любой тип неопределенного местоимения.

В среднерусский период местоимение *етеръ* встречается в письменности крайне редко и только в произведениях высокообразованных книжников. По-видимому, употребление этого местоимения не может быть объяснено в полной мере только языковыми законами, его существование в книжном языке можно назвать избыточным, оно было одним из приемов демонстрации книжной учености, чем и объясняется традиция его длительного использования.

Пенькова Яна Андреевна,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

* * *

«Нам нужно *mais tempo*»: культурно-лингвистический ландшафт русской колонии Кампина-дас-Миссойнс в Бразилии

Кампина-дас-Миссойнс (Campina das Missões) расположена в самом южном штате Бразилии Риу-Гранде-ду-Сул и наряду с уругвайским городом Сан-Хавьером является старейшей русской колонией на южноамериканском континенте. Она была основана в 1909 году выходцами из многонациональной Российской империи. Среди переселенцев значатся мигранты из Бессарабской, Волынской, Гродненской, Енисейской, Минской губерний. Сегодня в Кампине-дас-Миссойнс, а также в окрестных поселениях можно найти людей старшего поколения, говорящих на русском, украинском, белорусском языках. В нескольких километрах от центра города расположена православная церковь Св. Иоанна Богослова, находящаяся в юрисдикции Русской православной церкви Московского патриархата. В 1910-1911 гг. в Кампину-дас-Миссойнс также прибыли немецкие поселенцы из других колоний Риу-Гранде-ду-Сул. До сих пор лингвистические исследования русской общины в обследованном нами регионе не проводились.

Целью доклада является выявление особенностей функционального распределения языков, присутствующих в общественном пространстве данного населенного пункта: португальского, русского и немецкого. Материал для изучения был собран командой исследователей из Института славяноведения РАН во время полевой работы в августе-сентябре 2024 года, проходившей при поддержке гранта РНФ № 20-78-10030п. В распоряжении авторского коллектива имеются фотографии надписей на административных и коммерческих заведениях, в общественном городском пространстве, а также на памятниках, культурных и церковных учреждениях, православном кладбище.

Создание надписей на русском языке и двуязычных русско-португальских надписей, а также использование в общественном пространстве изображений, связанных с объектами русской культуры, сегодня во многом обусловлено туристическими целями с перспективой привлечения бразильских и русских туристов в регион. Приведем несколько примеров. Въезжающих в город встречает скульптурная композиция, изображающая первых русских поселенцев, установленная в 2009 г. к столетнему юбилею основания колонии. Одна из площадей города названа в честь святого Владимира. На ней были обнаружены мемориальные доски, посвященные различным годовщинам в истории Кампины-дас-Миссойнс, надписи на которых преимущественно одноязычные (на португальском языке), за исключением двуязычного посвящения 70-летнему юбилею победы в Великой Отечественной войне. Также на площади силами участников молодежного фольклорного ансамбля «Тройка» установлен арт-объект в виде деревянных дощечек с надписями на двух языках: *Precisamos de – Нам нужно / mais tempo – большие времена / mais música – большие музыки / mais sol – большие солнца*.

В докладе будет проанализирован весь собранный корпус надписей, представлена их типология, контактные и диалектные особенности малоизвестной до сих пор периферии русской переселенческой культуры.

Пилипенко Глеб Петрович
к.ф.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Борисов Сергей Александрович
младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Немчинов Владислав Алексеевич
магистрант МГУ им. М.В. Ломоносова,
исполнитель проекта Института славяноведения РАН

Примо Леви: признание через свидетельство

Историческая память, при достаточной разработанности и большом количестве исследований, уже ставших классическими и опорными, до сих пор сложно определима как достаточно целостная и согласованная область исследований. Несмотря на включение вопросов, связанных с пересечением личной и коллективной памяти, определением ключевых категорий и понятий, роли и статуса субъекта, речи и воспоминаний, исследования во многом обращены к коллективным смыслам и знаниям. При травматическом столкновении с историей, которое разрушает имеющуюся повседневность и навязывает новую, значимыми являются не только факты и события, но и личный опыт и переживания. В связи с этим, один из аспектов исторической памяти связан с её обращенностью к человеку, личности как субъекту истории. В этом смысле, она предстает, с одной стороны, как направление исследований, с другой – как личное осознание и переживание опыта, личной истории.

При упоминании Примо Леви и значимости его работ в контексте исторической памяти, он рассматривается как свидетель, сохранивший описания, значимые для коллективной и культурной памяти. При этом изучение его интервью, выступлений и других работ позволяет увидеть и понять значимость и сложность индивидуального опыта. Свидетельство становится для него обязательством и вынужденным выбором, связанным с возвращением к болезненным воспоминаниям. Проживание, осознание опыта и его значимости воплощается в форме эссе, прозы, пьесы, поэзии. Через такое обретение голоса – деятельное и содержательное – становится возможным не просто сохранение в памяти, но и принятие и признание произошедшего для личности, что, наиболее ярко выражается в интервью. В том числе, как происходит изменение роли жертвы, являющейся наблюдателем и затем свидетелем. После нахождения в Лагере, происходит новое столкновение с реальностью в связи с возвращением и поиском дома. При этом Примо Леви отмечал, что не существует единой стратегии проживания и переживания травматического опыта. Способ, который выбирает человек – лишь его собственный ответ на вопрос, как и можно ли сделать полученный опыт своим.

Жизнь и работы Примо Леви показывают, что задача состоит не только в сохранении памяти, но и в необходимости размышлений о последствиях и проблемах, которые остались, хотя и приобрели другие формы. Историческая память является не только междисциплинарной проблематикой, но необходимо предполагает включение философских аспектов в силу обращенности к человеку как субъекту истории и его экзистенции.

Литература

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16-50.
2. Пилюгина М. А. Историческая память XX века: между признанием и забвением // Человек и его время: проблемы междисциплинарности социальных и гуманитарных наук / отв. ред. М. С. Киселева. М.: Культурная революция, 2021. С. 261–273.
3. Primo Levi. Conversazioni e interviste 1963-1987. Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino. 2016. pp. 352. Ebook ISBN 9788858422021.
4. Primo Levi. Auschwitz, città tranquilla. Dieci racconti. Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino. 2021. pp. 142.

Пилюгина Маргарита Алексеевна – к. филос. н.
Институт философии РАН, научный сотрудник
сектора методологии междисциплинарных исследований человека

* * *

A.A. Плетнева (Москва)

Индивидуальная молитва и новые формы гимнографического творчества XVIII-XXI века

1. В настоящее время молитвы отдельным святым очень широко распространены. Во многих храмах тексты этих молитв помещают рядом с иконами. Создается впечатление, что молитвы святым - это древний жанр церковной письменности, однако это не так.

2. Молитвы получают распространение в начале XVIII в. и связаны, по всей видимости, с практикой совершения паломничества. С одной стороны, молитва была необходима для совершения молебна конкретному святому, с другой - листовое издание молитвы (часто содержащее и изображение святого) выступало в качестве благочестивого сувенира, которые паломник приносил домой. Первые листовые издания молитв представляют собой цельногравированные листы и печатаются без разрешения церковных властей.

3. В XIX веке появляются листовые издания молитв, осуществленные с разрешения духовной цензуры. В делах Синодального архива содержатся обоснования необходимости печатания подобных листов. Как правило, эти обоснования говорят о многочисленных паломниках, которые хотят получить листы с изображением святого и молитвой ему. Листы с молитвами Сергию Радонежскому, Зосиме и Савватию Соловецким, Тихону Задонскому и другим русским святым переиздавались регулярно.

4. В 1899 г. Синод постановил печатать и цензировать листовые издания молитв в соответствии с теми же правилами, по которым печатались акафисты. Это было логичное решение. Ведь история молитв во многом повторяла историю акафистов. Так же, как и акафисты, молитвы получили широкое распространение в XVIII-XIX вв. И молитва, и акафист использовались при совершении молебнов, но могли читаться мирянами самостоятельно. Среди авторов молитв и акафистов было много не имевших специального образования мирян. В результате этого язык молитв и акафистов был сравнительно несложным, а значит понятным. Наконец, оба типа текстов отвечали потребностям людей Нового времени в индивидуальной молитве.

5. В 1915 г. по инициативе архиеп. Антония (Храповицкого) вышел сборник «Молитвы, чтомья от предстоятеля во дни различных праздников и молений церковных», включающий тексты подобных молитв. Практически сразу этот сборник вошел в основной круг богослужебных книг, что радикально меняло статус входящих в него текстов. Молитвы, которые еще недавно воспринимались как жанр, близкий к народному творчеству, приобрели характер полноправной церковной гимнографии. В последней четверти XX в. молитвы, входящие в состав этого сборника, вошли в новое издание Служебных миней.

6. В постсоветское время во многих храмах эти молитвы стали размещать рядом с мощами и иконами. Такая практика существовала и до революции, но сейчас масштабы этого явления стали куда более широкими. Распространение этих текстов является ответом на потребность в индивидуальной молитве.

Плетнева Александра Андреевна,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

* * *

«Странствующий дом» (специфика похоронно-поминальной обрядности влашских цыган из восточной Сербии)⁶⁶

Речь пойдет о рассказах цыганки в ходе беседы на сербском языке о похоронно-поминальных обычаях края, которая состоялась в селе Рготина (восточная Сербия, Заечарский край). Собеседница, Весна Николич, которая по ее собственным словам, «в школу не ходила», говорит свободно на трех языках – родном цыганском, сербском и немецком. Красной нитью ее рассказов звучит мысль о том, что ее цыганский род имеет «влашский менталитет», поскольку долгое время они жили бок о бок с влахами (румынами), переселившимися на земли бассейна реки Тимок еще в XVIII–XIX вв. Очень необычно, что собеседница при этом не говорит по-влашски и, по ее собственным словам, влашского языка не знает. Неоднократно Весна Николич повторяла важное для нее обоснование того, как складывалась ее жизнь и восприятие окружающих этносов: *ми смо ку́ћа путујућа* (букв. «мы странствующий дом»), в диалектном варианте звучащее рифмованно.

Меньше года назад женщина потеряла старшую дочь, и жители села, услышав про мои расспросы о похоронно-поминальной обрядности Тимокского края, привели к ней, справедливо полагая, что именно она «знает» и «может рассказать». В результате обнаружилось, что как раз «сторонний» цыганский этнос прекрасно владеет знаниями как о сербской обрядности, так и о влашской, которую в данном случае они восприняли со времен скинующихся по Заечарскому краю их предков. И такое следование влашской традиции в данном случае не вызывает удивления, поскольку у влахов похоронно-поминальные ритуалы включают многочисленные подробности, предписания, запреты и их мотивировки с четким обоснованием, которые связаны с развитой народной мифологией влахов о загробном мире, способах попадания туда и безбедном пребывании, в чем помочь могут оказаться родственники покойного, оставаясь «на этом свете».

В каждом фрагменте рассказа Весны Николич о своей жизни за последние годы открывалась своя обрядовая специфика (по всей видимости, не только влашская, но и цыганская), а какие-то уже известные мне ключевые моменты влашских похорон и поминок получали свое объяснение и уточнение. Особо следует выделить используемую терминологическую обрядовую лексику, которая у собеседницы также отличалась от общепринятой в этом крае на периферии Сербии. Ряд моментов народной традиции обнаруживал сходство с сербскими представлениями о похоронах, поминках и загробном мире. Например, темы о «страже» недавно умершим ворот кладбища ни разу не прозвучали в интервью с сербами в с. Рготина, тогда как во время диалога Весны Николич с присутствующей при беседе местной сербкой, оказались обсуждаемыми как само собой разумеющееся. Оживленные споры вызвала тема воды, которую следует (или не следует) ставить под покойным во время его ночного пребывания в доме: Весна осуждала то, что называется губительным «влашским колдовством» (*влашка магија*), а во время проживания в сербском селе Рготина в течение последних 12 лет, отказалась от этого обычая (чтобы недобрые люди, по ее словам, не использовали «мертвую воду» в своих вредоносных целях).

Плотникова Анна Аркадьевна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

* * *

⁶⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>

Периферическое культурное пространство в современной русской литературе

Проблема образного преломления социально-культурных особенностей периферии русского культурного пространства в художественной литературе приобрела в последнее десятилетие особую актуальность. В исследованиях Д.Н. Замятиной, В.Л. Каганской понятие «культурного пространства» рассматривается как результат «процесса «переплавки» культурой географической информации в семиотическую систему».

В творчестве Евгения Попова присутствует устойчивый круг образов и мотивов, формирующих художественную картину «культурного пространства». В романе «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» система пространственных образов является производной от индивидуальной «пространственной биографии» автора, от социальных и культурных традиций, в русле которых развивалось его творчество.

Все культурное пространство в романе писатель конструирует по принципу: чем ближе к центру – тем официальнее и фальшивее, а все настоящее, истинно талантливое и достойное располагается на периферии. Осмысление «ландшафтно-культурных» примет представлено в романе двумя главными составляющими: Москвой и городом К., «стоящим на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан». (Читатель, разумеется, понимает, что речь идет о Красноярске). Специфика авторского восприятия культурного ландшафта обусловлена четкой пространственной дифференциацией, выраженной в оппозиции «центр» (Москва) и «периферия» (родина, «город К»), и принадлежностью автора к «периферийному» культурному пространству.

Точной отсчета духовных координат героя становится «город К.». За данным локусом закреплено совершенно определенное значение: город К. – не только место рождения, но и начало духовной самоидентификации героя, своеобразный нравственный ориентир в его дальнейшем «путешествии» по стране и жизни. Также «город К.» становится в романе и воплощением русской периферии, где в силу ее удаленности от центра почти бесконтрольно и потому относительно свободно развивается народная культура. Пространственное перемещение героя из города К. в Москву есть продолжение освоения им культурного пространства. Однако герой отдает себе отчет в том, что такое направление не только перспективно для его творческой жизни, но и чревато определенными духовными потерями. Конфликт между городом К. и Москвой разворачивается в произведении как конфликт молодого писателя-провинциала и официальной культуры с ее «чванливыми советскими центрами Москвой и Питером, куда непременно требовалось приехать, чтобы хоть как-нибудь «состояться»...». Живой творческий процесс в романе Е. Попова развивается именно на периферии, являющейся носительницей неконтролируемой народной культуры, к представителям которой относится и сам автор.

В романе Алексея Варламова «Купол» присутствует культурное пространство, альтернативное официальной культуре советского периода. Интерес героев романа к иным формам культуры, кроме официально разрешенной и подконтрольной государству, является сюжетообразующей темой произведения. Так реализовывалась их потребность в «кулуарной» культуре, свободной от контроля со стороны государства.

Провинциальный городок с вымышленным названием Чагодай выглядит у Варламова собирательным образом всего позднесоветского пространства. Автор показывает провинциальный мир замкнутым, ограниченным, деструктивным, деформирующим человеческую личность: «Нигде не бывает такой жуткой и мелочной тирании, как в наших милых провинциальных городах». Чагодай, родина главного героя, в романе отчетливо противопоставлен Москве, куда тот приезжает учиться в университете. Там на героя огромное влияние оказывает преподаватель математики Евсей Наумович,

сформировавший у Никиты способность «шагнуть за рамки». Первые шаги «за рамки», «за границы» становятся для главного героя проникновением в иную, альтернативную, культурную среду. Влияние преподавателя математики соперничает в сознании героя с влиянием прагматичного и «земного» отца, чья власть над сыном продолжается посредством писем. Это также выглядит как соперничество провинции и столицы. И в этом противостоянии победу одерживает Москва. Говоря о преподавателе математики, герой признается: «Никто не имел надо мною столько власти». Выходы на Красную площадь, голодовки, самиздат, психлечебницы, лагеря, обыски – таким предстаёт в романе А. Варламова альтернативное культурное пространство в период «застойного» несвободного времени.

Итак, Е. Попов выступает апологетом русской провинции: город на «великой сибирской реке» в его романе «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» является носителем всего подлинно живого и талантливого, а официальная Москва эту живую и самобытную провинциальную культуру подавляет и в итоге губит. В романе «Купол» А. Варламов смещает эти акценты: именно провинция губит зачатки таланта, Москва же активно способствует его развитию.

Полякова Наталья Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью
Пермского научно-исследовательского политехнического университета

* * *

E.B. Потапова (Екатеринбург)

Границы художественного в пространстве неопубликованного эго- документа: художественный очерк как способ мышления в «рабочих» записях П. Бажова

Жанровый диапазон неопубликованных «рабочих» записей П.П. Бажова, на первый взгляд бессистемных, достаточно широк: в блокнотах, тетрадях и на отдельных листах уральский гений места не только записывал «чужое» [1] слово (М.М. Бахтин) – фольклор, фрагменты крестьянских писем, «словарные» записи, разговоры на улице, цитаты из художественной и историко-краеведческой литературы – но и воплощал слово «свое» [4]. Жанр художественного очерка был для Бажова наиболее продуктивным и явно «проступал» на фоне черновика газетной статьи или даже дневника.

Многие очерки в записях Бажов написал во время журналистской работы, когда ездил по области и публиковал статьи, посвященные жизни деревень и городов. В некоторых записях присутствуют очерки, в которых, вопреки установке на публицистику, пропадает художественное начало. Например, по мотивам поездки в Сарапул Бажов написал фрагмент, который не вошел в состав публикаций в «Крестьянской газете» об этом городе, но, судя по тексту, изначально был написан для этого (и даже содержал подпись – ПБ), см. характерный агитационный финал: «Главное в этом сдвиге – сбить речные темпы, во власти которых находится прикамская деревня» [ОМПУ НВФ 8105. Ф. 2. Оп. 3. Л. 4]. Однако в начале фрагмента очерк включает речь местного жителя, метко именуемого «береговым фаталистом», а также пейзажную зарисовку, не отвечающая привычным требованиям Бажова-публициста, но выдающая Бажова-художника слова: «*Окргколхозсоюз занимает просторное двухэтажное здание на самом берегу Камы. В открытые окна с трех сторон видна широкая водная равнина, сверкающая под июльским солнцем миллионами зеркал мелкой зыби*» [Там же, Л. 2. Об.].

Еще одна разновидность художественного очерка на страницах эго-документа – текст, посвященный конкретному учреждению. Таковы очерки о Камышловском

трепзаводе и об Алексее Губкине, основавшем Техническое училище в Кунгуре. Текст о Губкине не лишен художественной аллегоричности, ведь сама «старость» задает герою нравоучительные вопросы: «*Не пора ли, Алексей Иваныч, на твое дело кого помоложе ставить? Остарел ведь. То проглядел, это забыл! Непорядок это.*» [ОМПУ НВФ 8117. Ф. 2. Оп. 3. Д. 240. Л. 2.]. Герой очерка о кирпичном заводе Степан Ошивалов задается вопросом о том, почему его посыпают не на уборочную кампанию, а на завод, на что получает ответ: «*Разве не знаешь? Не читал в газетах? Кирпич такой там делают, особенный*» [ОМПУ НВФ 8106. Ф. 2. Оп. 3. Д. 226. Л. 2]. Притчевое и нравоучительное начало таких очерков во многом затмевает фактологическую основу, придавая тексту отчасти «сказочный» сюжет, в котором главный герой задает вопросы (Какувековечить свою память? Почему надо ехать работать на завод?) и в конце концов получает на них ответ.

Третий вид художественного очерка в «рабочих» записях – словесный портрет. К примеру, в одной из записей, имеющей подзаголовок «Отслоения дней» (так Бажов именовал дневниковые записи, содержащие конкретную дату), внимание пишущего сконцентрировано на попутчике, дневник здесь выступает как «свидетель-профессионал» [3] (термин М. Ю. Михеева), но практически не транслирует текст «про себя» (текст приводится в авторской орфографии и пунктуации): «*Ехал этот пассажир в другой части вагона. После Туринска перебрался, на освободившуюся скамейку напротив. Багажа у него один только, но, видимо, тяжелый мешок, засунутый под скамейку. Попытки заговаривать с нами этот пассажир делал не раз, но не удачно. Когда мой спутник фотограф выражал вслух свой восторг перед тем или другим лесным дивом он начинал бубнить.*

<...>

Теперь, когда глаз в известной мере насытился красотой нетронутого леса, захотелось узнать, что это за человек, почему он ершом топырится и слизь по всячому поводу пускает» [[ОМПУ НВФ 8109. Ф. 2. Оп. 3. Д. 231. Л. 2.].

Во многих дневниковых записях Бажов отходит от собственной фигуры, что, на первый взгляд, противоречит самому определению понятия эго-текст. Тем не менее, та информация, которую Бажов фиксирует вместо записей о себе, думается, является ценным материалом для реконструкции его *непроявленной* [2] (термин М. А. Литовской) автобиографии: Бажов как писатель рождается задолго до появления «Малахитовой шкатулки», художественный очерк оказывается для него своеобразным стилем мышления, невольно затмевающим установку как на публицистику, так и на текст «про себя».

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. – Москва, 1986.

Литовская М.А. Письма и «рабочие записи» П. П. Бажова: меняет ли «вброс» эго-текстов легендированную биографию писателя? // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография] / под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М. ; Екатеринбург, 2021. С. 119–143.

Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст. Москва, 2007.

Потапова Е.В. «Надо прислушаться и кой-какие слова игровые записать»: о жанровом составе неопубликованных «рабочих» записей П.П. Бажова // Летняя школа по русской литературе. 2024. № 4 (в печати).

Потапова Евгения Владимировна
Ассистент НОЦ «Цифровая гуманитаристика» УрФУ
Младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Центр истории литературы)

* * *

C.B. Прибора (Москва)

Борис Королев об Александре Матвееве. Непрочитанное письмо

(к 140-летию со дня рождения выдающегося русского советского скульптора Бориса Даниловича Королёва)

В Российском государственном архиве литературы и искусства в папке со «Стенограммой вечера, посвященного памяти скульптора А.Т. Матвеева»¹ от 27 декабря 1960 года было найдено адресованное событию письмо², датированное тем же числом, уже тяжело больного на тот момент скульптора-монументалиста Бориса Даниловича Королева(1885–1963) на сдвоенных тетрадных листах, сложенных пополам и насквозь прошитых вместе со стенограммой. После разбросовки в неисписанной части листа представилась надпись-резолюция карандашом, возможно, сделанная рукой председателя³ собрания: «Я не думаю [«не думаю» в резолюции подчеркнуто], что письмо Королева надо зачитать». И оно, видимо, и не было зачитано, так как это не отражено в тексте стенограммы. Письмо содержит ранее не известные подробности длительных товарищеских и профессиональных взаимоотношений двух скульпторов, подробности их совместного преподавания в Московских Свободных Художественных Мастерских⁴, где Матвеев занял профессорскую кафедру, а Королева назначил своим ассистентом. Для Матвеева это преподавание оказалось в том числе «дистанционным» и состояло в почтовой переписке, что до настоящего момента настоятельно требовало прояснения, так как в биографических справках посвященных Матвееву изданий отмечалось только, что он начал преподавать в Москве в 1917 году, а переехал в Москву, эвакуируясь из Ленинграда в ноябре 1941⁵.

Призыв Интернационала к разрушению старого мира, «мира насилия [...] до основанья»⁶ в пылающие революционные годы, 1917- 1918, в буквальном смысле охватил обе столицы. Гневная сила его с яростью обрушилась на сторожей времени – исторические памятники и ранее всего, по понятным причинам, на персонифицированные скульптурные монументы, посвященные великим князьям, имперским российским деятелям и полководцам. В построении же «нашего, нового мира»⁶ и отражении его в средствах монументальной пропаганды (по ленинскому плану 1918 г.) упор делался не только на мемориализацию новых идейных лидеров, но и на сам способ изображения – все должно было быть новым: и имя, и идея, и форма! Примечательно, что при оценке проектируемых монументов по анкете организованного в том же 1918 году Московского профсоюза скульпторов ставился вопрос о наименовании некоего «закона деформации форм»⁷! Поиски новых художественных смыслов в скульптуре в Петрограде возглавил Александр Терентьевич Матвеев, а в Москве – Борис Данилович Королев, оба – выпускники Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Их «более тесное знакомство и даже сближение»² произошло после назначения наркомом А.В. Луначарским обоих членами Коллегий по делам искусства отдела ИЗО Наркомпроса⁸ (петроградской и московской соответственно). Это были два человека, которые параллельно, не имея опоры на художественную традицию, поскольку художественная традиция в этот исторический момент, если и отражала, то лишь большую или меньшую (в зависимости от таланта автора) степень копийности, подражания модели, пришли к обоснованной трактовке организации скульптурной формы как завершенного конструктивно-пространственного построения.

¹ РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1, ед. хр. 2372. Л. 1-45.

² РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1, ед. хр. 2372. Л. 44,44об,45,45об. (автограф, чернила; «Александр Терентьевич Матвеев» везде по тексту выделено крупнее).

³ А.Т. Матвеев (род. в1878) умер в Москве 22 октября 1960 г. Председателем произошедшего через два месяца и посвященного этому памятного вечера, подготовленного секцией скульптуры Московского отделения Союза художников РСФСР (МОСХ), был М.Ф. Бабурин (1907-1984) – советский скульптор, педагог. В 1932—1936 годах учился в аспирантуре Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры у А. Т. Матвеева.

⁴ Московские свободные художественные мастерские – Свободные государственные художественные мастерские (СГХМ) организованы 5 сентября 1918 г. на основе Строгановского художественно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Преобразованы в 1920 году во ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские.

⁵ Александр Матвеев. Автор статьи и составитель Е.Б. Мурина. М.: Советский художник, 1979. С. 372,374.

⁶ Интернационал – Государственный гимн РСФСР (с 1918-1922), а затем и всего СССР (с 1922 до 1944).

⁷ Б.Д. Королев. Из литературного наследия. Переписка. Современники о скульпторе. Составление, вступительная статья, каталог и комментарии Н.Н. Фоминой и О.В. Яхонта. М.: Советский художник, 1989. С.8.

⁸ Отдел изобразительных искусств (ИЗО) Народного комиссариата просвещения РСФСР утвержден 28 мая 1918 г.

Прибора Светлана Васильевна – скульптор, заслуженный художник РФ, доцент по кафедре мастерства художника-постановщика, профессор кафедры мастерства художника мультимедиа художественного факультета АНО ВО "Институт кино и телевидения (ГИТР)"

* * *

Е.А. Притыкина (Лунд/Калининград)

Коммодификация нарративов в современных музеях

Развитие экономики впечатлений и креативных индустрий наращивает производство, превращая любой объект культурной среды в товар. В связи с маркетизацией музеев, институции используют такой метод как сторителлинг для привлечения и удержания аудитории. Несмотря на очевидные плюсы такого метода, Бён-Чхоль Хан подчеркивает, что мы живем во времена кризиса нарратива и коммерциализации повествований. Капитализм превращает нарративы в сторителлинг, лишая их глубины и рефлексии. В попытке захватить внимание зрителя, стать понятнее, а значит и ближе, музеи не только утрачивают «ауру», но и упрощают пространство смыслов, каковы они и являются. Также музеи в рамках сторителлинга используют контент посетителей для продвижения и коммерциализации, создавая своего рода метатекст (отзывы как от инфлюэнсеров, так и от обычных посетителей). Контент от посетителей эксплуатируется, становясь частью коммерческого сторителлинга.

Таким образом, музей становится пространством потребления, трансформируясь из хранилища знаний в предприятие. Эта работа анализирует коммодификацию нарративов и рассматривает альтернативные практики диалога с посетителями - более патисипаторные⁶⁷ и демократичные подходы. Объектом исследования является трансформация музейных нарративов в условиях рыночных отношений. Для этого был проведен тематический анализ материалов ГМИИ им. А.С. Пушкина, Еврейского музея и центра толерантности в Москве, а также Музея Тильзитского Мира в Калининграде. В качестве оптики взята критическая теория, в качестве методологии – герменевтика.

Коммодификация музейных нарративов приводит к упрощению исторического содержания, что может способствовать поверхностному восприятию культурного наследия. Рыночные механизмы, направленные на привлечение массовой аудитории, часто приводят к созданию «продаваемых» версий истории, ориентированных на эмоциональное вовлечение, но не всегда обеспечивающих глубокую рефлексию.

⁶⁷ Патисипаторный – англизированный вариант слова Партиципаторный Ср. Партиципаторное искусство — искусство коллективного действия, в котором реципиенты активно вовлечены в процесс создания и реализации художественного произведения. Таким образом, они становятся не просто потребителями, но производителями-создателями, формируя общность на основе солидарности, эмпатии. Коммодификация аудитории (от англ. commodity – товар, произведененный для реализации) — социологическая концепция, изучающая процесс придания аудитории массмедиа товарных качеств, свойств товара, произведенного для купли-продажи (Википедия).

Однако результаты исследования показывают, что альтернативные патисипаторные практики не только демократичнее, но и лучше соответствуют целям музеев. Практики вовлечения аудитории в создание и интерпретацию экспозиций и текстов (совместное кураторство, сбор личных историй) не только способствуют диверсификации нарративов, но и делают музеи более открытыми и инклюзивными. В отличие от коммодифицированных форматов, такие подходы позволяют музеям укреплять связь с локальными сообществами, обеспечивая презентацию разных социальных и культурных групп; формировать пространство для критического осмысливания прошлого, а не просто потребления «готовых» интерпретаций; расширять границы музеиного опыта, превращая музей не в место трансляции информации, а в платформу для диалога и совместного осмысливания.

Литература

Хан, Б.-Ч. Кризис повествования / пер. с нем. — М.: АСТ, 2023. — 128 с. — ISBN 978-5-17-152113-1.

Притыкина Елизавета Алексеевна

Магистрант, Lund University/Университет Лунда (Швеция)
Department of Service Studies, «Culture and Creativity Management»

* * *

Г.С. Прохоров (Коломна)

Воспоминание в полемическом мемуарном повествовании: эстетика и прагматика

Выкrestы, евреи принявшие христианство, издавна оказывались маргинальным явлением как в еврейской, так зачастую и в христианской культуре. Для одной общине они были изменниками, для другой – “новыми христианами”, которые то ли нестойки в вере, то ли естественный носитель транскультуральности, а вместе с ней – ересей. 2-я пол. XIX в. на фоне общей популярности мемуаристики оставила нам значительный объем публицистических текстов русских выкrestов. Для части из этих текстов характерно причудливое смешение а) миссионерской прагматики и б) апологетики перехода. Видным инструментом, призванным, с одной стороны, продемонстрировать искренность перемены веры, а с другой – дать будущим миссионерам яркий пример мирочувствования еврея, служат воспоминания. В докладе мы разберем, как в воспоминаниях, включенных в публицистику выкrestов 2-й пол. XIX в., совмещается эстетика с прагматикой.

Доклад предполагается построить на текстах Александра Алексеева (1826, по другим данным 1820; Незаринец – 1895; Вел. Новгород). Его перу принадлежали такие сочинения, как “Торжество христианского учения над учением Талмуда, или Душеполезный разговор христианина с иудеем о пришествии Мессии” (1859), “Общественная жизнь евреев, их нравы, обычаи и предрассудки” (1868), “Бывший еврей за монастыри и монашество” (1875), “Уважение евреев к священному писанию и заботливость об изучении его” (1878), “Обращение иудейского законника в христианство, особенно замечательное по своим характеристическим чертам” (1882), “Об обетованном Мессии по поводу толков современных евреев талмудистов и маловеров из христиан, неправомудрствующих об Иисусе Христе” (1886), “Употребляют ли евреи христианскую кровь с религиозною целью?” (1886), “Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа” (1891) и т.д., не говоря о множестве статей в православных журналах. Выкrestов было довольно много. Чем именно интересен А. Алексеев? Влиятельностью его текстов в среде православной иерархии и миссионеров, работавших с евреями. Знакомством с видными иерархами РПЦ. Огромной продуктивностью, так что мы имеем невероятно широкое наследие. Честностью – будучи перебежчиком и резко критикуя иудаизм, он столь же резко атакует антисемитские предрассудки, например, кровавый навет.

Одним из важнейших элементов его текстов служат воспоминания. Они – доказательства в споре. Соответственно, вводятся они строго в рамках критерия уместности. Окружающий текст, таким образом, всецело диктует, какое конкретное наполнение примет воспоминание. Алексеев был кантонистом – малолетним призывником (евреев было разрешено призывать на воинскую службу до совершеннолетия, порой в 12–14 лет). Так в полу-мемуарной и полу-миссионерской книге “Обращение иудейского законника в христианство, особенно замечательное по своим характеристическим чертам” описана его отправка в войска:

“Я опускаю мрачную картину былой кагальной системы взимания еврейских рекрут; скажу только одно, что это было скорее похоже на ловлю зверей, чем на правильное отбывание воинской повинности. <...>. Вот этой-то участи подвергся и я. Меня кагальщики скоро вырвали из дома родителей, <...> и пошел кочевать, подобно праотцу Аврааму, из одного места в другое, из деревни в деревню, из села в село, пока не достиг пристанища — отделения кантонистов. Конечно, в разлуке патриарха с родиной и оставленiem им родительского дома и моей разлукой есть громадная разница. Первого напутствовал Богъ благословением, а меня кто напутствовал? Смертный жалкий человек, – еврейский раввин. И каким словом? – речью дышащей злобою ко Христу Мессии. Он заповедал мне и всем прочим, отправляющимся со мною в кантонисты, оставаться навсегда иудеем – неверующим во Христа и всячески стараться противиться тем, которые бы вздумали наставлять нас в вере...” (с. 12–13)

Мы видим pragmatику текста – продемонстрировать степень изолированности еврейства. Показать культурную отсталость евреев, которые вылавливают детей из семей своих же евреев-соседей, как зверей (или как рабов где-нибудь в Африке). Продемонстрировать абсолютное неприятие христианства в еврейской общине. Прагматика должна настроить миссионера-читателя на те проблемы, с которыми миссионеру придется встретиться, работая с евреями.

Но есть проблема...: вербализация наррации, очевидно, не соответствует фабульному событию. Можем ли мы поверить, что выстилающая воспоминание речь, напичканная библейскими отсылками к Аврааму и праотцами, отражает детский опыт? Может ли быть выращенный в иудейской семье ребенок возмущен обращением к нему местного раввина? Можем ли мы поверить, что 14-летний ребенок, прощающийся со всеми родными и видя их последний раз в жизни, думает о теологических материях, да еще и в таких литературных красках?

Фабула и заполняющий ее язык контрастируют друг с другом. Потому что в полемическом тексте воспоминание диктуется установками и pragmatикой окружающего текста. Само же воспоминание нужно как яркая картинка, вызывающая эмоциональный ответ читателя (в данном случае – возмущение и неприятие... не государственной политики в области призыва на военную службу евреев, а еврейского фанатизма и отсталости). Эстетическая яркость, обращенная к эмоциям читателя, позволяет перебить сомнительность эпизода и встроить эпизод в идеологический каркас целого.

Воспоминания представляют важный вставной жанр в полемической публицистике, позволяющий совместить эстетику и pragmatику. Первая формирует оболочку, вызывает читательскую эмоцию; второе – реализует публицистическую задачу, во имя которой создан текст. Воспоминания перекодируют старое, фабульное, событие в современную на момент публикации идеологию публициста.

Прохоров Георгий Сергеевич
доктор филологических наук, доцент,
ГОУ ВО МО “Государственный социально-гуманитарный университет”
(Коломна, Московская обл.),
профессор кафедры русского языка и литературы

Ци оүже ти есмь զадѣла сълюци.
об одном служебном слове с лексикографических окраин

В докладе предлагается семантическое описание служебного слова **ци** и его варианта **чи** в языке памятников XI – XIV вв. Описание основано на данных древнерусского подкорпуса и подкорпуса берестяных грамот Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ).

В настоящее время **ци** и **чи** занимают одно из самых периферийных мест в лексикографических источниках. Единственная их словарная фиксация, существующая на сегодняшний день, представлена в [Срезневский 1903: 1516-1517, 1439-1441]. Но и это описание, весьма подробное и содержащее обширный иллюстративный материал, все же нуждается в ряде дополнений, уточнений и корректировок.

Семантике служебных слов **ци** (**чи**), а также их сопоставлению со служебным словом **ли** были посвящены работы [Птенцова 1998] и [Птенцова 2000], однако эти работы были написаны до появления НКРЯ. Обращение к нему позволяет существенно расширить объем материала за счет включения некоторых не учтенных в указанных работах летописных и переводных текстов, а также значительного числа деловых памятников. Кроме того, за прошедшие годы заметно пополнился корпус берестяных грамот; среди прочего, увеличилось и число фиксаций данного служебного слова в этом типе источников.

В [Срезневский 1903] **ци** и **чи** подаются как отдельные вокабулы, однако для древнерусского периода не удается обнаружить никаких семантических и синтаксических расхождений между данными лексическими единицами. Большинство фиксаций **чи** приходятся на памятники, отражающее цоканье, отчего существует вероятность орфографического смешения **чи** с **ци**; наблюдаются колебания в употреблении этих слов в составе одного и того же чтения; есть случаи использования **ци** и **чи** в одном значении в составе общего контекста. Поэтому применительно к языку XI – XIV вв. кажется целесообразным рассматривать **ци** и **чи** как одну лексическую единицу несмотря на то, что этимологически они различны (см. [ЭССЯ 1976: 194], [ЭССЯ 1977: 109-110]).

Структура многозначности **ци** (**чи**), по данным НКРЯ, устроена следующим образом. В абсолютном большинстве случаев данное слово выступает в функции вопросительной частицы и служит для введения риторического вопроса; ср. фрагмент известной берестяной грамоты 752 – женского любовного письма, содержащего горячие упреки адресату: **а въ сю недѣлю цъть до мънь զъла имѣши оже ε[с]и къ мънгѣ н[ь при]ходилъ а азъ тѧ есмѣла акы братъ сѹгѣ ци оүже ти есмь զадѣла сълюци** ‘Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я относилась к тебе как к брату! Неужто я отяготила тебя тем, что посыпала к тебе?’ (гр. 752, 1100-1120).

Кроме того, **ци** (**чи**) регулярно вводит вопросы, содержащие неуверенное предположение, и вопросы, выражающие опасение; ср. [Феодора] **глшє кто тѧ сѣмо присла <...> ци оүже преставилъ еси тако сѣмо приде** [Феодора] спросила: «Кто тебя прислал сюда? <...> Уж не преставился ли ты, что сюда пришел?» (Житие Василия Нового, кон. XI в.); **онъ же [Святослав] оүбогавъсѧ · новгородъцъ · чи прѣльстивъшє ма имоутъ · и вѣжа отан въ ноцъ** ‘Он же, испугавшись новгородцев: «А вдруг они сковорятся и схватят меня?» – тайно ночью бежал’ (Новгородская первая лет. по

Синодальному сп., 1141 г.). Контексты с вопросами-опасениями, явным образом составляющие отдельную группу употреблений, не выделяются в качестве таковой в [Срезневский 1903].

Возможность маркировать «чистый» вопрос хотя и существует для **ци (чи)**, однако реализуется, судя по данным НКРЯ, исключительно редко.

Кроме вопросительного, **ци (чи)** способно выражать условное и дизъюнктивное значения; в двух последних случаях оно выступает в качестве союза. Материал НКРЯ полностью соответствует в этом отношении описанию [Срезневский 1903].

Отметим следующее важное свойство **ци (чи)**, не зафиксированное в словаре: в абсолютном большинстве случаев это слово используется в составе прямой речи или в контекстах, максимально близких прямой речи.

Сопоставление с [СРНГ 2015] показывает значительную близость между **ци (чи)** и современным диалектным служебным словом *ти*, фонетически соответствующим [ц”и], однако словарь отражает частичное семантическое смещение: в ряде диалектов *ти* регулярно вводит «чистый» вопрос, не осложненный дополнительными модальными смыслами.

Литература

Птенцова А.В. Семантика и функции служебных слов *ци* (*чи*) и *ли* в языке памятников древнерусской письменности (XI – XIV вв.). Автореферат канд.дисс. М., 1998.

Птенцова А.В. Семантика и функции служебного слова *ци* (*чи*) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и современных диалектах // Вопросы русского языкоznания, вып. VIII. М.: Издательство МГУ, 2000.

СРНГ 2015 – Словарь русских народных говоров. Вып. 44. М.: Наука, 2015.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб: Типография Императорской академии наук, 1903.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 3. 1976. Вып. 4. 1977. М.: Наука.

Птенцова Анна Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова,
старший научный сотрудник Института языкоznания РАН
старший научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН
доцент МГУ-ППИ в г. Шэнчжэнь

* * *

E.B. Пучкова (Москва)

Поэзия эксперимента: документальный текст как пограничное между стихом и документом

Поэзия эксперимента, зачастую являющаяся по своей сути маргинальным отростком от классического представления о художественном поэтическом тексте, представляет ряд форм, в рамках которых текст может трансформироваться в визуальный образ, перформативное высказывание, манифест или документ.

Документальная поэзия – жанр, ставший популярным во второй половине XX века. Он представляет специфическую реструктуризацию изначального документа, находящегося в поле исторического или юридического контекстов. Авторы часто используют материалы судебных приговоров или заседаний, которые в своем новом качестве и форме становятся предметом поэтического дискурса. Более того, “документальность текста сама обращается в прием” [Тесля А., 2012: С.8], таким образом, нивелируя примитивную функцию изначального текста.

Принято определять документальную поэзию очевидной маргиналией среди художественных поэтических форм. Однако граница между художественным и нехудожественным шатка: она обусловлена избираемой исследовательской оптикой [Лотман М., 2022: С.8]. В книге “Поэзия и Проза – Поэтика и Риторика” Михаил Гаспаров пишет об античной поэзии, как о роде текста, приближенном к речи. Все незначительное и сложное вычищается из поэзии ввиду устной формы ее передачи [Гаспаров М., 1994: С.10]. Таким образом, поэтический текст как таковой становится документом повседневности, отражающим основную специфику речи своего носителя. Более того, поэтическая форма в антропологическом отношении так же может наделять текст документальностью, отражая в нем фундаментальное культурное воображаемое [Geertz Cl., 1976].

Тем не менее, поэтический текст принято прежде всего отождествлять с художественной формой, наделяя его всеми признаками искусства. Документальная поэзия находится на периферии исследовательских филологических интересов: она является пограничной формой между выразительным осмыслением исторического события, как правило – трагического, и организованным поэтическим текстом, обладающим ритмом, строчным и строфическим смысловым делением, и звучанием [Маслова, 2010: С. 177]. Использование сухих академических, юридических или исторических материалов предполагает, что текст изначально лежит за рамкой искусства [Тесля А., 2012: С.8]. Он не может быть миметичным, поскольку не отражает реальное, но буквально исторгается из precedента фиксации этого реального в документе.

Примером могут послужить два наиболее известных текста: англоязычная поэма Дж. Резникоффа “Холокост”, которая была составлена из материалов суда над Эйхманом, и русскоязычная поэма “Приговоры” Лиды Юсуповой, в основу которой легли приговоры российских судов. Оба эти текста радикально отличаются от изначальной текстуальной формы, в которой существуют основные смыслы произведений. Однако их форматирование трансформирует каждый из текстов в полноценные поэтические произведения, в которых за жестом автора скрывается художественное драматургическое начало. Возникает вопрос, кто является автором документального поэтического текста? Можем ли мы назвать автором дескриптора исторического момента? Или субъектность все же принадлежит поэту, как наделяющему текст новым качеством автору? Действительно ли текст наделим новым качеством, преобразован в радикально другое смысловое высказывание?

Для представления о документальной поэзии, как законном ответвлении поэтической традиции, эти вопросы являются камнем преткновения. В той же степени, в какой отсутствие всяких тропов делает этот вид текста маргинальным для поэтики – использование фактов, свидетельств, сводок с реальными историческими событиями лишает текст образности и метафорической фактуры повествования. В результате исследователи могут воспринимать документальную поэзию как жанр, который не вписывается в устоявшиеся рамки литературного анализа.

Тем не менее, именно способность сочетать художественное выражение с документальным отражением реального делают этот вид экспериментальной поэзии направлением, способным соответствовать задаче поэтического текста: познание себя и мира посредством яркого эмоционального переживания.

Список литературы

- Гаспаров М.Л. "Поэзия и проза-поэтика и риторика." *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. 1994. 126-159.
- Лотман Ю.М. *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Litres, 2022.
- Маслова Ж.Н. Поэтический текст как объект исследования в рамках когнитивного подхода // Социально-экономические явления и процессы. - 2010. - С. 174-183.
- Тесля, А.А. "Документальная проза: проблема и история жанров." *Ученые заметки ТОГУ 3.1 (2012): 7-17.*

Юсупова Лида. *Приговоры: книга стихов*. Новое Литературное Обозрение, 2020.
Geertz, Clifford. "Art as a cultural system." *mln* 91.6 (1976): 1473-1499.
Reznikoff, Charles. *Holocaust*. David R. Godine Publisher, 2007.

Пучкова Елизавета Владимировна
бакалавр Свободных Искусств и Наук, СПбГУ
студент 1ого курса Магистратуры
МГУ им. М.В. Ломоносова, Философский Факультет, напр. Цифровые трансформации в культуре

* * *

Шура Раханская (Москва)

«Семейная ипотека» середины XIX века в чиновничьей переписке длиною в шесть лет

На страницах «Дела о выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами И.Г., С.И., А.И., А.И., Ш.И. и А.И. Печковских селения Клин Мстиславского уезда Могилевской губернии (08.11.1867 – 26.05.1873)»¹⁾, хранящегося в Российском государственном историческом архиве, разворачивается история помещичьей семьи среднего достатка, которой посчастливилось или которую угораздило взять в середине XIX века кредит на приобретение имения в Нашковицкой волости Могилевской губернии.

Дело содержит около 60 отношений между ведомствами Российской Империи и письма-обращения Ивана Гавриловича Печковского, католика, и малолетних детей его. Кроме Печковских, в переписку оказываются вовлечеными вольно или невольно десятки людей, от крестьян дощохозяев селения Клина до министра финансов. За годы бумагооборота в Могилеве сменяется три губернатора, а в семье Печковских уходит из жизни жена Ивана Гавриловича Констанция, успевает выйти замуж и уйти в послед матери старшая дочь София.

Архивные документы позволяют представить жизнь обитателей имения, потомком одного из которых, Александры Ивановны Печковской, является автор доклада, и проблемы, возникавшие у заемщиков в ходе крестьянской реформы.

Ефимова Александра Ивановна,
к.ф.-м.н., доцент, доцент физического факультета МГУ
(Шура Раханская – псевдоним для публикаций нефизического содержания)

* * *

А.И. Резниченко (Москва)

Л.П. Карсавин, евразийство и фашизм

Название доклада совершенно сознательно отсылает к известной статье С.С. Хоружего «Л.П. Карсавин, евразийство и ВКП», в которой впервые в отечественном карсавиноведении описывались интеллектуальные и биографические сюжеты, связывающие воедино замечательного религиозного философа и историка-медиевиста Льва Платоновича Карсавина, эмигрантскую группировку, с которой он короткое время был связан, а по другим источникам – даже и возглавлял, - и правящую партию в СССР. В настоящее время эти линии хорошо исследованы. Тем интереснее проанализировать другие линии, ведущие от евразийства не на восток, в Советскую Россию, а на запад, в фашистскую Италию.

¹⁾ РГИА Ф. 577. Оп. 19. Д. 561

17 апреля 1928 года Л.П. Карсавин в рамках деятельности парижской группы евразийцев делает доклад на тему «Евразийство и фашизм», в котором предполагалось провести «параллели между этими явлениями. Пункты[,] в которых евразийство сходно с фашизмом и в которых отлично» - и этот доклад считается последним евразийским публичным выступлением Карсавина⁶⁸. Попробуем провести эти параллели и мы – опираясь, прежде всего, на «евразийское завещание» Карсавина («Проект истинной декларации евразийцев или им мое [Л. П. К.] философски-политическое[,] но общепонятное завещание[.] 1929») и на цикл статей «Политические очерки современной Италии» (вып. 1 – в 4 номере газеты «Евразия» от 15 декабря 1928 г.), приписываемый А. Клементьевым Л.П. Карсавину, а О. Ермишиным – другу Карсавина историку Н. Оттокару, но в любом случае снабженным вступлением «От редакции»: «Следя внимательно за всеми современными проблемами государственного устройства, редакция “Евразии” не может не остановиться на таком крупном явлении..., как итальянский фашизм. Расходясь во многом с фашистским движением, евразийцы считают, однако, необходимым объективное академическое описание этого явления»⁶⁹. Это описание было дано. Насколько оно академично – судить не нам, но целый ряд тонких наблюдений над соотношением фашистской власти и старых элит, фашистской партии – и других партий, наконец, тоталитарного государства в европейском его изводе – и культуры, как кажется, сохранили свою эвристическую ценность.

Все параллели с современностью случайны.

Резниченко Анна Игоревна
доктор философских наук, профессор
кафедры Истории отечественной философии философского факультета РГГУ,
вед. науч. сотр.-ответ. хран. Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина МОК

* * *

М.С. Ремизова (Москва)

«Срифмуй "любовь" и "кровь"…»

То, что Эрос и Танатос неразрывно связаны и, собственно говоря, представляют собой нечто вроде инь-яна, т.е. единство и борьбу противоположностей, люди догадались довольно давно. Владимир Соловьев в работе «Смысл любви» приписал формулировку этой идеи Гераклиту: «Дионис и Гадес – одно и то же» (хотя и не назвал автора напрямую), но вслед за ним в статье «Метафизика пола и любви» это повторил Бердяев («Уже Гераклит учил, что Гадес и Дионис один и тот же бог»), уже прямо назвав автора, хотя у Гераклита вместо Диониса стоит Зевс. Из дальнейшего текста Соловьева понятно, что Дионис и Гадес в данном случае выступают прямыми аналогами Эроса и Танатоса: «Дионис, молодой и цветущий бог материальной жизни в полном напряжении ее кипящих сил, бог возбужденной и плодотворной природы, – то же самое, что Гадес, бледный владыка сумрачного и безмолвного царства отошедших теней. Бог жизни и бог смерти – один и тот же бог... Закипающая в индивидуальном существе полнота жизненных сил не есть его собственная жизнь, это жизнь чужая, жизнь равнодушного и беспощадного к нему рода, которая для него есть смерть».

Идея взаимосвязи Эроса и Танатоса была в дальнейшем разработана Фрейдом и его последователями, став одним из самых больших бриллиантов в сокровищнице психоанализа.

⁶⁸ См.: Клементьев А.К. Материалы к истории деятельности Л. П. Карсавина в Евразийской организации (1924–1929 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С.425. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-36-399-510.

⁶⁹ Евразия. № 4 от 15 декабря 1928 г. С. 4.

Но в каком-то смысле философы и психоаналитики ломились в открытую дверь: то, что любовь и смерть – неразлучная парочка, с незапамятных времен стало общем местом в поэзии, да и вообще в литературе, а впрочем, и в искусстве в целом. Однако то, что «умирать (и умереть) от любви» – не просто поэтическая метафора, выяснилось не так уж давно. Прекрасная наука биология, проследив эволюцию от простого деления клеток до полового размножения, неожиданно подтвердила, что умозрительные рассуждения философов и образные находки поэтов и имеют под собой прочную материальную основу. На уровне одноклеточных организмов, размножающихся простым делением, теоретически говоря, смерти не существует: клетка просто делится, и из одной возникают две, совершенно идентичные (разумеется, в идеальной модели типа математического маятника). Но не существует там и любви: ни одна клетка не стремится «обняться» с другой и сливаться с ней в любовном экстазе, ни одна клетка не страдает от отсутствия другой, не тоскует по ней и так далее, и тому подобное.

Лишь на уровне многоклеточных, когда в процессе размножения целых организмов главную роль начинают играть гаметы – половые клетки с половинным набором хромосом, где слияние именно таких клеток, полученных от двух разных организмов, приводит в итоге к возникновению третьего, на сцену выходят и любовь (взаимное влечение друг к другу), и индивидуальная смерть – потому что воссоздать и продолжить себя в своих потомках во всей полноте уже невозможно. И индивидуальное существование оказывается трагически и необратимо конечным.

Любопытно, что на заре человечества буквально все мифологии мира, в том числе и тех культур, которые не имели вообще никаких соприкосновений друг с другом, каким-то образом уловили, что обреченность живого смерти была не изначальной: потому что сюжет о возможном бессмертии для людей, которого они лишаются по то или иной причине – в результате собственной ошибки или обмана другими существами, например, – существует во всех уголках Земли. И часто (как, например, в самом известном библейском сюжете об изгнании из рая) такие сюжеты напрямую увязывают смерть с любовью и размножением.

Ремизова Мария Станиславовна,
литературный критик

* * *

М.Ю. Реутин, В.А. Черванёва (Москва)

Южно-немецкая легенда о штанах Закхея и ее славянские параллели

В средневековом немецком шванке «История и сказание о Попе из Каленберга» Филиппа Франкфуртера (опубликован в 1473 г.) описывается сцена, когда заглавный персонаж во время крестного хода вместо хоругви носит на шесте свои портки (“ein pruch er an ein stangen hieng” [Bobertag 1884: 77]). Хотя этот мотив в тексте шванка получает комическую разработку, он имеет реальную основу в праздничной обрядности немцев.

Как отмечает В. Рёке, в средневековой Германии и Австрии был широко распространен обычай вывешивания знамен на празднике освящения церкви, который тесно увязывался с библейским образом мытаря Закхея (Лк. 19: 1-10) и легендой о том, что Закхей, желая увидеть Христа, забрался на высокую смоковницу, а потом, после обращения к нему Спасителя и призыва спуститься, так поспешил, что зацепился штанами за ветку и оставил их висеть на дереве [Röcke 1987: 182].

В современной Германии связь праздника освящения церкви (Kirchweih) с мотивом штанов Закхея прослеживается только в Баварии (в католических общинах). Празднование происходит каждый год в третье воскресенье октября, и начинается оно с вывешивания на церковной башне красно-белого знамени, называемого *Zachäusfahne* (« знаменем Закхея»),

которое символизирует штаны этого библейского персонажа. Легенда, которая бытует в настоящее время и поддерживается масс-медиа, повествует о том, что Закхей, забравшись на дерево, порвал свои красные штаны, и из-под них стала видна его белая рубаха, что объясняет красно-белый цвет праздничного флага. Современный вариант праздника – с ярмаркой, обильным застольем, народными гуляниями – приурочен ко времени сбора урожая, тогда как в средневековом шванке упоминание о «вывешенных штанах» происходит в контексте весеннего пасхального периода. В связи с этим напрашивается параллель со славянским материалом – обрядом «шить Фоме штаны», который проводится на второй неделе после Пасхи и выполняет продуцирующую функцию [Рычкова 2020].

В докладе предполагается рассмотреть структуру и семантику составляющих элементов обрядовых комплексов и проследить типологические схождения.

Литература

- Рычкова 2020 – Рычкова Н.Н. Как жители Самойловского района Фоме штаны шили // «Осколки» в традиции: Коллективная монография / Сост. Е.Е. Левкиевская, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова. М.: Неолит, 2020. С. 201–214.
- Bobertag 1884 – Narrenbuch / Hrsg. F. Bobertag. Berlin; Stuttgart, 1884.
- Röcke 1987 – Röcke W. Die Freude am Bösen. Studien zu einer Poetik des deutschen Schwankromans im Spätmittelalter. München: Wilhelm Fink Verlag, 1987.

Реутин Михаил Юрьевич,
доктор философских наук, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории
историко-литературных исследований ИОН, РАНХиГС

Черванёва Виктория Алексеевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ

* * *

M.M. Ровинская (Москва)

Графоманы пишут детям: опыт типологизации конкурсных произведений для подростков

В ходе исследования проанализировано более ста прозаических и поэтических произведений для подростков, написанных современными авторами в рамках большого литературного конкурса. Анализ этих произведений, в первую очередь прозаических, позволяет выделить некоторые общие черты, свойственные «неудачным» текстам, которые составляют большую часть материала, присланного на конкурс. В них ожидаемо присутствуют ностальгические мотивы, воспоминания о собственном советском детстве, которые взрослые писатели переносят в литературу для современных подростков. Есть и неуклюжие попытки «актуализировать» в целом довольно архаичные для молодежи тексты, например, вручив героям смартфоны. Но в некоторых конкурсных работах обнаружились некоторые неожиданные свойства, которые, как представляется, обессмысливают поставленную перед автором задачу: произведения рисуют такую картину детства, которое, вряд ли кто-то хотел бы пережить.

Ровинская Мария Михайловна,
доцент кафедры русского языка МАрхИ

* * *

O.C. Румянцева (Москва)

Специфика автобиографии Иоанна Павла II: святой и политик о себе самом

Иоанн Павел II (в миру Кароль Войтыла) (1920-2005) – одна из важнейших фигур в польской и мировой истории XX века. Первый славянский папа римский был не только популярным религиозным лидером (на родине, в Польше, более 700 памятников в его честь, а свыше 2 300 географических объектов и организаций носят его имя), но и влиятельным политическим деятелем: понтифик стал одним из символов краха коммунизма.

В центре внимания доклада – автобиография Иоанна Павла II (2007 г.), изданная после его смерти (высказывания папы римского о его жизни собрали в его речах, проповедях и воспоминаниях, письмах и интервью Юстына Килианьчик-Жемба). По данным издательства «Wydawnictwo literackie», книга стала бестселлером в Польше, а общий тираж составил свыше 300 000 экземпляров.

В докладе будут рассмотрены жанровая специфика произведения, стилистические особенности и прагматика текста. Автобиография Иоанна Павла II находится на пограничье религиозного и политического дискурсов: наравне с фрагментами, описывающими духовный опыт или проповедующими принципы христианской жизни, в книге приведены высказывания понтифика о политических событиях (больше всего внимания уделяется периоду Польской Народной Республики). Чертой произведения, объединяющей обе обозначенные темы, является персузивность, чему в том числе служат эмоционально окрашенные оценочные лексемы.

Другая особенность текста заключается в личности автора: 27 апреля 2014 года Иоанн Павел II был канонизирован. Наблюдается ли сближение текста с произведениями агиографическими на уровне формы и выбора языковых средств? Применим ли к произведению термин *автожитие*? На эти вопросы мы постараемся найти ответы в рамках доклада.

Румянцева Ольга Сергеевна,
младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

* * *

М.И. Рухмаков (Москва)

О работе архимандрита Макария (Глухарева) над переводом «Исповеди» блаженного Августина: реконструкция по эпистолярным источникам

В данный доклад войдут результаты продолжающегося исследования такого отечественного историко-интеллектуального процесса как русская «августиниана», период расцвета которого пришелся на вторую половину XIX – начало XX века. Исследовательский интерес для нас в данном случае представляют как отдельные рецепции учения Гиппонского епископа русскими светскими и религиозными авторами, так и анализ процесса переводов и изучения текстов блаженного Августина в России.

Хотя имя латинского учителя было известно на Руси уже в первые века после принятия христианства по византийскому образцу, подтверждением чего служит его упоминание в одной из древнейших датированных книг – «Изборнике Святослава 1073 года», вплоть до XVI в. до нас доходят лишь отдельные немногочисленные упоминания о нем или о переводах его сочинений. Полноценный подъем «русского августинизма» принято связывать уже с XVIII веком, когда на фоне петровских преобразований реалии новоевропейской жизни, науки и культуры стремительно ворвались в русскую жизнь, а его отдельные труды были рекомендованы в российской духовной школе для изучения

главных догматов веры. Логичным продолжением растущего интереса к Августинову наследию должно было стать издание корпуса хотя бы основных его трудов на русском языке.

Так, в 1880-е годы усилиями главным образом масонских издательств появляются русские переводы основных трудов Августина – «De civitate Dei» и «Confessiones». Первым переводчиком «Исповеди» выступил архим. Агапит (Скворцов), однако его перевод, изданный в Москве в 1787 г. и выполненный с латинского текста, так и не сумел достичь широкого читателя, ввиду начавшихся преследований масонов со стороны императрицы Екатерины II, и тогда конфискации подверглись практически все нераспроданные экземпляры сочинений блж. Августина. В результате общедоступный перевод «Исповеди» на русский язык появился лишь в 1880 г. в составе проекта «Творений блаженного Августина» при Киевской духовной академии.

Тем не менее между выходами «Исповеди» в переводе иеромонаха Агапита в конце XVIII в. и в переводе профессора латинского языка КДА Д. А. Подгурского в «Трудах Киевской духовной академии» во второй половине XIX в. была осуществлена еще одна попытка отечественного перевода текста в первой половине XIX в. за авторством начальника Алтайской Духовной Миссии архимандрита Макария (Глухарева) (1792-1847), видного православного миссионера, канонизированного Русской Православной Церковью, оставившего также заметный вклад в качестве переводчика книг Священного Писания (Ветхого Завета) и святоотеческих творений. Основная богословско-переводческая и литературная деятельность отца Макария пришлась на годы его пребывания в Глинской Богородицкой пустыни (1825-1829), где он переводил «Беседы» св. Григория Двоеслова, «Лествицу» преп. Иоанна Синайского и в том числе «Исповедь» блж. Августина.

К сожалению, о. Макарий так и не сумел при жизни закончить перевод сочинения Августина и издать его, по всей видимости, ввиду своей большой занятости начиная с 1829 г. в миссионерском деле, и рукопись перевода не дошла до нас. Однако мы можем до определенной степени реконструировать ход переводческой работы над текстом «Confessiones» по сохранившемуся эпистолярному наследию отца Макария, среди которого особенно примечательна его переписка со своим духовным наставником митрополитом Филаретом (Дроздовым).

Рухмаков Матвей Игоревич,
соискатель ученой степени кандидата наук (окончание аспирантуры - 2024 г.) Философский
факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра истории русской философии

* * *

Ирина Савкина (Тампере, Финляндия)

Дневники подростков оттепели – опыт работы над сборником

Исследовательская и редакторская группа Центра изучения эго-документов «Прожито» задумала проект серии сборников дневников подростков разных периодов времени, составленных из текстов, которые хранятся в фонде Центра.

Первой стала книга «Хочется жить во всю силу...» (Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. Ред.-сост. С. Николаева и И. Савкина), составленная из дневниковых текстов подростков, 1943–1948 года рождения, чье отрочество и ранняя юность пришлись на тот исторический период, который именуют «оттепелью».

Из всего корпуса дневников старшеклассников, написанных в 1960-е годы, были отобраны семь, исходя прежде всего из критерия разнообразия – гендерного, социо-культурного, стилевого и т.д.

Авторы отобранных дневников — люди примерно одного возраста, но различного бэкграунда и разных возможностей: это жители Москвы (Сергей Попадюк), Ленинграда (Алла Сарибан), Уфы (Михаил Балашов), Тамбова (Галина Щербакова), Калинина (Сергей Глушкин), Череповца (Зинаида Лыкова (в замужестве Лелянова)) и деревни в Рамешковском районе Калининской области (Виктор Архиреев). Все они испытывали потребность вести дневник и делали записи годами, некоторые — почти всю жизнь. Для публикации были выбраны только фрагменты, относящиеся к последним школьным годам.

Семь выбранных дневников очень индивидуальны и в то же время имеют нечто принципиально общее. С одной стороны, условия жизни, уровень достатка в семье, степень образованности родителей и их заинтересованности в жизни и развитии детей, возможность доступа к материальным и интеллектуальным ресурсам, окружающая среда, качество школьного и дополнительного образования у наших авторов не одинаковы. И, естественно, разнятся их характеры, степень литературной одаренности, способности и навыки саморефлексии. Различия очевидны и выразительны, но на их фоне особенно явственно проступает общность. В какой-то степени все семь текстов можно рассматривать как своего рода метатекст, как некий «дневник подростка оттепели»: в них есть общая атмосфера открытости будущему, ощущение полноты и осмыслинности жизни, которое, согласно многим воспоминаниям и исследованиям, было характерно для эпохи оттепели.

В докладе будут обсуждены вопросы, которые возникали и решалась в ходе работы над сборником, в частности, следующие:

Насколько этично публиковать дневники обычных людей, которые, как правило, пишутся без расчета на публикацию?

Что изымать при публикации, как сокращать текст, как обозначать изъятия и сокращения?

Необходимо ли с помощью каких-то публикаторских стратегий подчеркивать (прочерчивать) в дневниках сюжет «Оттепели»?

Что и почему остается не проговоренным и/или незафиксированным в дневниках и как об этом сообщить читателю?

Чем могут заинтересовать читателя и/или исследователя дневники никому не известных молодых людей, принимая во внимание то, что эпоха Оттепели широко представлена в эго-текстах взрослых людей и профессиональных литераторов (Корней и Лидия Чуковские, Юрий Нагибин, Александр Твардовский, Алексей Кондратович, Федор Абрамов, Владимир Лакшин и др.)?

Ирина Савкина, PhD,
независимый исследователь

* * *

Д.Д. Смолев (Москва)

Картины в кинофильмах: апоприация художественной эстетики»

В истории кинематографа немая эра отметилась не только выработкой особых условностей на экране, но и первыми теоретическими трудами, — как правило, эссенциалистскими, — призванными обособить язык нового искусства от языков театра, живописи, фотографии и др. Однако в процессе поиска самоидентификации кино вовсе не отказалось от синтетического принципа, не прервало диалога с другими искусствами, но принялось вести его на других основаниях — вместо подражания пришла апоприация «чужих» художественных средств, осознанное включение их в киноткань. Иногда режиссеры довольствовались повтором известной живописной композиции, иногда помещали репродукции или оригиналы полотен в кадр, иногда намекали на тот или иной шедевр, имитируя его эпоху, палитру, оживляя его героев. На примере фильмов Альфреда Хичкока («Психо»), Стэнли Кубрика («Сияние»), Джима Джармуша («Пределы контроля») и Ларса фон Триера («Меланхолия») в докладе будут проанализированы

модернистские и постмодернистские способы цитирования живописных произведений, а также стратегии их существования в сюжете и стилистике фильмов.

Смолев Даниил Дмитриевич, старший научный сотрудник
Государственного института искусствознания (ГИИ, Москва)
Кандидат философских наук. Доцент кафедры Истории театра и кино РГГУ

* * *

Е.И. Спешилова (Великий Новгород)

«Неужели автобиография обречена быть тщеславным проектом?»: смирение и тщеславие в дневниках Людвига Витгенштейна

В докладе исследуются дневники Людвига Витгенштейна (1889–1951), выявляется антропологическое значение автобиографии как практики самосозидания, рассматривается дилемма между тщеславием и смирением, свойственная автобиографическому дискурсу.

Детально анализируются первые сохранившиеся и доступные читателю автобиографические свидетельства философского характера, связанные с жизнью Л. Витгенштейна, – «Дневники 1914–1916», на основании которых в дальнейшем возник «Логико-философский трактат», и так называемые «Тайные дневники 1914–1916», имеющие более личный характер и написанные особым кодом. Кроме того, рассматриваются личные записи конца 1929 – начала 1930-х гг., в которых философ всерьёз задумывался о написании автобиографии.

Размышляя над проектом автобиографии, Витгенштейн пишет о возможности самых разнообразных форм повествования о себе, как достойных, так и недостойных: «...среди искренних автобиографий, которые можно бы написать, есть все градации от высшей до низшей», – а самим фактом написания автобиографии человек может не улучшить себя, но сделаться даже «хуже, чем был изначально». Речь в данном случае идет об искушении эстетизации своей жизни в автобиографии, дистанцировании автора (себя в настоящем) от персонажа (себя в прошлом) и попытках ретроспективно выявить (или даже сконструировать) жизненные последовательности, создав некий нарратив о себе.

В своих дневниках 1930-х гг. Витгенштейн постоянно рефлексирует над тем, действительно ли он честен перед самим собой, и беспокоится, что его записи пронизаны тщеславием. Он презирает тщеславие, но постоянно обнаруживает его в себе: «...все или почти все, что я делаю, включая эти <дневниковые> записи, окрашено тщеславием, и лучшее, что я могу сделать, это как бы отделить тщеславие, изолировать его и, несмотря на него, поступать правильно, даже если оно всегда наблюдает <за мной>. Только иногда его нет». Посягательство тщеславия может исказить любое стремление к незапятнанному, чистому движению мысли к самопознанию и превратить самооткровение в самообман, побуждая представлять себя в лучшем свете, нежели на самом деле. Дневники этого периода показывают самую суть дилеммы Витгенштейна: «Могу ли я быть достаточно скромным, чтобы достичь своего рода истинного самопознания? Скажу ли я что-нибудь о себе, что не было бы ложью, выдумкой, предназначенней для того, чтобы улучшить портрет самого себя, который не имеет никакого отношения к тому, кем я являюсь за пределами этого портрета? Неужели автобиография, независимо от намерений, обречена быть *par excellence* тщеславным проектом?».

Безусловно, в таком самообличении отражаются гиперкритическое, требовательное отношение Витгенштейна к самому себе, сопротивление поверхности и ориентация на этическую серьезность и целостность. Автобиографические заметки с их покаянным характером, несмотря ни на что, функционируют для Витгенштейна как реагент на

самовозвеличивание. В качестве антитезы тщеславию позиционируется стремление к смирению, к которому философ регулярно себя призывает, начиная еще с военных лет и продолжая в дневниках позднего периода.

Спешилова Елизавета Ивановна

Научный сотрудник НОЦ «Гуманитарная урбанистика»

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

* * *

E.B. Степанян, Т.В. Кузнецова (Москва)

Маргинальное творчество, проект «Наивно? Очень!» и князь Мышкин-аутист

1. Известны описания болезненного состояния князя Мышина: «...я только молча смотрел... я всегда, если болезнь усиливалась... впадал в полное отупение, терял совершенно память, а ум хотя и работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось».
2. Это - картина, фрагменты которой напоминают так распространившийся сегодня аутизм с типичными для этого состояния эпилептическими включениями (оммаж покойному Николаю Богданову).
3. Впоследствии картина состояния героя меняется на противоположную аутической: в замкнутой в свою внутреннюю тюрьму душе расцветают исключительные качества: духовная чуткость, умение прикоснуться к чужой душе, словом, преодоление отдельности от окружающих.
4. Эмпатия князя направлена вовне, к другим людям. Чувствительность классического аутиста (а может, и вообще современного человека) направлена вовнутрь, к самому себе, к своей боли. Но в то же время стихи, афоризмы, картины таких больных способны передать проникновенное чувство мира, понимание другого человека. Возможность выхода из своей внутренней темницы, «мышинского» переживания братства с людьми им дает творчество.
5. Московский проект «Наивно? Очень» (создан в 2010 году, посвящен социализации людей с ментальными особенностями) существует с девизом «Художественное творчество для таких людей – мостик в наш мир...» Интересно, что в галерее представлены работы художника Николая Бондаренко, иллюстрирующие роман Ф.М. Достоевского «Идиот».
6. Образы, соотносимые с персонажами и ситуациями «Идиота», обнаруживаются и в произведениях других мастеров галереи «Наивно? Очень!». Но самой художественно богатой является сюита картин, представленных Тимуром Штроманом. Его работы, сюжетно не связанные с романом Достоевского, но глубоко ему созвучные, представляют один из самых интересных примеров «параллельного иллюстрирования», перед которым открываются большие и еще не освоенные оформительские возможности.

Кузнецова Татьяна Владимировна,
кфн, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ

Степанян Елена Владимировна,

кфн, доцент кафедры СМИ Дипломатической Академии МИД России, член ПЕН-центра, член
Ассоциации искусствоведов

* * *

M.B. Станюкович, С.Ю. Дмитренко (Санкт-Петербург)

«Ради Бога и арака»: метаморфозы «маргинальных реалий» в русской литературе-2

Доклад продолжает тему восточных реалий в русском языке и литературе, начатую на конференции в Сольвычегодске сообщением про жевательную смесь бетель. Предметом рассмотрения на этот раз стал термин арак(а), возможно, самое распространенное в мире обозначение крепкого алкоголя (Дмитренко, Станюкович 2021; Станюкович 2018; Станюкович, Дмитренко 2018). Зона его бытования - от островной Юго-Восточной Азии (arak, alak – Филиппины, Индонезия, Малайзия), через Индокитай (arak, alak – ряд австронезийских и бахнарических народов Индокитая, моны), арабские страны (‘арак), европейское Средиземноморье (ракия), на Кавказ (арахъ – осетинский, aragh – армянский, araqi – грузинский) до Сибири и Монголии (арақи – нанайский, араки – эвенкийский, орочский, арыгы – якутский, архи – монгольский). В русском языке и в ряде славянских, германских и романских термин ‘арак’ не стал обобщающим термином и не заменил основные традиционные названия алкогольных напитков. Однако и в этих языках он присутствует как в высокой культуре, так и в низовой.

В русской поэзии начиная с ХVIII века арак воспринимался как атрибут дворянской мужской пирамиды: И.И. Дмитриев («О арак, арак чудесный! / Ты весну нам возвратил»; «Пусть арак ума убавит / Между нас у остряков!», «Чаще пунш с араком пить», 1795); А. С. Нахимов («Нет, будет платье дорогое / И пить вы станете арак», 1805-1814), А.С. Пушкин («Двоится штоф с араком», 1814), А. В. Кольцов («Сосед мой пьет арак; / Так, видно, не дурак», 1827). Отношение к араку как к изысканному напитку достойных унаследовал И. Э. Мандельштам: «Кому зима — арак и пунш голубоглазый, / Кому душистое с корицей вино», 1922.

У П. А. Вяземского в стихах Денису Давыдову отношение к араку проще: «с разогретого арака, / Желтеющего за стеклом / При дымном пламени бивака!» (1814-1815), а в «Матрёской песне» и вовсе как к простонародному питью: «И прогоним их, / Да прогоны с них / Мы же тут сдерем / На арак и ром» (П. А. Вяземский, 1855). В ХХ веке у Б.Л. Пастернака арак совсем теряет лоск: «И, будто вороша каштаны, / Совком к жаровням в кучу сгреб / Мужчин — арак, а горожанок — / Иллюминированный сироп» (1916).

Эта двойственность не случайна. В русских низовых говорах тот же корень, в основном в форме «арака», существовал издавна, он зафиксирован в словарях (СРЛ XI-XVII в., СРЛ XVIII в., Словарь русских народных говоров). Словарь М. Фасмера объясняет это так: «**аракá, аракý** (нескл.) «молочная водка», сиб. Уже в Домостр. К. 47. Заемств. из крым.-тат., тат., алт. araky — то же; см. Радлов 1, 250; напротив, западное заемств. арак, вероятно, через франц. arack (то же) арабского происхождения; см. Доза.». Действительно, в 47 разделе «Домостроя» читаем: «А вино курити самому <...>, да смечать, по сколку ис котла араки первой и другой и последу уточат» («Самому и вино курить <...>, да замечать, по скольку выгонят из котла араки в первый, во второй и в последний раз»). Множество примеров употребления слова «арака» в контексте «простонародных» и «путешественных» описаний находим в НКРЯ, начиная с работ Н. Тярина (1827), Ф. В. Булгарина (1830), А. Ф. Вельтмана (1833, 1839), Н. Н. Муравьева-Амурского (1850).

Таким образом, слово «арак(а)» документировано в русской литературе по крайней мере с XVI века; в форме «арак» - преимущественно в романтической поэзии, а в форме «арака» - в бытовых описаниях жизни низших слоев общества и «инородцев», а также в «путешественных описаниях».

Литература

Дмитренко С. Ю., Станюкович М. В. Арак(а): алкоголь в обряде и социальной жизни от Филиппин и Индонезии до Кавказа и Сибири // В сборнике: XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021. С. 686.

Станюкович М.В. Кокосовая чарка, бамбуковый стакан. Этнография и этноботаника хмельной культуры Юго-Восточной Азии / Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании. Сборник МАЭ. Т. LXV. 2018. С. 29-49.

Станюкович М.В., Дмитренко С.Ю. Рисовая брага/кувшинное вино. Сопоставительный анализ лексики филиппинских и бахнарических языков / Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы конференции (Санкт-Петербург, 30 октября – 1 ноября 2018 года) [сборник статей] / Отв. ред. Е.Н. Колпачкова. СПбГУ, Восточный ф-т, МГУ, ИЛИ РАН – СПб.: Издательство ЦСО, 2018. С. 274-284.

Станюкович Мария Владимировна
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
зав. Отделом Австралии, Океании и Индонезии МАЭ (Кунсткамера) РАН

Дмитренко Сергей Юрьевич, к.ф.н.
Кандидат филологических наук, директор ИЛИ РАН,
зав. Кафедрой филологии Юго-Восточной Азии Восточного ф-та СПбГУ

* * *

И.З. Сурат (Москва)

«Волчья тема» Мандельштама: смысл, источники, литературный фон⁷⁰

Тема волка в стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931) дала домашнее название не только этому стихотворению, но и ряду стихов 1931 года, определявшихся Надеждой Мандельштам как «волчий цикл» (Мандельштам Н.Я. «Воспоминания»). Анализ этой темы в мандельштамоведении идет по пути поиска источников самого образа волка в европейской и русской поэзии и прозе (П.Верлен, Р. Киплинг, В.Нарбут, С. Есенин); соответственно, на первый план в прочтении выходит тема травли, затравленности.

Между тем в семантике мандельштамовского стихотворения образ волка значим не сам по себе – он встроен в гуманистическую мысль о сохранении человеческого начала в эпоху насилия. И в таком ракурсе поиск источников и параллелей образа волка и всей «волчьей темы» ведет в другую сторону. Формула Плавта «*Homo homini lupus est*» («Ослиная комедия»), варьированная Мандельштамом в «Шуме времени» («с волкам жить – по волчьи выть»), получила художественное осмысление в ряде текстов 1910-1930-х годов, среди них – хорошо известная Мандельштаму и лично важная для него драматическая поэма Николая Гумилева «Гондла» (1917), сюжет которой основан на противостоянии исландских воинов, «полярных волков», и королевича Гондлы, у которого другая кровь. Эта гуманистическая тема развивается также в стихах Максимилиана Волошина, Анны Барковой, Аделины Адалис – они составляют литературный фон мандельштамовского стихотворения.

Среди источников темы «не волка» назовем также роман Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель»; напомним, что скандал вокруг перевода этого романа и последовавшая травля дали повод стихотворению «За гремучую доблесть грядущих веков...». В 3-й части романа, перевод которого был отредактирован Мандельштамом, появляется образ человека-волка, оборотня, нападавшего на людей, разоблаченного Уленшпигелем, кричавшего при разоблачении: «Я не волк!» и жестоко казненного. В стихотворении есть и другие отсылки к этому переводу (тема «кровавых костей в колесе»). В оценке

⁷⁰ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода», <https://tscf.ru/project/23-18-00375>

современной ему социальной реальности Мандельштам оглядывается на нравы средневековья.

Сурат Ирина Захаровна,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
ведущий научн. сотр., доктор фил. наук

* * *

С.А. Трифонова (Москва)

Форма дневниковых записей представителей московской аристократии первой трети XIX в.

Дневники московской аристократии первой трети XIX в. можно классифицировать по определенным группам. Категориями для классификации может выступать бесчисленное множество признаков, однако первичным разделением для подобных источников является, по мнению автора данной работы, прежде всего форма этих записей. Для анализа дневников представителей этой социальной группы, принадлежащей к верхушке московского общества, выделяются как хорошо известные и введенны в научный оборот источники, так и источники малоизученные и не опубликованные – дневники князей Д.М. Волконского, В.В. Вяземского, П.А. Вяземского, братьев Тургеневых, С.П. Жихарева, В.И. Ланской (урожденной Одоевской), В.П. Шереметевой, Е.А. Шаховской, княжны М.Н. Волконской, Е.А. Соймоновой и письма в виде дневника М.А. Волковой. При их изучении можно говорить о том, что по форме эти дневники, создавшиеся в первой трети XIX в., являются журналами, записными книжками, собственно дневниками в современном понимании и письмами, которые писались в форме поденных записей.

Существование журналов в первой трети XIX в. закономерное явление, т.к. в этот период происходит становление дневникового жанра, получившего свое массовое развитие к середине века, и в основу этого жанра ложится именно официальный журнал. Многие авторы ведут подобные журналы. В основном это характерно для людей, находящихся на службе при дворе или в действующей армии. Для представителей московской аристократии, находящейся либо в отставке, либо еще не вступивших в службу, менее характерно использование элементов журнала в дневниковых записях, хотя многие из них, включая женщин, продолжают называть свои поденные записи именно так. Существование элементов журналов в дневниках первой трети XIX в. закономерное явление, т.к. они имели в этот период единые корни и много общих формальных признаков. Однако, даже то, что диарист называл журналом, нельзя считать таковым. По своей форме – это уже дневник, имеющий некоторые черты журнала.

Второй разновидностью записей, относящихся к дневникам, являются записные книжки. Одной из их особенностей является то, что они сложно датируются даже самим диаристом. Самый яркий пример подобных записных книжек – это записи князя П.А. Вяземского, которые он вел на протяжении почти всей своей жизни. Эти записи, дошедшие до нашего времени в рукописях, датируются условно, т.к. многие из них были переписаны с небольшим временным промежутком. Поэтому и датировка записных книжек делается по описываемым событиям или тем датам, которые указаны в тексте. Уникальность подобной формы дневниковых записей демонстрирует слияние личного и литературного дневника с элементами жанра альбома. Близки к записным книжкам и некоторые дневники братьев Тургеневых, по сути дела, являющимися также записными книжками, особенно это касается записей Н.И. Тургенева, озаглавленные им самим как «книги» и иногда даже носящие названия, например, девятая книга за 1814 – 1816 гг. названа им «Книга скуки». В них основное внимание диаристов отведено размышлению или различным явлениям общественной жизни, государственного устройства,

прочитанным книгам и пр. Элементы записных книжек находятся во всех дневниковых записях, даже в небольшом по временному охвату и по объему дневнике княжны М.Н. Волконской.

Непосредственно дневники, в современном понимании, в первой трети XIX в. становятся популярнее остальных жанров и представлены в разных видах – кратких поденных записях, пространных описаниях, путевых записках и пр. Некоторые из них велись на протяжении всей жизни автора, некоторые охватывают период в несколько лет, а некоторые содержат сведения, произошедшие только за несколько месяцев. Однако, несмотря на то, что они различны по своей временной продолжительности, по форме их можно объединить в единую группу – написанных на бумаге приблизительно одного формата, сшитых в тетради, с четкой датировкой и событиями, описанными по дням в тот же день или с небольшим временным пробелом. Большинство личных дневников писалось сразу набело, что видно по характеру записей – зачеркивания, исправления или помарки. Зачастую это становится понятно по контексту, например, когда Н.И. Тургенев упоминает, что переписывает с черновика только то, что было сделано в дороге, а затем продолжает ежедневные записи в дневнике. Вероятно, черновые записи некоторых дневников существовали, но не дошли до наших дней. Одним из исключений является черновик части «Записки для собственной памяти» княжны М.Н. Волконской. Он полностью повторяет переписанный в чистовом варианте текст с незначительными исправлениями, носящими скорее стилистический, нежели фактологический характер.

По своей форме подневные записи в виде дневника, который велся в тетради, стали быстро популярны в первой трети XIX в. Это было связано с удобством его ведения, хранения и возможной пересылки. Небольшой удобный формат, одинаковый для большого количества тетрадей, возможно стал одной из причин их хорошей сохранности в семьях диаристов.

Трифонова Светлана Александровна
Архив Российской академии наук, научный сотрудник

* * *

A.E. Трофимов (Санкт-Петербург)

Книга Г.И. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком» (1715): пограничный текст на пограничье России⁷¹

В 1715 г. представитель малороссийской военной элиты Григорий Ильич Новицкий (ум. ок. 1725) завершает работу над крупной книгой «Краткое описание о народе остяцком», ставшей, по сути, первым созданным в России этнографическим сочинением. О самом авторе до сих пор доступна лишь крайне скудная информация. Известно, что он – выходец из старинного казацкого запорожского рода, выпускник Киево-Могилянской академии, свояк Филиппа Орлика и бывший сочувственник Ивана Мазепы, за поддержку которого был сослан в Западную Сибирь. В этих землях Новицкий сопровождал митрополита Филофея Лещинского в 1712-1715 гг. в миссионерских поездках к остякам и вогулам (нынешним хантам и манси), предпринятых по прямому поручению Петра I с целью искоренения языческой веры. Ни дальнейшая судьба, ни обстоятельства смерти автора остаются неизвестными.

⁷¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00856 «“Люди незнаемые”: этапы и механизмы сложения культурной географии в русской литературе XII–XX веков», <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, ИРЛИ РАН «Пушкинский дом».

Настоящий доклад посвящён единственной сохранившейся книге Новицкого. «Краткое описание о народе остяцком» было практически забыто в XVIII в., имев хождение лишь в рукописях, и заново открыто в середине XIX в., выдержав с тех пор много издааний. Однако до сих пор это сочинение рассматривалось почти исключительно историками и этнографами с источниковедческой точки зрения – главным образом как источник ценной фактической информации о быте, верованиях и истории хантов и манси в XVIII в. В рамках настоящего исследования мы обратили внимание на литературную составляющую маргинального для филологии текста.

Несмотря на сложившийся статус сугубо научного этнографического сочинения, книга «Краткое описание о народе остяцком» содержит ряд художественных черт, стоя на границе художественной и документальной литературы. Прежде всего, это заметное влияние литературной традиции, что выражается в стихотворных вставках, житийных элементах, этикетной риторике, обращении к фольклору и мифологии. В то же время другой гранью книги, также выбивающейся за пределы сугубо научного текста, является личный голос рассказчика, пытающегося определить свою роль в окружающем мире и сетующем на судьбу. Можно сказать, что книга отличается заметной стилистической пестротой, включая этнографическое описание, историческое повествование, светский панегирик, лирическую исповедь, житие и барочную поэзию.

Немаловажен и комплексный образ Сибири, складывающийся в тексте. Рассказчик задаёт как бы двойной ракурс восприятия «другого» пространства. С одной стороны, православная традиция и личный духовный опыт прочно ассоциируют Сибирь с темнотой, холодом и диким язычеством, среди которого автор ощущает себя покинутым странником. С другой стороны, нельзя не отметить искренний интерес автора к деталям материального мира, из которых складывается общее представление о Сибири как о стране чудной и экзотической. Нахождение на периферии российского культурного ареала сформировало кризисное самоощущение автора книги, что отразилось в стилистике текста.

В свете вышеперечисленных особенностей «Краткое описание о народе остяцком» будет рассмотрено, с одной стороны, структурно (как текст на границе художественной и документальной прозы), с другой стороны – герменевтически (как отражение кризисного самоощущения человека, вынужденного находящегося на границе «своего» и «чужого» пространства религии и культуры).

Трофимов Артём Евгеньевич
ведущий библиотекарь
Научно-исследовательского отдела рукописей БАН

* * *

И.А. Тымчук (Москва)

«История города Тулы мещанина Абрама Булыгина» и купеческие эго-документы XVIII в.

«История города Тулы мещанина Абрама Булыгина» — очень богатый и ценный источник, который представляет информационный потенциал для многих гуманитарных полей.

Введенных в научный оборот эго-документов городского сословия, созданных в XVIII веке — критически мало, их можно пересчитать буквально по пальцам рук. Тем временем, «История» Абрама Булыгина предоставляет исследователю максимально широкий информационный потенциал: источник даёт сведения по социальной, культурной, региональной истории и истории повседневности.

Абрама Булыгина, тульского мещанина, создателя автобиографичной «Истории» и руководителя песенной артели, смело можно назвать маргиналом. Будучи неграмотным (текст «Истории» был записан под его диктовку), бедным представителем городских низов, он всячески разрушает стереотипы о культуре XVIII в. Он вписывается в важнейшую проблематику новой культуральной истории: проблему соотношения «элитарной» и «народной» культур⁷². В этом источнике мы можем проследить как обыкновенный простолюдин регулярно посещает театры и оперы, казалось бы, классические атрибуты «высокой культуры». При этом мы можем увидеть и примеры обратной культурной диффузии: как местное тульское дворянство приглашает народную, песенную артель Булыгина на свои праздники.

Проведя источниковедческий анализ, мы пришли к выводу о том, что написанные купцами тексты XVIII века, которые попадают под категорию «документов личного происхождения» в российской системе источниковедения — максимально разные. Опубликованные на сегодня документы этого периода («Записка, найденная в бумагах покойного купца С-ва»⁷³, «Сокращенная жизнь покойного Санкт-Петербургского купца первой гильдии Александра Петровича Березина»⁷⁴, «Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 г.»⁷⁵ и «Автобиография» Ваньки Каина⁷⁶, самый спорный источник в плане принадлежности) — все они чрезвычайно разные в плане стилистики, содержания и цели создания, все они отражают разные аспекты купеческой культуры и повседневности, редко пересекаясь между собой.

Проведя сравнительный анализ, мы пришли к нескольким выводам. Во-первых, очевидно, что канон купеческих мемуаров/воспоминаний еще совершенно не сложился в XVIII веке; уже в веке XIX мы найдем более схожие друг с другом примеры этого явления. Во-вторых, из всего корпуса источников «История» Абрама Булыгина более всего похожа именно на «Автобиографию» знаменитого Ваньки Каина, о которой мы до сих пор подлинно не знаем, была ли она написана самим Иваном Осиповым, записана с его слов или составлена с опорой на устные рассказы о нем. Тем не менее, мы находим сходства как в языке произведений, так и во многих аспектах городской культуры, которые отражаются в текстах. Более того, есть все основания предполагать, что «Автобиография» Ваньки Каина, будучи коммерчески успешной и широко распространенной, оказала влияние на текст «Истории» Булыгина.

Тымчук Иван Андреевич
студент НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Института региональных исторических исследований НИУ ВШЭ

* * *

E.A. Украинцева (Санкт-Петербург)

«Маргиналии как окно в прошлое: пририсовки Радзивиловской летописи в контексте истории Литовской Руси»

⁷² Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1978.

⁷³ Записка, найденная в бумагах покойного купца С-ва // Пермский сборник. Кн. 2. М., 1860. С. XXVII-XXX.

⁷⁴ Сокращенная жизнь покойного Санкт-Петербургского купца первой гильдии Александра Петровича Березина // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 2. С. 226-235.

⁷⁵ Баранчиков В. Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 г. 2-е изд. СПб., 1787. 72 с.

⁷⁶ Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина <...>. СПб., 1777. 80 с.

Исследование периферийных культурных явлений позволяет по-новому взглянуть на механизмы формирования центра и границ традиции. Одним из таких примеров является Радзивиловская летопись – важный иллюстрированный памятник русской средневековой книжности, связанный с Литовской Русью. В ее визуальной композиции особое место занимают так называемые пририсовки – дополнительные изображения, которые, несмотря на стилистическое сходство с основными миниатюрами, нередко трактуются как второстепенные и более поздние элементы.

Цель моего исследования — расшифровать символику некоторых пририсовок Радзивиловской летописи при помощи их сравнения со сторонними источниками западноевропейского происхождения, а также через сопоставления смысла визуального знака с историческим контекстом предположительного места создания рукописи — территории Великого княжества Литовского конца XV – начала XVI веков. Научная новизна работы заключается в новом взгляде на пририсовки как на содержательный элемент летописного нарратива. Полученные данные не только уточняют наши представления о месте создания рукописи (поддерживая, в частности, гипотезу А.С. Кибина о виленском происхождении), но и открывают перспективы для дальнейшего изучения механизмов культурного трансфера в пограничных регионах Восточной Европы.

Работа носит междисциплинарный характер, сочетая методы истории и искусствоведения, что позволяет по-новому взглянуть на визуальные образы летописи. Основные методы исследования включают сравнительный анализ элементов Радзивиловской летописи с иными визуальными источниками европейской традиции, которые могли быть известны художникам, работавшим на территории Литовской Руси, иконографический разбор миниатюр, а также изучение исторического контекста создания манускрипта.

Сравнительный анализ показывает, что пририсовки имеют стилистическое и символическое сходство с изображениями в западноевропейских гербовниках, например, Линценх и Бергсхаммрском гербовниках. Один из наиболее примечательных примеров – изображение медведя на миниатюре 162 листа. В геральдике медведь часто ассоциируется с силой, устойчивостью и территориальной принадлежностью. В контексте Радзивиловской летописи медведь может быть символом Смоленска, чьим гербом он являлся, или же метафорой военной угрозы, связанной с походами на Полоцк и Смоленск, упоминаемыми в тексте. Таким образом, пририсовка медведя может не только иллюстрировать текст, но и служить дополнительным комментарием, раскрывающим отношение художника или заказчика рукописи к историческим событиям.

Предварительные результаты исследования позволяют выдвинуть несколько значимых тезисов. Во-первых, пририсовки не являются случайными или чисто декоративными элементами – их расположение и символика указывают на сознательное использование как комментария к основному тексту. Во-вторых, стилистические параллели с западноевропейскими гербовниками свидетельствуют о включённости художников (или заказчиков) рукописи в общеевропейский культурный контекст. В-третьих, выбор конкретных символов (как в случае с медведем) может отражать политические реалии эпохи – например, отношение к событиям, связанным с присоединением западнорусских земель к Великому княжеству Литовскому.

Таким образом, исследование позволяет увидеть в Радзивиловской летописи не просто исторический источник, а сложный культурный феномен, где взаимодействуют разные традиции и смысловые слои, отражающие уникальное положение Литовской Руси на перекрёстке средневековых цивилизаций.

Украинцева Елизавета Андреевна
студентка 1 курса магистратуры,
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Факультет истории, Кафедра отечественной истории

A.В. Уланова, М.И. Алехин, Д.В. Золотарёва (Москва)

В клинике (записки не сумасшедшего)

В Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) был обнаружен редкий архивный документ – воспоминания, записанные в 1912 году бывшим пациентом психиатрической лечебницы, имя которого установить не удалось. Тетрадь объемом 43 листа под заголовком «В клинике», собственноручно заполненная безымянным больным, сохранилась в архивном фонде его лечащего врача Тихона Дмитриевича Фаддеева (1879/80 – 1942)⁷⁷. Это отнюдь не «записки сумасшедшего». Текст представляет собой связный полноценный рассказ, записанный в старой орфографии грамотно, твердой рукой, четким, разборчивым почерком, охватывающий период от добровольного поступления автора в психиатрическую клинику при Императорском Московском университете осенью 1907 г. до последующего перевода пациента N в Алексеевскую больницу на Канатчиковой даче⁷⁸, заметного улучшения его состояния и возвращения домой.

Чем интересен данный автобиографический материал? На протяжении долгого времени человек, однажды попавший в клинику для душевнобольных, в глазах общественности навсегда становился маргиналом. Но на рубеже веков появились позитивные изменения. К началу XX века психиатрическая помощь в России вступила в стадию перехода от полной изоляции «умалишенных» от общества к диагностике, лечению и уходу за душевнобольными. Интенсивное поступательное развитие медицины в этот период способствовало выделению психиатрии в самостоятельную отрасль науки и формированию научных школ⁷⁹. Результатом научных исследований и практики ведущих врачей-психиатров стало постепенное изменение отношения в обществе к человеку с психическими расстройствами. Оно становилось более гуманным и душевнобольной, наконец, признавался пациентом, которому требуется медицинская помощь. Конечно, методы лечения были еще несовершенны и очень ограничены. Кроме лекарственных препаратов продолжали использовать гидротерапию, смирительную рубашку и принудительное удержание. Психиатрические больницы были переполнены, медицинского персонала не хватало, зачастую он был плохо обучен. В психиатрии имела место стигматизация, которая приводила к социальной изоляции душевнобольных и их унижению в обществе, что только усугубляло болезненное состояние. Но положительных перемен было, бесспорно, больше.

Все эти проблемы, где напрямую, а где-то между строк читаются в воспоминаниях пациента N. Его наблюдения и непосредственные переживания представляют исследовательский интерес, потому что информация поступает не от лечащего врача или медицинского персонала, а из «первосточника» – от самого больного. Текст воспоминаний, где содержится анализ различных проявлений заболевания, был записан уже здоровым человеком. У нас нет цели поставить диагноз автору рукописи. Это могут сделать специалисты на основании подробно описанных им симптомов своего недуга. С

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 521. Оп. 1, ед. хр. 30. Л. 1 – 43 (автограф, чернила).

⁷⁸ Московская городская психиатрическая больница им. Н.А. Алексеева. Открыта в 1894 г. по инициативе городского главы Н.А. Алексеева, строительство осуществлялось на частные пожертвования. Сегодня – ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения г. Москвы». Во время описываемых событий главным врачом больницы был П.П. Кащенко (1859 – 1920).

⁷⁹ В историю психиатрии навсегда вписаны имена первых ученых врачей-психиатров, таких как И.М. Балинский (1824 – 1902), И.П. Мережеевский (1838 – 1908), С.С. Корсаков (1854 – 1900), В.Х. Кандинский (1849 – 1889), Н.Н. Баженов (1857 – 1923) и других.

исторической точки зрения гораздо важнее содержащиеся в воспоминаниях сведения об условиях пребывания в лечебнице, режиме дня, процессе лечения, о врачах и работниках клиники.

Уланова Анжела Владимировна – историк, зав. учебным кабинетом кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук, ученый секретарь Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет)

Алехин Михаил Игоревич – врач-реабилитолог ГБУЗ «Морозовская детская городская клиническая больница» Департамента здравоохранения г. Москвы

Золотарёва Дарья Владимировна – старший преподаватель кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет)

* * *

E.B. Урысон (Москва)

Неделю назад: к системному описанию синтаксиса и семантики конструкции

Объект работы – слово *назад* в его временном значении, представленное в конструкции типа *Он приехал неделю (тому) назад*. Цель работы – ответить на два вопроса: (а) к какой части речи относится слово *назад* в этой конструкции; (б) какова функция факультативного компонента конструкции – местоимения в форме ДАТ *тому*. Обсуждаются синтаксические свойства предлога/послелога как части речи.

Рассматриваются варианты данной конструкции, в том числе устаревшие, ср. *Лет двенадцать назад тому он был влюблен в мою мать* (М. Горький). Предложен семантический анализ конструкции, учитывающий факультативность ее компонента *тому*.

Урысон Елена Владимировна,
д.филол.н., ИРЯ РАН, гл.н.с.

* * *

O.B. Христофорова (Москва)

Что такое «выть знать? Заметки на полях словарей народных говоров

В Словаре говоров русского Севера существительное «выть¹» имеет 6 значений: (1) прием пищи и время, когда он осуществляется; (2) промежуток времени между приемами пищи; (3) еда, пища; пропитание; (4) количество пищи, которое можно съесть за один прием; (5) способность и желание есть, аппетит; (6) жидкая пища, похлебка [СГРС: 268–269]. Выражение «выти не знать» означает «есть без меры» и «не соблюдать должных промежутков времени между приемами пищи». В словаре также есть понятия «большевытной» (прожорливый) и «маловытный» (имеющий плохой аппетит); слова «вытный» отдельно не встречается. Материалы для этого Словаря собраны в Архангельской и Вологодской областях. Те же значения зафиксированы и в словарях пермских говоров, в них есть и слово «вытный» («соблюдающий сроки принятия пищи» и «прожорливый») (см., например, [СПГ: 149; СРГПК: 347]. Вместе с тем, некоторые примеры употребления лексем во всех указанных словарях выбиваются из области описанных значений (например, «маловытный» или «безвытный» означают в этих примерах не «имеющий плохой аппетит», а, напротив, «прожорливый» [СПГ: 30; СРГПК:

78] – на наш взгляд, это объясняется не энантиосемией, а полисемией, о чем и пойдет речь в докладе). Во время полевой работы среди старообрядцев-беспоповцев поморского согласия в Верещагинском районе Пермского края нами были зафиксированы значения выражения «выть знать» и слова «вытный», несколько отличающиеся от рассмотренных выше словарных значений. Они также имеют в виду пищевое поведение, но относятся не к мере аппетита и не к знанию сроков приема пищи, а отражают более широкий пищевой этикет, в частности, поведение во время трапезы. Уточнение семантики выражения «выть знать» позволяет лучше понять значение словарных примеров в СГРС, СПГ, СРГПК и других словарях, как и в целом картину мира носителей северных говоров. Новые материалы позволяют расширить словарные описания понятий «выть знать» и «вытный», кроме того, они демонстрируют более явную связь, чем имеется в данный момент в указанных словарях, с некоторыми из значений слов «вытно» и «вытный» в СРНГ (знатно, хорошо; умный, добропорядочный, положительный и т.п.) [СРНГ: 40].

Литература

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1: А-Н и Вып. 2: О-Я / Сост. А.Н. Борисова и др. Пермь: Книжный мир, 2000.
СРГПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И.И. Русинова. Пермь: Перм. ун-т, 2011. Вып. 1. А–В.
СГРС – Словарь говоров русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2001. Т. 2.
СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 6. Выросток – Гон. Л: Наука, 1970.

Ольга Борисовна Христофорова
д. филол.н., в.н.с. Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС
н.с. Научно-образовательного Центра РГГУ
дир. Учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ

* * *

А.Ю. Цветкова (Санкт-Петербург)

Видеосообщение: структурные особенности

Жанр автодокументов – один из самых изучаемых в настоящее время. Оставаясь таким на протяжении 15-20 лет, он множится на поджанры, вполне освоившись в интернет-пространстве и в мессенджерах. Видеосообщение⁸⁰ – один из таких поджанров.

В основу моего исследования легли 24 в/сообщения. Они сняты на айфон с мая 2020 г. по май 2022 г., с текстом автора (т. е. информанта) за кадром. Автор записей – Н. А. С., 1952 г. р. (из этических соображений имя не раскрывается), жительница с. Лешуконского Лешуконского р-на Архангельской обл. В течение трёх лет я получала их по WhatsApp. Всего было отправлено 49 в/сообщений. Материалом исследования стали те, что имеют датирование в тексте записи.

Все в/сообщения распределяются по 11 темам:

- 1) хорошая погода,
- 2) поход на кладбище,
- 3) поход в лес,
- 4) приезд в деревню,
- 5) дом, придомовая территория,
- 6) внуки,
- 7) на реке,
- 8) коты,

⁸⁰ Далее – в/сообщение.

- 9) привал (еда на природе),
- 10) поход ко кресту,
- 11) рукоделье.

Регулярный лейтмотив сообщений – красота. Его характер (красота природы, человека, ёлки), его наличие / отсутствие определяют вариации тем: «хорошая погода», «хорошая погода, красота дома» или «поход в лес», «поход в лес, красота природы».

Темы демонстрируют разные контексты коммуникации: лес, река, кладбище, игра внуков, игра котов, обетный крест⁸¹, привал, рукоделье. Адресаты сообщения делятся на внутренних (героев видео), внешних предполагаемых (для кого делается запись), внешних фактических (кому в/сообщение отправляется).

В/сообщения имеют схожую структуру:

- 1) обращение,
- 2) датирование / локация,
- 3) сюжет,
- 4) прощание,
- 5) молитва / благословение.

Части *обращение* и *прощание* формируют внешнюю адресацию. Она может совмещаться с фактической мультиадресацией: в тексте *обращение* к одному человеку, но видео рассыпается по нескольким чатам. Хотя обычно адресат не определён: *обращение* выражено глаголом в повелительном наклонении множественного числа («посмотрите», «видите») или приветствием / прощанием («привет из Лешуконии», «пока», «ладно давай», «с Богом»).

Молитву / *благословение* можно рассматривать как *обращение* или *прощание*: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий молитв ради Пречистыя Твоей Матери, помилуй мя грешную! <...> Слава Тебе Господи, слава Тебе!», «...храни Господь вас и Матерь Божья!». Причём, в одном случае это обращение к Богу, в другом – обращение к Богу и прощание с внешним адресатом.

Основное время видео занимает *сюжет*, то, о чём хочется сказать или что хочется показать (в теме *еда на привале*, например, авторский текст может уступать место общему разговору).

Особенный интерес представляет часть *датирование / локация*: «Сегодня пятое мая, центр села, Лешуконское», «Ну вот сегодня тридцатое мая», «Двадцать девятое июля. Выбрались мы в лес». В структуре текста она занимает, как правило, первое место. Иногда – второе, уступая обычно *обращению*.

Привязанность текста к дате характерна для дневниковых записей. Регулярность записей, организация их в хронологическом порядке, возможная автоадресация – черты, по которым мой материал можно рассматривать как своеобразный видеодневник.

Цветкова Анна Юрьевна

Независимый исследователь (выпускник аспирантуры филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; научный руководитель – канд. филол. наук, доц. Инна Сергеевна Веселова),

Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ
Заведующий отделом

* * *

М.И. Черная (Москва)

⁸¹ Обетный крест – крест, который ставится по обету (обещанию) Богу.

Мотив теофании в «Дневниках» протопресвитера Александра Шмемана⁸²

Как Бог являет Себя в нашей жизни? Конечно, мы не видим Его так же, как людей вокруг нас. Однако каждый человек порой ощущает прикосновение к сердцу некого таинственного света, тихой радости. Часто Бог открывается душе через простоту повседневности, людей, природу. Свидетельствами о таких «явлениях» наполнены «Дневники» протопресвитера Александра Шмемана.

Нередко отправной точкой такого переживания для о. Александра становится наблюдение природы. Солнечный свет для него уже есть «прикосновение» к «радости и миру в Духе Святом» (379)⁸³, океан в своей переменчивости и одновременно постоянстве символизирует для него вечность (363), а «сквозящие» деревья сами собой «свидетельствуют» (441) о ней. Общение и встречи с людьми (особенно детьми) порой раскрывают для автора «Дневников» «глубину» жизни в ее «подлинности» (340, 347), оставляют впечатление «прикосновения к свету» (128). Даже мир вещей (солнечный луч на позолоченном подсвечнике) «напоминает нам о чем-то», и все это – «явление – мимолетное – вечности» (413).

Для о. Александра «призвание» искусства – «свидетельствовать» (595) о тайне, скрытой в мире. Он убежден, что подлинное искусство рождается из «религиозной глубины» (269). Отсюда – «приобщенность» поэтов и писателей к «внутренней жизни мира» (645), скрытой в «звуках небес». Слушая же музыку Баха, о. Александр задается вопросом: «...как можно в мире, в котором родилась и прозвучала эта музыка, “не верить в Бога”?» (127).

Конечно, наиболее ясно для о. Александра как священника Бог проявляет Себя в богослужении и Таинствах, где «все явлено» (379), и где так отчетливо ощущается «подъем, радость, чувство прикосновения, причастия к “единому на потребу”» (428). Так, готовя однажды храм к службе, о. Александр записывает: «Вот оно, настоящее temps immobile, то есть проблеск вечности...» (286). Даже среди обычных дел, «проблем» и усталости о. Александр порой свидетельствует о чувстве «“полноты”, объяснить, изложить которую невозможно, но которая одна только и убеждает...» (422).

Все перечисленное выше в основном связано с положительным опытом красоты, гения, общения с людьми. Однако особо явственно о. Александр ощущает близость Бога в моменты серьезных жизненных испытаний. Так, во время болезни жены он отмечает, как эта болезнь способна «очищать все» (439), «возвышать» душу, вынужденную постоянно находиться в молитве за страдающего любимого человека, в стремлении к «*sursum corda* (горé имеем сердца (лат.))» (444)⁸⁴. Именно в этом автор видит смысл таких испытаний.

Характерная черта «Дневников» – частые заимствования и цитаты из Священного Писания, гимнографии и литературы. Такое обилие «чужого слова» говорит о некой недостаточности «обиходного» словаря для выражения опыта соприкосновения с таинственностью мира. Именно библейские образы и строки из стихотворений позволяют о. Александру выразить живые «звуки небес», ясно свидетельствующие о «добрे» и «глубине» (427), скрытых в мире. О. Александр намеренно берет в кавычки те слова, которые не способны выразить все смыслы, сущность событий («...что делать с “опытом”, “радостью”, “прозрачностью”...?» (359)). Кроме того, часто записи о таких «встречах»

⁸² Теофания – от греч. θεός — «бог, божество» и φαίνω — «светить(ся), являть, показывать, обнаруживать» – явление Бога во временных формах, которые можно воспринять с помощью органов чувств (Большой Библейский Словарь // URL: <https://bible.by/lexicon/btd/word/4075/> (дата обращения: 30.03.2025 г.)).

⁸³ Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983 / Протоиерей Александр Шмеман ; [сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман ; предисл. С.А. Шмемана ; примеч. Е.Ю. Дорман]. – 5-е изд., испр. – М. : Русский путь, 2017. – 720 с. : ил. Здесь и далее цитируется указанное издание (в скобках указаны номера страниц) – М.Ч.).

⁸⁴ *Sursum corda* — Вознесём [свои] сердца.

оканчиваются многоточием, что также подчеркивает это бессилие слов «земных» описать «небесное».

Черная Мария Ивановна,

Преподаватель кафедры романо-германской филологии Историко-филологического факультета ПСТГУ, студентка магистратуры «Русская и славянская филология»

* * *

Я.Г. Шемякин (Москва)

Периферия цивилизационной системы как фактор цивилизационной динамики

1. Эллада на первоначальных этапах ее истории как периферия великих древних культур Ближнего и Среднего Востока (Египет, Вавилон и др.). «Греческое чудо» и его причины. Разворачивание цивилизационного потенциала Эллады в эпоху Александра Македонского и возникновение эллинистической цивилизации – первого в истории «Востокозапада» (Н.А. Бердяев).
2. Средневековая Европа (по крайней мере вплоть до XIII в.) как периферия исламской цивилизации. Феномен «Аль-Андалуз». Роль пиренейского варианта цивилизации ислама в сохранении наследия античности и в передаче этого наследия формирующейся цивилизации Запада. Его усвоение как одна из главных предпосылок «европейского чуда» – прорыва формирующейся «фаустовской» цивилизации на лидирующие позиции в мировом цивилизационном процессе в XV-XVIII вв.
3. Первоначально периферийная роль формирующейся на просторах Восточно-европейской равнины цивилизации по отношению сначала к Византии, затем – к западноевропейскому центру цивилизационного процесса. Постепенное изменение цивилизационного статуса России по мере того, как российская цивилизация приобретала «пограничный» характер, становясь новым «Востокозападом», и трансформировалась в XVII в. в цивилизационную общность планетарного масштаба. Кульминация этого процесса – превращение России в альтернативный цивилизационный центр, в рамках которого в советский период истории сформировалась модель модернизации, качественно отличная от западной.
4. Формирование на периферии мировой капиталистической системы новой цивилизационной общности в южной части Западного полушария в результате взаимодействия европейских (первоначально иберийских) и неевропейских (главным образом, автохтонных индейских и негритянских) традиций, которая приобрела «пограничный» характер и трансформировалась в новую цивилизацию планетарного масштаба – латиноамериканскую.

Во всех упомянутых случаях прорыв на новый уровень развертывания цивилизационного процесса происходил на периферии доминирующей на данном историческом этапе цивилизационной системы.

Шемякин Яков Георгиевич

д.и.н., главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН

* * *

О.Д. Шемякина (Москва)

Обманчивые игры новизны: посмертная память об умерших императорах в имении А.А. Аракчеева

Любопытство как стратегия познания всего неизвестного в петровскую эпоху приобрело положительную коннотацию. Причуды «странных монархов», как называл его А.С. Пушкин, его индивидуальное пристрастие к коллекционированию курьезов в эпоху, наступившую после его кончины, стали уже культурной нормой. Страницы книжных изданий адресовали читателя к множеству чудаков и оригиналов, которым было далеко до монстров и уродов Кунсткамеры, возбуждавших любопытство обывателя. И тем не менее это тоже была коллекция, бесконечно пополнявшаяся, которая рождала новую антропологическую ситуацию. Непохожесть, ценность еще не познанного, рождала особого рода тексты, так называемые анекдоты, в которых не было ничего смешного, но было то, что возбуждало любопытство – бесконечная вариативность человеческого поведения. Можно сказать, что петровская эпоха открыла парад маргиналий, в котором отличие, особица, становилась культурной ценностью, приближаясь к безъядерной множественности.

На этом фоне выделялось особое сочетание экзотизмов и странностей, которое заставляет обнаруживать в необычных жизненных практиках не безъядерную множественность, а квазирелигиозную реальность, которая подспудно традиционализировала социальные и культурные новшества. К.А. Богданов в книге, посвященной экзотизму в России, пишет о странном обычая приема гостей в имении А.А. Аракчеева – на столе появлялся полный набор предметов для персоны уже умершего императора Павла. В конце обеда, когда подавался кофе, Аракчеев, взявши первую чашку, выливал ее к подножию императорского бюста, установленного в имении. По мнению Б.А. Успенского и В.М. Живова, эта традиция не была лишена античных реминисценций (инсценирование символического жертвоприношения сакрализируемому императору), а также традиционное для русской культуры «кормление» покойников.

Сам бюст императора в интерпретации исследователей имел нейтральное значение. А между тем, в русской похоронно-поминальной обрядности антропоморфные фигуры были составной частью обряда, выстраивая коммуникационные связи в оппозиции живые/мертвые (Е. Самойлова). Антропоморфные изображения варьировались от примитивных кукол, изображавших людей, пользующихся уважением, до церковной резной деревянной скульптуры, которая тоже была включена в практики ритуального почитания – их одевали, кормили, они заслуживали почести, потому что обладали высоким посмертным статусом.

В предметный мир, включенный в практики почитания, входило и белье покойного, которое являлось знаком, замещающим его. Рубашка покойного императора Александра Павловича, подаренная императором Аракчееву и бережно им хранимая, была включена в погребальный ритуал самого хозяина имения (И. Хохлов).

Необычные на первый взгляд действия собирают таким образом традиционные предметные проекции памяти об умерших в единый текст почитания «родителей». Новая эпоха проявляет свой голос в «индивидуальной» сборке ритуала, знаково-символические функции которого вполне традиционны. А то, что на первый взгляд кажется маргинальным и экзотичным – это всего лишь дань эпохе, хранящей глубокую связь с традицией.

Шемякина Ольга Дмитриевна
к.и.н., научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX в.
исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

* * *

Г.Г. Шеянов (Москва)

**«Где трое хотя бы сберутся во имя Мое»: об экклезиологических взглядах
Д.С. Лихачева**

Будущий академик Д.С. Лихачев в молодости принадлежал к иосифлянскому течению Православной Российской Церкви и был близко знаком с видными деятелями иосифлянства: И.М. Андреевским, протоиереем Н. Пискановским, епископом Виктором (Островидовым) и другими. Менее известны экклезиологические взгляды и юрисдикционные предпочтения Д.С. Лихачева в последующие годы. Он любил говорить, что идеальная церковная община должна быть скреплена горизонтальными связями в форме «любовно-дружеского объединения нескольких православных семей». При этом сведения о его отношении к институциональной Церкви демонстрируют некоторую противоречивость и недосказанность.

Подписи Лихачева стоят под коллективными просьбами о передаче Русской Православной Церкви строений Оптиной Пустыни (1987 г.), Соловецкого и Валаамского монастырей (1989 г.). В то же самое время его взгляды на желаемые контуры религиозного возрождения отличались от тогдашнего мейнстрима. В интервью 1988 года Дмитрий Сергеевич говорил: «Крещение Руси – официальное принятие христианства государством, соединение церкви и государства. Говорить о втором крещении Руси ни в коем случае нельзя, это было бы несчастьем для христианства – воссоединение церкви и государства. Наоборот, церковь должна быть полностью отделена от государства для того, чтобы она могла свободно развиваться и быть религией в полном смысле этого слова». Эта мысль Лихачева лежит в русле богословской традиции, зафиксированной в трудах священномученика Василия (Зеленцова) и посланиях свяшенноисповедника Виктора (Островидова) — видных мыслителей иосифлянского течения. Как писал сотрудник Лихачева и исследователь его биографии О.В. Панченко: «„Иосифлянская“ прививка, полученная в молодости, сыграла большую роль и в более зрелые годы жизни Дмитрия Сергеевича. Выше всего он ценил духовную свободу человека, свободу совести, независимость религиозной жизни от любых форм идеологии».

На экклезиологические взгляды Лихачева «в более зрелые годы» может пролить свет его переписка с дочерью протоиерея Николая Пискановского, Ксенией Николаевной. В частном архиве хранятся более 20 писем и открыток Лихачева, написанных в период с 1966 по 1998 год. Одна из тем этой переписки — отношение к современной Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Дмитрий Сергеевич пытается говорить об этом очень деликатно, риторически вставая на позиции своей собеседницы (убежденной сторонницы т. н. «Истинно-Православной Церкви»). Отдельные слова и выражения Лихачева при желании можно интерпретировать в жанре апологии катакомбного движения. Но внимательное прочтение показывает, что Дмитрий Сергеевич выступает в этой переписке с позиций человека, лояльного Московской Патриархии, хоть и открыто говорящего о ее недугах.

Наибольший интерес представляет письмо от 01.11.1991 г. В нем Лихачев пытается дать прямой ответ о своем отношении к РПЦ («не безблагодатна ли нынешняя церковь?»). Не навязывая Ксении Николаевне своего мнения, он пересказывает разговор, состоявшийся «года 4 назад» с митрополитом Антонием Сурожским (глубокое уважение к которому Дмитрий Сергеевич вынес из радиобесед владыки). Как следует из текста письма, Дмитрий Сергеевич раскрыл владыке Антонию свои сомнения: «не могу идти на исповедь и сказать священнику, что я не верю — священник ли он». Лихачев пересказывает и ответ владыки: «...благодать там, где трое хотя бы сберутся „во имя Мое“». Московская патриархия не может быть целиком безблагодатной». И следом митрополит привел такую метафору: «Евхаристия в храме горит, как горит огонь. В огонь мы можем подбросить и гнилые сучья, и мусор. Однако огонь останется тем же, чистым».

Апелляция владыки Антония к обетованию Христа о Своем присутствии в собрании двух или трех искренне верующих людей могла парадоксально перекликаться с собственными взглядами Лихачева на идеал «малой церкви». Возможно, именно эти слова, услышанные во второй половине 1980-х годов, разрешили многолетние сомнения Дмитрия Сергеевича и убедили его присоединиться к Русской Православной Церкви Московского Патриархата (сохраняя трезвый и нередко скорбный взгляд на ее внутреннюю жизнь).

Григорий Геннадьевич Шеянов,
кандидат медицинских наук, независимый исследователь

* * *

О.В. Широкова (Великий Новгород)

«Панелька» как фактор городской периферийной идентичности

Большинство российских городов, как и городов на всём постсоветском пространстве, выглядят примерно одинаково: исторический центр, замкнутый в советские и всё ещё возводящиеся новые панельные районы, а затем и в промзоны. В таких городах интересным для исследователей становится идентичность горожан.

Идентификация городских жителей формируется за счёт социокультурной связи между человеком и средой его обитания, а также между пространством и такими его содержательными элементами, как культурный код города и городской культурный ландшафт. Историческое ядро или исторические районы позволяют консервировать идентичность места, формировать чувство принадлежности к конкретному городу и в целом усилить городскую идентичность всего городского пространства. Однако существует иная городская идентичность – периферийная. В отличие от других форм, касающихся городской идентичности, она только начинает формировать некоторую историчность, беря своё начало в повседневной культуре горожанина. Так, она представляет собой многослойный феномен, вбирающий в себя те сектора города, которые удалены от центра или вынесены за его пределы, и те, где повседневная жизнь плотно сплетена с советскими районами, панельками и культурой, формирующейся внутри многоэтажек и их дворовых пространств.

В настоящее время, в особенности благодаря цифровой презентации городских пространств, фокус внимания от центра города с его культурными и историческими особенностями, его главными архитектурными и культурно-значимыми достопримечательностями сдвинулся в сторону спальных районов. Особенно хорошо это наблюдается в социальных сетях, где многотысячные паблики и группы посвящены исключительно образу города, акцентированному на многоэтажной советской застройке. Цифровая культура представляет «панельки» в разнообразии форм: это множественные цифровые фотографии, на которых они изображены через различные ракурсы, фрагментарность элементов домов, особенности визуальных обликов их балконов, подъездов, фасадов с советскими мозаиками; атмосферность советских маленьких кухонь, мемов про кухонную философию в уютном, тесном пространстве; на маркетплейсах они представлены в виде изображений на различной продукции (брелоки, серьги, пазлы, светильники и т. д), набирающей в последние годы популярность. Так, наблюдается перевес в сторону визуального образа города, в основе которого лежит визуальный нарратив, искусственно созданный ностальгическими чувствами как неотъемлемой частью городской идентичности.

Объяснение находится в том, что поколение, чьё детство и юность пришлась на эпоху аналоговых культурных форм, вне виртуальной реальности и цифровой культуры, имеет тягу к прошлому и тем нарративам, которые активно исчезают из поля зрения, как когда-то ушла дворовая советская культура. Их идентичность горожанина строится вокруг советского прошлого, что стало частью истории. Помимо этого, цифровая культура культивирует образы и транслирует их следующему поколению, которое не мыслит себя вне цифровизованного мира, тем самым передавая чувство ностальгии тем, кто никогда не переживал тех эмоций, с которыми встречалось поколение до них. Аналогичная ситуация происходит с образом «русской тоски», который перешёл из классической литературы в визуальный городской текст, чьим символом стали образы панелек и петербургских дворов.

В итоге, образ панельного дома как части городского пространства превращает ностальгию в культурный код не одного города, а российских городов в целом, создавая периферийную коллективную идентичность русского города, в котором скрыт

закодированный культурный контекст, чьим содержанием является город за пределами исторического центра.

Широкова Ольга Владимировна,
научно-образовательный центр «Гуманитарная урбанистика»,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
научный сотрудник, Великий Новгород

* * *

А.Д. Шмелев (Москва)

Константин Богатырев в творчестве, в жизни и в воспоминаниях друзей

Столетие со дня рождения Константина Петровича Богатырева, случившееся 12 марта 2025, не слишком широко отмечалось (было лишь несколько публикаций в социальных сетях). Впрочем, Константин Богатырев не пользовался широкой известностью и при жизни, и не случайно некролог, написанный его другом Генрихом Беллем, так и назывался «Некролог незнаменитому человеку».

Убийство Константина Богатырева потрясло его многочисленных друзей и литературную общественность. На Западе появилось довольно много некрологов: как на русском, так и на основных европейских языках. Но в Советском союзе в официальной печати (а другой, как мы помним, не было) царило полное молчание, и не было напечатано даже небольшой заметки, хотя Богатырев как-никак был членом Союза писателей и по протоколу положено было бы на его смерть откликнуться в каком-то официальном печатном издании – обычно такие сообщения печатались в «Литературной газете». Впоследствии, впрочем, выяснилось, что молчание со стороны официальных инстанций было все же не совсем полным: уже после падения коммунизма, в 1996, в журнале «Вопросы литературы» была опубликована секретная записка КГБ, подписанная председателем Комитета госбезопасности Ю. Андроповым и озаглавленная «О похоронах литературного переводчика К.П. Богатырева» [Водопьянова 1996]. Записка была датирована 21 июня 1976 г. (похороны состоялись 20 июня 1976, на третий день после смерти); в ней похороны были отнесены к разряду «скандальных сборищ». Так и говорилось: «Похороны Богатырева состоялись 20 июня на кладбище дачного поселка Переделкино после продолжительного религиозного обряда в местной церкви. Присутствовало около 300 человек. / В их числе находились известные своими антиобщественными проявлениями Сахаров, Шафаревич, Чуковская, Даниэль, а также постоянные участники скандальных сборищ – московские писатели Евтушенко, Слуцкий, Аксенов, Войнович, Корнилов, Ахмадулина, Межиров и некоторые другие». О самом Богатыреве в этом документе было сказано: «Богатырев вступал в контакты с представителями НТС и многими иностранцами, в том числе и связанными со спецслужбами противника. Получал от них идеологически вредную литературу. В окружении допускал негативные суждения о советской действительности, выступил в защиту антиобщественной деятельности Солженицына, Войновича и Гинзбурга».

Но и в Советском союзе было много откликов на смерть Богатырева. Ему посвящали стихи и мемуарные очерки. Некоторые из таких откликов (но далеко не все!) вошли в книгу [Казак 1982]. Разумеется, как это всегда бывает, авторы этих откликов и воспоминаний во многом не согласны друг с другом. И, к сожалению, в некоторых из них содержатся фактические ошибки и несообразности. Это следует иметь в виду, обращаясь к воспоминаниям о Константине Богатыреве как к источнику фактических сведений.

Переводческое мастерство Константина Богатырева заслуживает отдельного пристального анализа. В некоторых случаях его решения представляются напрашивающимися (напр., когда в стихотворении *Jardin du Luxembourg* он передает рифму *Herrn – Stern* как *господа – звезда*). Но иногда виртуозность кажется поразительной. Стихотворение Рильке «Испанская танцовщица» (*Spanische Tänzerin*) заканчивается звукописью:

...und flammt noch immer und ergiebt sich nicht –.

Doch sieghaft, sicher und mit einem süßen
grüßenden Lächeln hebt sie ihr Gesicht
und stampft es aus mit kleinen festen Füßen.

В переводе Богатырева сохранено повторение звуков [з'], [з] и особенно [з'и] (*ползет, не сдается, грозит, разит*), но добавлена звукопись, передающая звуки чечетки:

А пламя [...]
ползет и не сдается, и грозит...

Но точно, и отточенно, и четко,
чеканя каждый жест, она разит
огонь своей отчетливой чечеткой.

Некоторые переводы Богатырева иллюстрируют его тезис, высказанный в эссе, написанном к юбилею Эриха Кестнера для немецкого радио:

Пересоздавая заново стихи, переводчик, как мне кажется, имеет право видеть в них то, чего не видят другие – те, кто читают его стихи в немецком оригинале, включая и исследователей его творчества. И поскольку перевод – не переводная картинка, переводчик имеет право видеть в переводимых им стихах даже то, чего не видит в них сам автор. [Казак 1982: 24]

Тут важен результат. Если получившийся перевод эстетически адекватно передает особенности оригинала, то значит, переводчик действительно увидел в них что-то, что уже было в них заложено. Именно таковы переводы Богатырева.

Литература

Водопьянова 1996 – «Свидетелей происшедшего... выявить не удалось» Публикация З. Водопьяновой,

Т. Домрачевой, Г.-Ж. Муллека / От редакции // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 224–239.

Казак 1982 – Казак В. (ред.-сост.) Поэт-переводчик Константин Богатырев: Друг немецкой литературы.

München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1982. [= Arbeiten und Texte zur Slavistik, Band 25]. 316 с.

Шмелев Алексей Дмитриевич,
доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент РАН,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
главный научный сотрудник, заведующий отделом

* * *

О.А. Шуманская (Минск, Беларусь)

**Семантическая сочетаемость глагола «дышать» в русской поэзии
20-го века**

Глагол «дышать», в силу витального характера описываемого им действия, относится к тем единицам языка, которые часто используются в процессе вторичной концептуализации. Наиболее ярко потенциал этого глагола в формировании переносных значений раскрывается в поэтическом дискурсе, представляющем собой богатый материал для изучения того, каким образом языковая норма преломляется и отражается в индивидуально-авторском творчестве.

Согласно анализу 300 поэтических текстов второй половины 20-го века, размещенных в корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru>) одним из наиболее продуктивных сочетаний глагола является «неодушевленный субъект + дышать», в составе которого глагол наиболее часто принимает одно из следующих переносных значений:

- **двигаться, быть в движении.** Перенос значения основан на ассоциативной связи движения и дыхания как свойств живого организма. В поэтических текстах дышат листья, цветы, ветер, туман, рожь, водоемы, океан, море, озеро, залив, небо и все те явления и объекты, которые человек воспринимает как подвижные и изменчивые: «зябко движутся линии переливных теней – это дышат глицинии на уступах камней», «... ветер смолк дышать не смея», «в душное небо смотрю: давится, делился, дышит»;
- **испарять влагу.** В этом значении глагол сочетается с существительными «земля», «почва», «мох», «асфальт»: «как дышит воскрешающей весной покров земли сырой зелено-черный», «дышит влажный мох»;
- **источать запахи.** Дышат травы, хвойные растения, древесина, лес, асфальт: «смольной хвоей дышащих судов», «горьковатая трава дышит мятым и паслёном», «таинственные травы пустырей, к ногам сбегаясь, дышат горьковато», «дышит мазутом асфальт»;
- **излучать тепло или источать холод,** субъектом выступает широкий круг существительных, так как теплопроводностью по законам физики обладают все объекты: «... вдоль спелой ржи, еще дышавшей жаром»;
- **распространять или передавать эмоции, настроения, состояния.** В качестве субъекта выступают различные существительные: «полынью потери дышит ветер предутренний», «мимозы спозаранку дышали на столах весной»;
- в значении **«жить».** Глагол часто сочетается со словами «душа», «сердце», «слово»: «слышу, как душа моя дышит». Использование «дышать» в целом наделяет неодушевленное существительное антропоморфными чертами, но особенно очевидным это становится в сочетании с перечисленными существительными: «...я из тех, кто собственное слово любит больше собственных детей. А оно, подкидыши мой небесный... я его зову -- оно не слышит, только чувствую – живет и дышит...».

«Дышать» часто заменяет глагол-связку «быть»: «...обнажили невода, там лежали города, а в них жемчуги дышали».

Интересными являются случаи, в которых свойства человека переносятся на части его организма в результате метонимического переноса: «кровь дышала жадно и глубоко, и дымилась страсть из-под ногтей», «пока ноги и горла дышат», «расширяются глаза, дышат, глядят искаженно».

В результате сочетания «дышать» с неодушевленными существительными создаются сложные художественные образы, сочетающие большое количество признаков объектов, явлений и порождающие новые оттенки смысла: «...шерстка злая, словно бездна молодая, смотрит, дышит, шевелит...».

Таким образом, через использование лексемы «дышать» перечисленные неодушевленные субъекты наделяются антропоморфными чертами. Так создаются экспрессивные художественные образы, подчеркивается важность описываемых явлений и объектов неживой природы, усиливается суггестивный и эстетический характер поэтического текста.

Ольга Анатольевна Шуманская
докторант кафедры речеведения и

Е.Б. Яковенко (Москва)

«Записки княгини Е.Р. Дашковой: неизученные аспекты

«Записки княгини Е.Р. Дашковой» – текст, являющийся уникальным по многим причинам. Во-первых, в истории известно не так много случаев, когда произведение мемуарного жанра, автором которого является личность национального масштаба, активно и неоднократно переводилось на языки других стран. Во-вторых, «Записки» отличаются довольно сложной и запутанной текстологией, они изначально создавались не на русском языке и знакомы нашим соотечественникам главным образом по переводам. В-третьих, несмотря на их известность, удивительным образом «Записки» (по крайней мере, их иноязычные версии) никогда не исследовались с точки зрения их языка. При том, что исторический фон и содержание мемуаров Е.Р. Дашковой хорошо изучены, лингвистический и переводческий аспекты этого произведения до сих пор практически оставались без внимания.

Предпринимаемое исследование имеет своей целью рассмотреть историю создания «Записок» и их публикации, изучить особенности стиля и лексико-грамматической организации оригинала и переводов, выявить переводческие стратегии, применявшиеся создателями отдельных версий, провести контрастивный анализ исследуемых текстов и выявить содержательные и формальные отклонения, а также ошибки, присутствующие в переводах.

Текстология «Записок» довольно сложна. Как известно, они создавались княгиней на французском языке в 1805-1806 гг. в селе Троицкое Калужской губернии, где Дашкова проживала в последние годы жизни, и диктовались сестрам Марте и Екатерине Вильмот, британкам ирландского происхождения, сблизившимся с княгиней во время их посещения России. Мемуары, записанные со слов княгини и переведенные на английский, были вывезены Мартой в Англию, но французский текст был ею уничтожен во избежание неприятностей при пересечении границы. В дальнейшем Марта Вильмот, в замужестве Брэдфорд, подготовила текст к изданию, внеся в него деление на части и главы. Ввиду сильного сопротивления семьи Е.Р. Дашковой, главным образом ее брата С.Р. Воронцова, «Записки» увидели свет в Лондоне лишь в 1840 г., и долгое время этот текст считался оригинальным. Благодаря активному вмешательству А.И. Герцена в 1857 г. вышел немецкий перевод «Записок», а в 1859 г. – первый русский перевод с его предисловием. В том же году появился первый французский перевод Альфреда Дез Эссара (des Essarts). В 1874 г. журнал «Русская Старина» опубликовал новый сокращенный перевод «Записок». Все указанные переводы были выполнены с английской версии.

Французский текст «Записок» (“Mon histoire”), хранившийся в архиве князя Воронцова, идентичный тому, с которого выполнялся английский перевод М. Вильмот (Брэдфорд), был опубликован в 1881 г. и открыл новую страницу в истории произведения. Он стал источником русского перевода Н.Д. Чечулина (1907) и еще одного английского перевода, выполненного переводчиком русского происхождения Сирилом Фицлайоном (Кириллом Зиновьевым) (1958). В 1987 г. группа переводчиков и исследователей МГУ осуществила новый перевод «Записок» на русский язык.

Контрастивный анализ десяти вышеупомянутых текстов, из которых один – французское издание архивного текста 1881 г. – является оригинальным, а еще один – английское издание, подготовленное М.Брэдфорд, – псевдооригинальным, демонстрирует определенные структурные и содержательные расхождения между текстами, которые могут быть рассмотрены на уровне микроконтекстов в рамках теории эквивалентности.

Эти расхождения не препятствуют целостному восприятию текста, но при этом обнаруживается ряд частных деталей, приводящих к различным трактовкам. Обращают на себя внимание следующие моменты: 1) вероятный полилингвизм автора и частые случаи языковой интерференции, проявляющиеся в нетипичном для французского и английского языков порядке слов, оформлении тема-рематического деления предложения; 2) преимущественно буквальный характер большинства переводов, за исключением переводов 2-й пол. XX в., 3) сочетание в последних переводах тенденций к стилизации и имитации языка начала XIX века, с одной стороны, и к модернизации, с другой стороны. Все это, вместе взятое, позволяет считать «Записки княгини Е.Р. Дашковой» произведением, требующим дальнейшего внимания и серьёзного многостороннего анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронцов-Дашков А.И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. М.: Молодая гвардия, 2010.
(Серия «Жизнь замечательных людей»).
- Дашкова Е.Р. Записки. Под ред. С.С. Дмитриева. М.: Изд-во Московского университета, 1987.
- Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой. Перевод с английского языка. Лондон, б.изд., 1859.
- Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russian, written by herself. Comprising letters of the Empress and other correspondence. Edited from the originals by Mrs. W.Bradford. In two volumes. London: Henry Colburn, 1840.
- Mémoires de la Princesse Daschkaw. D'après le manuscript revu et corrigé par l'auteur // Архив князя Воронцова. XXI. Бумаги княгини Е.Р.Дашковой (урожденной графини Воронцовой). М.: Университетская типография, 1881.

Екатерина Борисовна Яковенко
доктор филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН,
профессор Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (ПСТГУ)

* * *

М.В. Ясинская (Москва)

Словенская мифологическая лексика на пограничье: между своим и чужим

В докладе на материале данных диалектных словарей, имеющихся публикаций фольклорных текстов и собственных полевых исследований будет представлена мифологическая лексика словенского этнического меньшинства, проживающего в Италии вдоль словенско-итальянской границы в провинции Фриули-Венеция-Джулия (регион Венецианская Словения — долины рек Торре и Натизоне). Длительное соседство с романским языковым окружением (а славяне населяют эти земли с V–VI вв.) не могло не сказаться на языке словенского меньшинства, в котором наблюдается сильное романское влияние на всех уровнях, начиная с фонетики и заканчивая лексикой и синтаксисом. Однако, вместе с тем в диалектах и традиционной культуре словенцев в Италии сохраняются архаические черты, уже утраченные в материевой Словении. Например, это касается верований, связанных с такими мифологическими персонажами, как *кливопеты* (*krivopeta*) — женские демоны, характеризующиеся вывернутыми задом наперед ступнями. То же касается представлений о *шкрамах* (*škrat* ‘гном, карлик’) как душах умерших до крещения младенцев (в результате выкидышей, абортов, инфантицида). Для наименования мифологических персонажей используется как славянская, так и заимствованная (из романских и немецкого языков) лексика. Кроме демононимов (названий демонов) в докладе планируется представить глагольную

лексику, называющую действия мифологических персонажей («пугать», «казаться», «водить» и пр.), а также действия ведьм и колдунов («причинять порчу», «проклинать» и пр.) и результаты их действий («сглаз», «порча», «проклятие», «одержимость»). Указанная лексика будет рассмотрена как с генетической (выявление корпуса исконных и заимствованных лексем), семантической (установление основных мотивационных моделей номинации), так и со структурной точки зрения (поиск частотных словообразовательных моделей). Предполагается также коснуться вопросов функционирования мифологической лексики: табуизации, эвфемизации, использования в различных речевых жанрах (в том числе в проклятиях), употребление мифологической лексики в переносных значениях (например, сравнение непослушного ребенка со *шкраптом*, худой женщины с *тантой* и др.). В ходе доклада для сравнения будут привлекаться данные по соседствующим традициям провинции Фриули-Венеция-Джулия (по данным исследования А. Николозо-Чичери, чья монография посвящена традиционной культуре национальных групп всего региона, включая фриулов, итальянцев и словенцев).

Ясинская Мария Владимировна,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора
Институт славяноведения РАН

Список докладов

- Т.Л. Александрова* (Москва). Осьминоги на деревьях и другие странности античного естествознания в поэме Оппиана «О рыбной ловле»
- О.В. Антонова, А.В. Занадворова* (Москва). Способы представления информации в словаре для школьников: справочные таблицы
- О.Н. Афиногенова* (Москва). Малоизвестные чудеса вмч. Феодора Тирона: суровый воин, но добрый покровитель
- М.В. Ахметова* (Москва). «Безбожная» демонология: фигура черта/дьявола в раннесоветской пропаганде
- А.В. Бабаева* (Воронеж). Мемуары – «ловушки» социальной памяти
- Е.Э. Бабаева* (Москва). «Сценарные» эвфемизмы как свойство неформальной речи (на материале французского языка)
- Л.А. Барышникова* (Нижний Новгород). «По родительским польтам пройдясь...» (1999) Б.Рыжего: опыт комментирования
- Л.В. Безбородова, И.А. Ягуда* (Ростов-на-Дону). Способы оформления справочного аппарата в научных изданиях
- А.Д. Белогорцев* (Белгород). Автофикациональное как метод: от текста к изображению
- М.Г. Белодедова* (Москва) Элементы биографии и автобиографии в ненецких личных песнях и детских песнях *нюкуб*
- В.В. Бельский* (Москва) «Писал ИлиМильку-шаббанит, диктовал АттинПарлану»: Функция колофона при фиксации угаритской эпической традиции
- Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко* (Москва)/ «Цивилизация»: термин, понятие, концепт, метафора
- А.М. Введенский, А.С. Кибинь* (Санкт-Петербург) Первая письменная фиксация мифологического персонажа *наавка*
- А.Ю. Виноградов* (Москва)/ Об источнике сюжетов в двух арабских сказках: «Синдбад-мореход» и «Али-Баба и сорок разбойников»
- Е.А. Виноградова, Г.В. Титов* (Москва) «Силок Велиара»: фреска трапезной монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе и изображения ада в иконографии «Лествицы»
- Д.Г. Вирен* (Москва). Режиссер анимации приходит в игровое кино: польские примеры
- В.А. Воробьев* (Москва) Топика пьянства в студенческих песнях: количественные данные
- О.А. Воробьева* (Москва). «Пьют, за неимением водки, чистый спирт, одеколон и керосин»: к проблеме изучения свидетельств о маргинальном
- И.В. Галактионова* (Москва). Ортологическая лексикография: первые словари трудностей и неправильностей в русской речи
- Н.А. Галактионова, Н.А. Никулина* (Тюмень). Хрущёвка как метаобраз культуры: история визуализаций
- Э.Л. Гептинг* (Великий Новгород). «Лампат(д)ошники» – социальные маргиналы Ильменского Поозерья?
- Р.А. Гоголев* (Н.Новгород–Москва). «Валяное дело» Ф.П. Хитровского: к истории неотправленного письма М.Горькому
- М.В. Головизнин* (Москва). «Житийный» и «человеческий» жанры шаламовской отечественной мемуаристики
- М.В. Головизнин* (Москва). На краю христианского мира: эфиопская письменная традиция в диалоге цивилизаций
- М.А. Графова* (Москва). Шура Климова, или о чём мечтать бедной девушке при Советской власти: неизвестная пьеса Е.Л. Шварца в контексте полемики эпохи Великого Перелома
- С.В. Гришина* (Вологда). Переселенческий «самиздат» как социокультурный феномен: низовые инициативы по сохранению памяти о деревнях и сёлах Белозерья, затопленных при строительстве Волго-Балта
- А.А. Гусева* (Москва). Иеротопическое поле исторического сознания (на материале «Дневников» прот. А. Шмемана)
- Е.И. Державина* (Москва). Особенности второго издания Миней Четырех Димитрия Ростовского
- Д.А. Добровольский* (Москва). Бернард Клервоский и Русь: к истории одной невстречи
- С.В. Друговейко-Должанская* (Санкт-Петербург). «Кто-кто?» — «Пухто!» (История одного регионализма)
- В.И. Дюдина* (Коломна). «Крайний Север» К.А. Коровина
- И.Е. Епифанов* (Москва). Следы мирового археосюжета в структуре воспоминаний А.Е. Лабзиной
- И.О. Ермаченко* (Санкт-Петербург). «...Наше отбытие на Дальний, взбудороженный и разбуженный Восток...». Российская и китайская провинция в железнодорожном транзите В.П. Кравкова (1904 г.)
- В.А. Ефремов* (Санкт-Петербург). Медикализация современного языка: новая этика и психология

- Е.А. Закревская* (Москва). Память «столичная» и «периферийная»: сравнительный анализ устных рассказов о коллективизации и раскулачивании
- Т.С. Зевахина* (Москва). Метафорический потенциал русской глагольной лексики (на материале современной прозы)
- Е.В. Зименек* (Москва). Приоткрытый занавес: маршрут Москва – Веллингтон и обратно 1957 года
- Г.А. Золотков* (Москва). Концептуальная экспедиция к границам настоящего: философское исследование современности на полях романа Т. Маккарти «Сатин Айленд»
- М.Ю. Игнатьева* (Барселона, Испания) Имя и власть: проблемы передачи имени *San Juan de la Cruz* на русском языке
- Е.Н. Ильина* (Вологда). Словарь диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм: опыт описания корневого гнезда
- А.А. Индыченко* (Москва). Сообщения о коренных народах северо-восточных окраин России в чешской публицистике и научной литературе периода национального возрождения 1-й трети XIX в.
- Е.В. Инсарова* (Санкт-Петербург). Вопрос космополитизма в письмах М.М. Антокольского
- Н.П. Иорданы* (Москва). О некоторых языковых особенностях русско-литовских месяцесловов кириллической печати второй половины XIX в.
- Ю.В. Кагарлицкий* (Москва). «Вера православная, власть самодержавная»: Еще раз о Булгакове — читателе Мережковского
- Е. В. Казарцев* (Москва). «Первый звук хотинской оды» — откуда он?
- А.Л. Касаткина* (Москва). С.И. Гамалея как один из прототипов Радотова в комедии Екатерины II «Обольщённый»
- Е.Н. Катышева* (Томск). Дневник экспедиции как гибридный текст (на материале студенческих дневников фольклорных экспедиций)
- И.Б. Качинская* (Москва). Этнолингвистический словарь Кенозерья: Пробные словарные статьи. Веник
- К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко* (Москва). Минималистичная идиома *от и до*: разные способы интерпретации крайних точек и пространства между ними
- И.В. Козлова, С.В. Белянин, Е.Ф. Левочская* (Москва). День пионерии – праздник юности или политическое высказывание
- И.Е. Колесова* (Вологда). Проблемы отождествления корней при создании «Словаря диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм»
- Т.В. Корбачёва* (Минск, Беларусь). Семантика наименований компонентов суточного цикла в русском языке: диахронический аспект
- З.А. Корнилов* (Нижний Новгород). Дивеевский текст: от церковной окраины к сакральному центру
- А.В. Коротаев* (Санкт-Петербург). Записная книжка П.Т. Безумова как биографический документ и свидетельство эпохи
- К.П. Костомарова* (Москва). Хорошо ли быть хорошим? Языковые метаморфозы советской морали
- О.Е. Кошелева* (Москва). Расспросные речи беглых крестьян как эго-документы XVIII в.
- А.Г. Кравецкий* (Москва). Пляска семи цензоров: к истории цензурных запретов в России начала XX века
- Т.Ю. Кравченко* (Москва). Воспоминания Н.А. Северцовой и роман Л.М. Леонова «Русский лес»
- И.П. Кулакова* (Москва). «Ты слушаешь ли, царь?»: хозяйка тетради в коленкоровом переплете и ее тексты 1850-х – 1890-х годов
- Н.А. Курзина* (Санкт-Петербург). Автобиография и родословная Маргариты Ивановны Доможировой: «Хранить вечно лет»
- А.В. Лаврентьев, А.А. Преображенская* (Москва). «Душегубивый Олег» и «антихристов предтеча» Епифан Кореев: антирязанские инвективы в памятниках Куликовского цикла
- Т.В. Левицкая* (Москва). Литературное наследие Лидии Лашеевой в контексте эпохи
- Е.Е. Левкиевская* (Москва). Церковнославянские богослужебные тексты в структуре народного «отпевания» (на примере украинского анклава Саратовской обл.)
- В.А. Левонтина* (Москва). О футуристических практиках в русскоязычной музыке
- И.Б. Левонтина, Т.А. Михайлова* (Москва). Если любит кто кого (о синкретизме субъекта и объекта эмоционального отношения)
- С.С. Левочкин, Е.Ф. Левочская* (Москва). Литературный костер в призме «периферийного зрения»: культурно-философский подход
- П.В. Лукин* (Москва). Ключи и посулы: претензии ганзейских купцов к политическому строю Великого Новгорода
- В.Д. Любков* (Москва). «Наивная» автобиография: эго-текст Абрама Булыгина как уникальный феномен в литературе России конца XVIII в.
- Ф. Б. Людоговский* (Банска Бистрица, Словакия). Четыре письма 1969 года из США в СССР
- А.В. Малыгина* (Нижний Новгород). Максим Горький и Максим Дмитриев: значение иконографии нижегородского периода для мировой известности писателя

- Т.А. Мамасова* (Москва). Шторма в памятниках русской агиографии и дипломатической документации XVI-XVII вв.
- А.А. Машукова* (Москва). Роль эго-документов в воссоздании истории Московской государственной театральной студии под руководством Алексея Арбузова и Валентина Плучека (1938 – 1945)
- Г.Н. Мехнцова* (Пермь). Воспоминания П.С. Богословского о встречах с выдающимися людьми
- М.А. Мизерная* (Москва). «Вся моя вина в том, что я периферийный писатель»: проблемы периферийных авторов в столичном издательстве «Советский писатель» в 1930-х гг.
- Т.А. Михайлова, В.П. Руднев* (Москва). Об одной фотографии: память, реальность и параллельные миры
- М.Ю. Михеев, С.М. Евграфова* (Москва). Создание нового (паразитического) – по ходу – способом «уплотнения», или компрессии старых, в языке уже существовавших до того значений
- Е.А. Мишина* (Москва). Употребление форм императива от глаголов разного вида в эпистолярных жанрах XVII–XIX вв. (от семантики к прагматике)
- А.Б. Мороз* (Москва). Неудобный ойконим: деревня Блядово и ее обитатели
- И.В. Мухачёва* (Москва). Почему тут всегда пробка?: о чем и как пишут сообщения в «Яндекс Навигаторе»
- Е.Н. Никитина, Н.В. Чудова* (Москва). «Объяснения» и «рассуждения» ИИ глазами психолога и лингвиста
- А.В. Носов* (Москва). Крест Павла Обнорского: сакрализация периферийного пространства и почитание
- Т.А. Опарина* (Москва). Пересекая границы: путь "греков" в Россию (первая половина XVII в.)
- Я.А. Пенькова* (Москва). Для чего книжникам Руси было нужно местоимение *етеръ*?
- Г.П. Пилипенко, С.А. Борисов, В.А. Немчинов* (Москва). «Нам нужно *mais tempo*»: культурно-лингвистический ландшафт русской колонии Кампина-дас-Миссойнс в Бразилии
- М.А. Пилиогина* (Москва). Примо Леви: признание через свидетельство
- А.А. Плетнева* (Москва) Индивидуальная молитва и новые формы гимнографического творчества XVIII-XXI века
- А.А. Плотникова* (Москва). «Странствующий дом» (специфика похоронно-поминальной обрядности влашских цыган из восточной Сербии)
- Н.А. Полякова* (Пермь) Периферическое культурное пространство в современной русской литературе
- Е.В. Потапова* (Екатеринбург) Границы художественного в пространстве неопубликованного эго-документа: художественный очерк как способ мышления в «рабочих» записях П. Бажова
- С.В. Прибора* (Москва). Борис Королев об Александре Матвееве. Непрочитанное письмо (к 140-летию со дня рождения выдающегося русского советского скульптора Бориса Даниловича Королёва)
- Е.А. Притыкина* (Лунд/Калининград). Коммодификация нарративов в современных музеях
- Г.С. Прохоров* (Коломна). Воспоминание в полемическом мемуарном повествовании: эстетика и прагматика
- А.В. Птенцова* (Москва). *Ци оүжे ти есть չաճ'ла սъюци*: об одном служебном слове с лексикографических окраин
- Е.В. Пучкова* (Москва). Поэзия эксперимента: документальный текст как пограничное между стихом и документом
- Шура Раханская* (Москва). «Семейная ипотека» середины XIX века в чиновничьей переписке длиною в шесть лет
- А.И. Резниченко* (Москва). Л.П. Карсавин, евразийство и фашизм
- М.С. Ремизова* (Москва). «Срифмуй "любовь" и "кровь"…»
- М.Ю. Реутин, В.А. Черванёва* (Москва). Южно-немецкая легенда о штанах Закхея и ее славянские параллели
- М.М. Ровинская* (Москва). Графоманы пишут детям: опыт типологизации конкурсных произведений для подростков
- О.С. Румянцева* (Москва). Специфика автобиографии Иоанна Павла II: святой и политик о себе самом
- М.И. Рухмаков* (Москва). О работе архимандрита Макария (Глухарева) над переводом «Исповеди» блаженного Августина: реконструкция по эпистолярным источникам
- Ирина Савкина* (Тампере, Финляндия). Дневники подростков оттепели – опыт работы над сборником
- Д.Д. Смолев* (Москва). Тезисы к докладу «Картины в кинофильмах: апоприация художественной эстетики»
- Е.И. Спешилова* (Великий Новгород). «Неужели автобиография обречена быть тщеславным проектом?»: смирение и тщеславие в дневниках Людвига Витгенштейна
- Е.В. Степанян, Т.В. Кузнецова* (Москва). Маргинальное творчество, проект «Наивно? Очень!» и князь Мышкин-аутист

- И.З. Сурат* (Москва). «Волчья тема» Мандельштама: смысл, источники, литературный фон
- С.А. Трифонова* (Москва). Форма дневниковых записей представителей московской аристократии первой трети XIX в.
- А.Е. Трофимов* (Санкт-Петербург). Книга Г.И. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком» (1715): пограничный текст на пограничье России
- И.А. Тымчук* (Москва). «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина» и купеческие эго-документы XVIII в.
- Е.А. Украинцева* (Санкт-Петербург). "Маргиналии как окно в прошлое: пририсовки Радзивиловской летописи в контексте истории Литовской Руси"
- А.В. Уланова, М.И. Алексин, Д.В. Золотарёва* (Москва). В клинике (записки не сумасшедшего)
- Е.В. Урысон* (Москва). *Неделю назад*: к системному описанию синтаксиса и семантики конструкции
- О.Б. Христофорова* (Москва). Что такое *выть знать*? Заметки на полях словарей народных говоров
- А.Ю. Цветкова* (Санкт-Петербург). Видеообращение: структурные особенности
- М.И. Черная* (Москва). Мотив теофании в «Дневниках» протопресвитера Александра Шмемана
- Я.Г. Шемякин* (Москва). Периферия цивилизационной системы как фактор цивилизационной динамики
- О.Д. Шемякина* (Москва). Обманчивые игры новизны: посмертная память об умерших императорах в имении А.А. Аракчеева
- Г.Г. Шеянов* (Москва). «Где трое хотя бы соберутся во имя Мое»: об экклезиологических взглядах
- Д.С. Лихачева*
- О.В. Широкова* (Великий Новгород). «Панелька» как фактор городской периферийной идентичности
- А.Д. Шмелев* (Москва). Константин Богатырев в творчестве, в жизни и в воспоминаниях друзей
- О.А. Шуманская* (Минск, Беларусь). Семантическая сочетаемость глагола «дышать» в русской поэзии 20-го века
- Е.Б. Яковенко* (Москва). «Записки княгини Е.Р. Дашковой: неизученные аспекты
- М.В. Ясинская* (Москва). Словенская мифологическая лексика на пограничье: между своим и чужим

Научное издание

Маргиналии-2025: границы культуры и текста.

Тезисы конференции

(Тотьма, 4–7 сентября 2025 г.)

Составители

М.Ю. Михеев, А.Г. Кравецкий, Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко.